

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

**СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ:
ИЗУЧАЯ ПРОШЛОЕ — СОЗИДАЕМ
БУДУЩЕЕ»**

Вып. 1

Л. Б. Хавкина

КНИГА И БИБЛИОТЕКА

Санкт-Петербург
2011

УДК 02
ББК 78.30
Х 12

Редакционная коллегия серии:

В. Р. Фирсов (председатель), С. А. Басов, А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко

Хавкина Л. Б. Книга и Библиотека // Л. Б. Хавкина; вступ. статья С. А. Басов, И. Н. Качковская. — СПб. : Изд-во РНБ, 2011. — 152 с. — (Библиотекосведение: изучая прошлое — создаем будущее. Вып. 1).

Российская национальная библиотека в партнерстве с Санкт-Петербургским университетом культуры и искусств приступили к выпуску серии книг «Библиотекосведение: изучая прошлое — создаем будущее», которая предполагает публикацию (переиздание) трудов российских библиотекосведов конца XIX — первой половины XX в., которые сыграли важную историческую роль в науке и практике библиотечного дела.

Серию открывает переиздание труда Л. Б. Хавкиной «Книга и Библиотека» (М., 1918). Л. Б. Хавкина — выдающийся российский теоретик и организатор библиотечного дела. Она оставила огромное творческое наследие, насчитывающее более 400 публикаций, но ее дореволюционные работы, имеющие мировоззренческий характер, в советское время практически не издавались. Сочинение «Книга и Библиотека» раскрывает взгляды автора на сущность библиотечной работы и ее миссию в обществе. Во многих главах книги прослеживается «переключка» с современными проблемами библиотечного дела России: «Культура как фундамент современной жизни», «Зачем нужны библиотеки», «Библиотека — социальная сила», «Библиотечная политика», «Библиотекарь — душа дела» и др.

Произведение Л. Б. Хавкиной «Книга и Библиотека» представляет интерес не только для теоретиков и практиков библиотечного дела, она заинтересует всех, кого волнуют судьбы российской культуры.

Издание подготовлено к печати специалистами научно-методического отдела библиотекосведения Российской национальной библиотеки. Авторы вступительной статьи С. А. Басов и И. Н. Качковская.

Печатается по изданию: Хавкина Л. Б. Книга и Библиотека. — М. : Книгоиздательство «НАУКА», 1918. — 172 с.

Подписано к печати 16.02.11.

Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5.

Уч. изд. л. 9,0. Тираж 400 экз. Заказ № 27

Издательство «Российская национальная библиотека», ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

ISBN 978-5-8192-0396-5

© Российская национальная библиотека, 2011

«БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ: ИЗУЧАЯ ПРОШЛОЕ — СОЗИДАЕМ БУДУЩЕЕ»

СЕРИЯ КНИГ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ МЫСЛИ

Российская национальная библиотека совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом культуры и искусств с 2010 г. приступила к изданию серии книг по истории российской и советской библиотечной мысли под названием «Библиотековедение: изучая прошлое — созидаем будущее».

Издание подобной серии позволит сделать доступными современному читателю книги, которые вышли в свет в конце XIX — первой половине XX в. Эти книги выпадали из профессионального оборота в разное время, в силу разных причин, но основная из них — идеологическая. Их авторы отстаивали свои взгляды на библиотеку и ее роль в обществе, на читателя и библиотекаря, на особенности их деятельности. В советское время библиотеки унифицировалась, и все взгляды, выходящие за границы действующей политической линии, попросту отбрасывались. Время кардинально изменилось, и многие идеи, казалось бы, давно забытые, сегодня звучат на удивление свежо, и вписываются в современную практику работы российских библиотек.

Многие книги, изданные десятилетия назад, стали библиографическими редкостями, и не всегда их можно найти даже в крупных научных библиотеках. Полагаем, что подобные труды весьма интересны и полезны сегодня. Прочитав их, мы узнаем, что интересовало наших предшественников, на что они обращали своё внимание; мы познакомимся с достижениями и ошибками библиотечных деятелей и по-настоящему оценим их подчас титанический труд; вернём науке незаслуженно забытые имена достойных и умных людей; осмыслим их советы и рекомендации, теоретические разработки и прогнозы.

Пришла пора дать многим книгам и их авторам новую жизнь, отразить богатство мысли, накопленное российским и советским библиотековедением. Мы уверены, что при знакомстве с книгами этой серии подтвердится мысль, что хорошая старая книга — всегда источник новых знаний.

Все издания аутентичны: единственное, на что «покусались» составители серии — на замену алфавита в книгах, написанных до 1918 г.

Редакционная коллегия

КНИГА И БИБЛИОТЕКА Л. Б. ХАВКИНОЙ

«Когда какая-нибудь мировая библиотека устроит чертог профессиональной славы, то Хавкина займет в нем почетное место»
Library Journal, 1923, Vol. 48, Febr. 15, P. 179.

«Нашей стране необходимо напрячь все силы, чтобы встать на путь культуры, — единственный путь, который может повести ее к возрождению»
Л. Б. Хавкина

Российская национальная библиотека переиздает сочинение Л. Б. Хавкиной, которое вышло в свет единственный раз, в 1918 г., на средства автора.

Имя Л. Б. Хавкиной известно российским специалистам библиотечного дела, но эта известность до сих пор носит специфический характер. Ее труды используются в диссертациях, упоминаются в учебниках. После Великой Отечественной войны Л. Б. Хавкина была награждена орденом «Знак Почёта», ей присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, в 1949 г., уже незадолго до смерти, ей присуждена степень доктора педагогических наук. Советским библиотековедением отдана дань ее работам организационно-технологического толка, её почитают как великолепного организатора, много сделавшего для развития практики, библиотечной науки и образования¹.

Однако работы, носящие ярко выраженный мировоззренческий характер, отражающие взгляды Л. Б. Хавкиной на роль библиотеки в обществе, до читающей публики до сих пор не дошли. Может быть, именно поэтому сегодня бытуют различные оценки ее профессионального наследия. Если Ю. Н. Столяров полагает, что с середины 1990-х гг. «начался этап апологетики Л. Б. Хавкиной»², то Т. Ф. Каратыгина уверена, что ее творческое наследие и вклад в организацию библиотечного дела России еще далеки от адекватной оценки: «О ней, жизнь которой началась в 1871 г. и почти пол-

---

¹ Единственной значительной работой, посвященной жизни и деятельности Л. Б. Хавкиной, является книга: Григорьев Ю. В. Л. Б. Хавкина (1871-1949). М., 1973. 126 с. (Деятели книги). Примечательно, что автор смог, находясь в тисках идеологических ограничений своего времени, показать взгляды Л. Б. Хавкиной, используя критику ее идей для их же раскрытия. И сделал это весьма деликатно и уважительно.

² Л. Б. Хавкина в письмах к В. А. Артисевич // Науч. и техн. б-ки. 1996. № 11. [Вступительное слово Ю. Н. Столяров]. С. 32.

столетия протекала в двадцатом веке, о ней, оставившей огромное литературное наследие, насчитывающее около 400 публикаций, тираж которых достиг 2 млн экземпляров, не знают или почти не знают не только студенты, но и «маститые» библиотековеды»³.

Любовь Борисовна Хавкина (12(24). 04. 1871. Харьков — 02. 06. 1949. Москва) принадлежит к когорте выдающихся российских деятелей библиотечного дела. Она обладала широкой общеобразовательной и культурной подготовкой, окончила курсы при Харьковском музыкальном училище по специальности «теория музыки», владела десятью иностранными языками. Семнадцатилетней она начала трудовой путь в Воскресной школе под руководством крупнейших педагогов того времени Х. Д. Алчевской и А. М. Калмыковой, преподавала в ней, руководила внеклассным чтением учащихся школы, рецензировала книги.

Ее библиотечная деятельность началась в девятнадцать лет с поступления в Харьковскую общественную библиотеку (ныне Государственная научная библиотека имени В. Г. Короленко), в которой она проработала с некоторыми перерывами двадцать лет. В целях получения высшего профессионального образования она выезжает на три года в Германию, учится на филологическом факультете Берлинского университета (1898-1901). Десятилетием позже совершенствует свою профессиональную подготовку на курсах при библиотечной школе в американском городе Олбани (1914). В эти годы началось посещение библиотек Германии и Франции, появились первые публикации о библиотеках этих стран. В дальнейшем она активно будет выезжать в другие европейские страны, в США, Канаду.

В Харьковской общественной библиотеке по ее инициативе открываются нотно-музыкальный отдел, научный отдел библиотековедения, библиотечный музей. Особенную роль она отводила созданию отдела библиотековедения, который, по ее мнению, должен быть «первым в России опытом объединения материалов по библиотечному делу в целях научной разработки и пропаганды рациональных методов постановки библиотек»⁴.

Л. Б. Хавкина публикует статьи в газетах и педагогических журналах (библиотечных в то время еще не существовало) о постановке библиотечного дела за рубежом, выступает с докладами о необходимости библиотечных реформ в России. В журнале «Вестник воспитания» (1907, № 4) она пишет: «Жизнь библиотек может пойти нормальным путем только тогда, когда всту-

---

³ Каратыгина Т. Ф. Любовь Борисовна Хавкина (1871-1949 гг.). К 125-летию со дня рождения, или Портрет через 47 лет // Науч. и техн. б-ки. 1996. № 11. С. 21.

⁴ Цит. по: Григорьев Ю. В. Указ.соч. М., 1973. С.11.

пит в силу законодательство, обеспечивающее им свободное развитие», когда будет уничтожено «административное усмотрение по отношению ко всем сторонам их жизни», когда к участию в деятельности библиотек будут «привлечены общественные силы, и всякие регламентации, ныне тому препятствующие, будут уничтожены».

Л. Б. Хавкина оставила огромное литературное наследие: статьи, рецензии, отдельные издания, посвященные многим проблемам культурного развития и библиотечного дела, различным вопросам работы библиотек дореволюционного и послереволюционного времени. Открытый доступ, каталогизация, десятичная классификация, сводные каталоги, библиография, библиотековедение как наука, подготовка библиотечных кадров, опыт библиотечной работы за рубежом. Среди ее публикаций такие известные сочинения, как «Библиотеки, их организация и техника», «Руководство для небольших и средних библиотек», «Авторские таблицы Кеттера в переработке для российских библиотек» и ряд других. Книга «Библиотеки, их организация и техника» (1904) оценивалась ее современниками как «первая научная работа по библиотечному делу в России». ⁵ На международной выставке в Льеже (Бельгия) за эту работу она получила золотую медаль.

Л. Б. Хавкина была высокопрофессиональным специалистом энциклопедического склада. Ее идеи предвосхитили многие этапные моменты развития библиотек в нашей стране. По ее пособиям училось не одно поколение библиотекарей, ее публикации и высказанные в них рекомендации оказывали действительное влияние на библиотечное строительство первой половины XX в. Многие сочинения Л. Б. Хавкиной стали классикой советского библиотековедения и неоднократно переиздавались. Такая завидная судьба не коснулась ее работ, насыщенных идеологическим содержанием. В советское время они не переиздавались.

«Книгу и Библиотеку» Л. Б. Хавкина адресовала своим современникам в переломный момент российской истории, она писала о ближайших задачах библиотечного дела России, но и сейчас, почти через сто лет, она не утратила своего профессионально-мировоззренческого значения.

Эта книга не раз подвергалась критике в учебниках, методических пособиях, на крупных библиотечных собраниях за буржуазный объективизм, отрыв от политики государства и коммунистической партии. В 30-е гг. XX вв. Л. Б. Хавкина была объявлена буржуазным теоретиком библиотечного дела. Ее упрекали за неверные взгляды в защиту капиталистической

---

⁵ Библиотека: сб. ст. / под ред. А. И. Калишевского и др.: (35 лет библиотечной деятельности Л. Б. Хавкиной). М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. С.6.

идеологии против идеологии социалистической, за «восхваление» постановки работы зарубежных библиотек, отсутствие идеологического воздействия на читателя. Критиковали за увлечение организационно-технологическими задачами в ущерб массовой партийно-воспитательной библиотечной работе.

Именно в «Книге и Библиотеке» прозвучало ее знаменитое ныне высказывание: «...библиотека закладывает фундамент общечеловеческой культуры. Поэтому влияние государственной политики умаляет ее задачу, суживает ее работу, придает ее деятельности тенденциозный и односторонний характер, превращает ее в орудие партийной борьбы, которой публичная библиотека по самой своей сущности должна быть чужда». Это положение оспаривалось социалистическим библиотечеством и всей практикой советского библиотечного дела, а сегодня эта мысль заставляет нас вновь задуматься о роли государственной политики в развитии библиотечной сферы.

«Книга и библиотека» написана по следам зарубежной поездки в Америку. Хавкину привлекали, прежде всего, демократические начала в библиотеках развитых зарубежных стран, бесплатность пользования, удобные часы работы, доступность для читателей, минимум ограничений и, конечно, прогрессивные организационно-технологические методы библиотечной работы.

«Книга и Библиотека» — это разговор о роли профессии и библиотеки в обществе. В ней тринадцать глав. Они глубоко актуальны и сегодня даже по своим названиям: «Культура как фундамент современной жизни», «Зачем нужны библиотеки», «Библиотечные идеалы и их осуществление», «Библиотека — социальная сила», «Библиотечная политика», «Библиотекарь — душа дела» и др.

Л. Б. Хавкина начинает свою книгу словами: «В наши дни на многочисленных примерах подтверждается давно известная истина, что силу и богатство народа составляет сумма знаний, которыми он располагает. Вся жизнь современных государств строится на фундаменте культуры. Там, где знаний мало, где культура слаба, земля приносит меньший урожай, медленнее вертятся колеса машин, не так развита промышленность и торговля, не так тверда защита родины, не так подчинена человеку природа и опустошительнее действуют ее грозные силы, не так успешна борьба с эпидемиями и смертностью, велика преступность и народная бедность, менее совершенны законы и весь строй <...>. Но где же путь к культуре, к той культуре, которая дает народам силу и богатство?»

Весьма показательно обращение Хавкиной к выступлению известного социалиста Ф. Ф. Турати на конгрессе итальянских народных библиотек: «В наше время культура не есть роскошь или прихоть, или дело благотворитель-

ности: это — глубокая и основная потребность жизни и социального уклада < . . > без благотворного влияния культуры слово демократия будет пустым звуком, а самый социализм может стать опасной утопией для умственного состояния тех, которые должны быть его носителями, его героями». Размышления Хавкиной о роли культуры, говоря сегодняшним языком, в модернизации экономики и трансформации всего российского общества не стали менее злободневными за последние сто лет. В полном объеме мы можем сегодня адресовать их российскому обществу и государству. «И если капитал в общепринятом смысле слова, его обороты, прибыль, рост и употребление являются предметом изучения особой науки, то обращение того научного капитала, который заключается в библиотеках страны, заслуживает самого серьезного изучения», — пишет Хавкина.

В следующих главах книги мы погружаемся в смутное время — первой мировой войны и революционных преобразований. Открывается картина книжного голода, массовой гибели книг, книжной спекуляции: «Там и сям грабились и без всякого толка реквизировались библиотеки. Редкие издания, уники, иностранные книги, дорогие гравюры употреблялись «на сигарки» или сжигались, как ненужный хлам».

Примечательно, что в эти тяжелые времена Л. Б. Хавкину волнуют проблемы авторского права и государственной монополии в издательском деле: «Кто дал право нарушить волю великого писателя земли русской, который еще при жизни добровольно отказался от своей авторской литературной собственности и сделал свои гениальные творения общим достоянием?». Она сетует: «А печатное слово — семена культуры — все убывает. Книг выходит мало, и они непомерно дороги; журналы, не выдерживая расходов, закрываются один за другим; а над газетами все реют свинцовые тучи репрессий и гонений. . . ». С победой революции «не кончился крестный путь свободного слова в России. Переменились действующие лица, но роли остались те же, и, по существу, преследования печати революционной властью немногим отличаются от преследования самодержавного правительства».

В главе «Зачем нужны библиотеки» Хавкина рассматривает «смысл устройства библиотек для общественного пользования». Сегодня ее слова служат важным свидетельством того пути, по которому развивались российские публичные библиотеки в начале XX в. Библиотека «. . . является не только рассадником культуры, — писала Хавкина, — но содействует воспитанию нации для демократии».

Она подробно останавливается на опыте американских публичных библиотек, приводя отрывки из доклада на съезде Американского Библиотечного Общества (American Library Association) в 1916 г. его председателя

Мэри Племмер, которая говорила о том, что критический момент в жизни народов заставляет «ощущать связь со всем миром и даже со вселенной», побуждает «глубже взглянуть в самих себя», и мы видим, что «наша профессия играет немаловажную роль в мировых делах. Вот почему для докладов нынешнего съезда выбрана общая тема — публичная библиотека и демократия».

Библиотечная Россия в первый раз решилась обсудить эту тему только в 1997 г. Московский университет культуры организовал научную конференцию и выпустил сборник тезисов «Библиотечное дело и демократия»⁶.

Обширно цитируя доклад М. Племмер, который назывался весьма красноречиво «Публичная библиотека и поиски истины», Хавкина вводит российского библиотекаря в мир высоких философских рассуждений о роли библиотекаря: «Если бы библиотекари знали или хотя бы представляли себе, какая сила исходит от книг, над которыми в библиотеке склоняется столько голов или которые столько рук уносят для чтения домой, то либо преисполнились бы гордости, либо испугались бы своей ответственности». Какой животрепещущий вопрос библиотечной этики — где проходит незримая граница между самостоятельностью читателя, который хочет «жить собственным умом» в библиотеке, и социальной ответственностью библиотекаря, пытающегося взять ответственность за эффекты чтения?

Л. Б. Хавкину привлекает в американских библиотеках «бережное отношение к индивидуальности, к свободе личности и к свободной выработке миросозерцания <...> отсутствие давления на взрослого читателя». Многие ли библиотекари сегодня готовы разделить следующий взгляд на такие отношения с читателем: «Я не должен вмешиваться в поиски истины. Какие бы верования, убеждения и сомнения ни были у меня лично, я должен полагаться на самодовлеющую силу истины. Я должен доверять истине, чтобы она сама пробивала себе путь». При этом библиотекарь не лишается своего права на рекомендацию, приветствуется диалог, активная позиция библиотеки. Без эффективной работы библиотекаря не работает знаменитый девиз Американской Библиотечной Ассоциации: «Наилучшее чтение наибольшему числу людей самым доступным для них образом».

В главе «Библиотечная политика» Л. Б. Хавкина впервые вводит в научный оборот это понятие. Она подробно останавливается на недопустимости давления государственной политики на библиотечное дело, что «нисколько не снимает обязанности с государства, местных самоуправлений, обществ и ча-

---

⁶ Библиотечное дело и демократия: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 8-10 апр. 1997 / МГУКИ. М., 1997. Ч.1-2.

стных лиц содействовать библиотекам». Государство не должно играть по принципу: кто платит, тот и заказывает музыку. Отрицательные эффекты административного воздействия на библиотеки в период царского режима в России и в европейских странах — требование «благонадежности» от библиотечных деятелей и насильственной фильтрации книжного состава библиотек, с наступлением революционного периода только возрастают. Хавкина разрушает миф о том, что большевики реквизируют книжные собрания с целью их спасения и национализации для устройства новых народных библиотек. «Очень много сожжено и безвозвратно погублено помещичьих библиотек < . . . > разрушаются бесплодно одни ценности, но из них не создаются другие < . . . > сбережения в виде книг — показатель умственного развития населения, и потому, естественно, им надо покровительствовать, а не отбирать их».

По всему тексту книги разбросаны яркие приметы времени, наблюдения библиотечарей за чтением читателей из крестьянской и рабочей среды. Эти свидетельства отражаются в отчетах библиотек, оформляются в виде дневников изучения читателя — ценных документах, забытых в настоящее время. Хавкина цитирует данные библиотечной статистики по изучению читателей и читательского спроса, отмечает ее несовершенство, предостерегает от поспешных выводов об общей картине читательского спроса. «Изучение читателя и психологическое, и статистическое должно лечь в основу библиотечной работы, смысл которой — «все для читателя», но изучение должно вестись научно и правильно. . . ».

В последней главе «Ближайшие задачи библиотечного дела в России» Л. Б. Хавкина намечает первоочередные задачи библиотечных реформ. Она ратует за «новую библиотеку», выдвигает два необходимых условия — интенсификацию работы и создание объединений библиотек. «Наряду с интенсификацией деятельности отдельных библиотек, необходимо объединение мелких ячеек в более крупные, образование библиотечных сетей, кооперация библиотек между собою и согласованная деятельность их с другими просветительными учреждениями и организациями».

Л. Б. Хавкина всегда уделяла большое внимание общественным силам библиотечного дела. В 1911 г. по инициативе Петербургского Общества библиотечного дела состоялся Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу. Она подготовила доклад «Публичные библиотеки в России: их современное положение и идеалы будущего», но присутствовать на съезде не смогла. Ей принадлежит главная роль в создании Русского библиотечного общества, которое зародилось из инициативы слушателей первых библиотечных курсов, организованных при Народном университете имени А. Л. Шанявского в 1913 г. в Москве при самом активном участии Л. Б. Хавкиной.

15 мая 1915 г. на собрании, посвященном итогам очередных курсов, было принято решение об организации Русского библиотечного общества. Оно регистрируется в 1916 г. в Москве. Хавкина избирается председателем правления; на этом посту она проработает бессменно, до прекращения деятельности общества в 1921 г. После Февральской революции, в марте 1917 г. состоялось совместное собрание Русского библиотечного общества и Общества библиотековедения (Петроград), в принятой на нем резолюции главной задачей библиотек провозглашалась «подготовка нации для демократии. . . библиотека должна знакомить читателя с взглядами, требованиями всех партий, чтобы он мог сознательно сделать свой выбор»⁷. В октябре 1917 г. Русское библиотечное общество принимает воистину историческое «Воззвание к библиотекам России», которое Хавкина полностью приводит к своей книге. Впервые в России — и это во время революционных ломок — поставлена задача по созданию Всероссийского союза библиотекарей. Мы сможем ответить на этот призыв только в 90-х гг. XX в.

За время деятельности общества было открыто семь филиальных отделений по всей России, в том числе одно из них — в Харькове. 14 февраля 1917 г. Хавкина выступила с докладом «Первые шаги Русского библиотечного общества» на собрании коллектива Харьковского филиала. Так создавалось первое профессиональное объединение библиотечных работников на Украине⁸.

В 1917 г. на съезде в Луизвилле Американское Библиотечное Общество постановило: «Принести искренние приветствия всем в молодой Российской республике, кто исповедовал демократическую веру и теперь видит первое осуществление своих надежд на новую будущность своей великой страны» и выразило готовность «оказывать содействие своим русским собратьям в деле развития в России библиотечного движения». Завершая книгу, Л. Б. Хавкина восторженно восклицает: «Пусть этот привет будет путеводной звездой в нашей работе на поприще библиотечного дела в родной стране!».

Но развитие библиотечного дела в стране Советов пошло другим путем. В кардинально изменившихся обстоятельствах, оставаясь верной своим идеалам, Л. Б. Хавкина смогла выстроить свой жизненный путь без политической ангажированности, с наибольшей пользой для библиотечного дела Рос-

---

⁷ Рычков А.В. Русское библиотечное общество (1916-1921) // Науч. и техн. б-ки. 1994. №7. С. 58-68.

⁸ См.: Березюк Н.М. К. И. Рубинский и Л. Б. Хавкина – основоположники Харьковской библиотечной школы: фрагменты истории // Науч. и техн.б-ки. 2009. № 5. С. 93-103.

сии. В 1920 г. она становится директором Кабинета библиотековедения в системе Главнауки. Через два года Кабинет приобретает статус подразделения Румянцевской библиотеки (ныне Российская государственная). Благодаря усилиям Хавкиной Кабинет библиотековедения, включавший музей, курсы и специальный книжный фонд, в 1924 г. реорганизован в Научно-исследовательский институт библиотековедения, просуществовавший до 1940 г. Его директором она была до 1928 г. Короткий промежуток самостоятельной жизни библиотечного НИИ наверняка дорог и многим современным библиотековедам, отстаивающим самостоятельность (в том числе организационную) библиотечной науки.

В 1925 г. состоялось торжественное заседание в Доме ученых, посвященное 35-летию библиотечно-педагогической и научной деятельности Л. Б. Хавкиной. Юбилей вызвал широкий отклик в среде русских библиотечкарей, приветствовавших в ее лице человека, поднявшего знамя библиотечной профессии до невиданной ранее высоты. Был выпущен сборник статей, в предисловии которого сказано: «С именем Л. Б. Хавкиной связан в истории русского библиотечного строительства ряд славных дел, способствующих развитию библиотечного дела до его современных форм обслуживания широких народных масс»⁹. Наркомпрос предоставил заграничную командировку, и Любовь Борисовна вновь смогла посетить библиотеки Европы и Америки, уже не только жадно впитывая новшества, но и делясь с зарубежными коллегами первым опытом организации библиотечного дела в Советской России. Хавкина сыграла особую роль в российско-американском диалоге. Во время своих командировок она посещала Нью-Йоркскую публичную библиотеку, в 1926 г. приняла участие в праздновании 50-летнего юбилея Американской Библиотечной Ассоциации. Была избрана ее действительным членом¹⁰.

В 1928 г. она покидает пост руководителя Института библиотековедения. Этому предшествовала чистка кадров, были изгнаны наиболее культурные и высокопрофессиональные сотрудники. Можно предположить, что Л. Б. Хавкина предпочла за благо, не дожидаясь осложнений, уйти на пенсию по собственному желанию, сославшись на ухудшение здоровья. По свиде-

---

⁹ Библиотека: сб. ст. / под ред. А.И. Калишевского и др.: (35 лет библиотечной деятельности Л.Б. Хавкиной). М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. С.6. Заметим, что сам сборник, кроме библиографии трудов Л.Б. Хавкиной, включал статьи, толкующие роль библиотек исключительно в «свете ленинизма», что могло восприниматься Л. Б. Хавкиной весьма неоднозначно.

¹⁰ Дивногорцев А.Л. Любовь Борисовна Хавкина и библиотечное зарубежье (1920-е годы) // Библиотековедение. 2001. № 2. С.70-74.

тельству Е. Б. Дударевой¹¹, она так и не признала термина «массовые библиотеки».

Свой следующий юбилей Л. Б. Хавкина «отпраздновала» только в 1996 г. В мае МГУКИ организовал научную конференцию «Библиотекведение: вчера, сегодня, завтра», посвященную 125-летию со дня рождения Л. Б. Хавкиной. Выпущены два тома тезисов¹². Журнал «Научные и технические библиотеки» подготовил подборку публикаций. По мнению Т. Ф. Каратыгиной, конференция впервые охарактеризовала Л. Б. Хавкину как универсального, энциклопедически подготовленного специалиста, рассмотревшего библиотеку как систему, показавшего ее преобразующую роль в жизни общества, оттенившего гуманитарную роль библиотеки как института преодоления времени и пространства и объединения людей, сделавшего методологической базой теории и практики библиотечного строительства все духовное богатство общечеловеческой философии, вырабатывающей всеобщие законы развития общества и мышления¹³.

В 2011 г. со дня рождения Л. Б. Хавкиной исполняется 140 лет. Переиздание труда Л. Б. Хавкиной «Книга и Библиотека» — наш сердечный привет «бабушке библиотековедения»¹⁴, искренний знак уважения и признания великому гражданину России и ученому с мировым именем — Любови Борисовне Хавкиной, которая постепенно возвращается к читателю во всей полноте своих научных трудов и подвижнической жизни, отданной Книге и Библиотеке.

С. А. Басов, И. Н. Качковская

---

¹¹ Дударева Е. Б. Становление профессиональной образовательной деятельности Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: 1920-е – 1940-е гг.: дис. ... канд. пед. наук / РГБ. М., 2010. С.55, 69.

¹² Библиотекведение: вчера, сегодня, завтра: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 23-25 апр. 1996 г. / МГУК; науч. ред. Скворцов В. В. М., 1996. Ч.1-2.

¹³ Каратыгина Т. Ф. Библиотекведение: вчера, сегодня, завтра – научная конференция МГУК...// Науч. и техн. б-ки. 1996. № 11. С. 20-25.

¹⁴ В своем письме В. А. Артисевич от 08.03.1945 Любовь Борисовна писала: «Как поживает Сашуня [двухлетний сын В. А. Артисевич]? Когда снимете его, то не забудьте, что «бабушка библиотековедения» жаждет иметь его фотографию». — См.: Л. Б. Хавкина в письмах к В. А. Артисевич // Науч. и техн. б-ки. 1996. № 11. С. 51.

Л. Б. ХАВКИНА

Книга и Библиотека

*Силу книгу, великую и мощную,
мы еще не умеем как следует пускать в ход.*

Н. А. Рубакин

*Библиотеки — это сокровищницы
всех богатств человеческого духа.*

Лейбниц

I.

Культура как фундамент современной жизни

При каждом потрясении, которое приходится переживать нашей много-страдальной родине, с новой очевидностью обнаруживается вековой недостаток, составляющий ее великое горе, — отсталость в культуре, массовая темнота и невежество.

В наши дни на многочисленных примерах подтверждается давно известная истина, что силу и богатство народа составляет сумма знаний, которыми

он располагает. Вся жизнь современных государств строится на фундаменте культуры. Там, где знаний мало, где культура слаба, земля приносит меньший урожай, медленнее вертятся колеса машин, не так развита промышленность и торговля, не так тверда защита родины, не так подчинена человеку природа и опустошительнее действуют ее грозные силы, не так успешна борьба с эпидемиями и смертностью, велика преступность и народная бедность, менее совершенны законы и весь строй... Но где же путь к культуре, к той культуре, которая дает народам силу и богатство?

После франко-прусской войны весь мир облетело крылатое слово: «школьный учитель победил». Победы маленькой Японии над огромным Китаем и затем над огромной Россией также ставились в зависимость от распространения народного образования, которое началось в эпоху японских великих реформ. Знаменитый указ микадо, изданный в 1872 г., выдвинул задачу: «чтобы в стране не осталось ни одной невежественной семьи и ни в одной семье не осталось невежественного члена». Благодаря энергичному насаждению школ, Япония уже через 30-40 лет достигла почти поголовной грамотности.

Следует ли, однако, понимать буквально, что все дело заключается лишь в школе? И если несомненно, что в основе военной и экономической мощи народов лежит «сумма знаний», то значит ли, что они получают исключительно через школу? Жизнь дает на это отрицательный ответ. В тех государствах, где в области просвещения все внимание сосредоточивалось только на школе, рано или поздно приходили к выводу, что сама по себе школа еще не может дать достаточных результатов. И причины везде отмечаются одни и те же.

Яркое изложение этих доводов в применении к одной из отсталых по культуре стране, — Италии, мы находим в речи известного итальянского социалиста Ф. Турати:

«Мы все сходимся во мнении, что в нашей стране начальная школа не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Чем это объяснить? Плохо ли преподавание, плохи ли ученики, плохи ли учителя? Ни то, ни другое, ни третье. Просто на деле пришлось убедиться, что школа дает недостаточно и не может больше давать при ее оторванности от других проявлений умственной жизни и при отсутствии надлежащей среды.

Мы боремся с неграмотностью путем школы... Но что такое неграмотность? Все ли вкладываем в это понятие одинаковое содержание? Остановимся на нем, так как оно будет проходить красной нитью через все последующие рассуждения.

Грамотностью обычно называют умение читать и писать. С официальной и бюрократической точки зрения грамотность — даже и того меньше: чтобы считаться грамотным, достаточно иметь свидетельство о прохождении трех классов начальной школы, хотя бы человек все позабыл, что там проходило. Получается юридическая фикция: начертательных знаний не следует отождествлять с развитием умственным и нравственным. Между тем на этой фикции мы строим ряд учреждений, даже основываем на ней право политического голосования, которое является фундаментом всей национальной политической жизни.

Если быть грамотным — значит уметь кое-как подписать свою фамилию, а на выборах вписать фамилию кандидата, предложенного префектом; если быть грамотным — значит иметь в кармане бумажку о прохождении чего-то давно уже улетучившегося из головы, в таком случае неграмотность — величина ниже нуля.

Если бы все 34 миллиона итальянцев обладали такой начертательной грамотностью и таким свидетельством, то от этого, понятно, уровень умственного и нравственного развития в нашей стране не повысился бы ни на йоту. Мы только понапрасну держали бы детей в стенах школы вместо того, чтобы дать им резвиться на свежем воздухе, и даром тратили бы деньги.

Но если быть грамотным — значит пользоваться грамотностью как средством контакта и познания социального мира; если правда, что скряга, не пользующийся своими сокровищами, беднее последнего нищего, то нужно сказать, что число неграмотных в Италии вовсе не ограничивается 60 или 50 процентами. И тогда окажется, что статистические исследования наших социологов и все их сопоставления между неграмотностью, с одной стороны, и политической экономией, финансами и преступностью — с другой, только вводят в заблуждение, так как не может быть никакой связи между этими фиктивными данными и подлинной умственной и нравственной жизнью страны.

У нас любят щеголять красивой фразой, что с открытием каждой новой школы закрывается тюрьма. На деле иногда школа и тюрьма открываются одновременно, и тот, кто в школе научился лишь читать и писать и больше ничего из нее не вынес, пользуется грамотой, чтобы подделывать векселя и писать подметные письма.

Итак, с 70 процентов грамотных мы спустились до 50, и если исключить детей дошкольного возраста, то выйдет, что в Италии всего 13 или 14 миллионов грамотных жителей. Но блажен, кто верует! Если бы эта цифра отвечала действительности, то мы могли бы почитать себя счастливейшим народом. На деле же из этих грамотных большинство тоже неграмотны, так как

пользуются орудием, которое было дано им в руки лишь для того, чтобы записать белье прачке или хозяйственные расходы.

Представьте себе ребенка, который родился со сросшимися веками. Школа производит над ним операцию, необходимую, чтобы он прозрел, и в таком виде возвращает его семье и обществу. Однако семья и общество погружают его во мрак, где он, хотя и зрячий, ничего не может видеть, и где от бездействия через некоторое время его глазное яблоко сморщивается и зрительный нерв атрофируется, а если свет случайно будет раздражать его глаз, то перед ним явятся лишь смутные неясные очертания.

Наши правящие классы никак не возьмут в толк, что *школа, как отдельное звено, оторванное от остальной цепи*, является лишь условной ложью цивилизации и ничего поделать не может. Мало того, у нас стремятся объяснять неуспех школы ходячей фразой, что школа будто бы дает образование, но не дает воспитания. Между умом и сердцем человека создают какую-то несуществующую двойственность!

На самом же деле воспитание — не что иное, как образование, но так сказать высшего порядка. Лишь когда культура дает нам возможность предусмотреть последствия и социальные отзвуки наших поступков, мы можем считать себя «образованными» в этимологическом и социальном смысле этого слова, т. е. способными приспособляться к среде и приспособлять ее к себе...

В сущности, мы заботимся лишь о том, чтобы дать инструменты, но не заботимся о том, чтобы дать сырой материал, который умы могли бы перерабатывать. Мы уподобляемся тем, которые, собираясь накормить голодного, накрывают на стол, но забывают подать кушанье. Мы поступаем, как люди, которые должны дать работу безработным и приносят хорошо оборудованные ткацкие станки, но не дают пряжи, а между тем требуют, чтобы получилось полотно.

Таково в общих чертах еще ныне положение народного образования в Италии.

Приходится считаться еще с одним серьезным обстоятельством: с *полузнанием*, которое составляет характерную особенность настоящего времени. Собственно его неправильно называют «полузнанием»: это не половина, а, может быть, десятая, сотая часть того, что мог бы приобрести современный человек. В полузнании — великое зло современности.

Круглый невежда, первобытный человек, может быть уравновешенным. У него есть инстинкт, органический опыт, добытый тысячами зоологической жизни, известные традиции, заветы стариков. Невежда далеко не уходит, но по этим вехам пойдет прямой дорогой.

Теперь вообразите, что в одну из пустынных (*deserte*) голов попадет какая-нибудь мыслишка и разрастется, заполнит всю голову, не встречая других мыслей, которые поддерживали бы ее в равновесии. Представляете ли вы себе, какое опустошение, какое развращение эта маленькая мысль внесет в чувства и в умственную жизнь данного человека?

Нечто подобное мы видим в области политической жизни, где газета стремится вытеснить книгу. Газета на невежественные умы может также производить разрушительное и развращающее действие, тем более, что в широких массах обыкновенно довольствуются чтением одной газеты, именно той, которая соответствует личным взглядам читателя. Мне самому нередко приходилось слышать вопрос: как, вы читаете *Perseveranza* или *Corriere della Sera*? Разумеется, читаю. Нет ни смысла, ни пользы всегда глядеться в зеркало, и я даже предпочитаю чтение газет чужого лагеря.

Все это, однако, еще до сих пор у нас недостаточно сознается. . . Вывод из вышеуказанного, по моему разумению, следующий: образование нельзя давать крупицами. Оно подобно некоторым лекарствам, которые в малых дозах не оказывают действия и должны прописываться в полномерной дозе.

Немыслимо уделять народным массам только крохи просвещения. Нужно выбрать одно из двух: или возвратиться к временам святого блаженного невежества, *sancta simplicitas*, или идти вперед быстрыми шагами, так как остановиться посередине совершенно немыслимо.

Нельзя останавливать поступательного движения мысли, иначе приобретенные скудные понятия застрянут в голове, как инородное тело, вызывающее воспаление и гангрену.

В наше время культура не есть роскошь или прихоть, или дело благотворительности: это — глубокая и основная потребность жизни и социального уклада.

Прежде история творилась отдельными личностями: герои, согласно Карлейлю, были великими представителями народного и национального гения. Теперь же на сцену вместо героев выступает *tout le monde*, все, т. е. массы.

И без благотворного влияния культуры слово демократия будет пустым звуком, а самый социализм может стать опасной утопией для умственного состояния тех, которые должны быть его носителями, его героями.

С каждым днем очевиднее становится, что всякая область деятельности должна иметь свою технику, своих специалистов. Должны ли мы, можем ли мы повернуть вспять? Разумеется, нет. Это понимают даже самые упорные консерваторы. А раз нельзя идти вспять, потому что это нелепо и безумно, то

надо наверстывать потерянное время и с удвоенной энергией двигаться вперед.

Крупная промышленность, составляющая особенность нашей эпохи, требует культуры как необходимого экономического фундамента. Машина взяла верх над мускулом; ныне мозг и нервы определяют промышленный успех нации. Русский рабочий, по сравнению с английским или американским, не выполняет и десятой части работы.

Крупная промышленность требует культуры и в то же время до известной степени ей препятствует. Это один из современных парадоксов: с одной стороны кое-что атрофируется, с другой — гипертрофируется. И только распространение культуры может восстановить равновесие. Ею нужно пользоваться, как пользуются гимнастикой, которая восстанавливает физическое равновесие человека.

Возьмем для примера эмиграцию. Нашим безграмотным эмигрантам грозит опасность, что для них закроют двери по ту сторону океана. Но, кроме географической, у нас есть еще другая, не менее серьезная эмиграция — от ремесла к ремеслу. Вспышки безработицы, заставляющие менять специальность в работе, требуют гибкости и подвижности ума, а эти свойства не развиваются, если человек замыкается на одном физическом труде и не приобретает основных свойств, помогающих ему применяться ко всяким новым условиям.

Все современное рабочее движение властно требует культуры. Как может пролетариат мечтать о возвышении, если он находится на самых низах умственного развития? Разве при борьбе за минимальные программы, за кооперативы, за социальные законы при третейских судах или примирительных камерах не встает настоятельная необходимость разобраться во всех этих вопросах? И мы видим, что культура нужна безотлагательно. С нею нельзя медлить ни одного дня, ни одного часа, чтобы не наступило великое разочарование, чтобы всё, к чему мы стремимся, не показалось несбыточной иллюзией.

Разве сокращение труда, восьмичасовой рабочий день и праздничный отдых явятся прогрессивными реформами, если не будут идти об руку с развитием просвещения? Без просвещения эти реформы поведут лишь к трактиру и беспутству.

Италия — страна по преимуществу земледельческая, и мы должны думать не только о городе, но и о селе, где работа школьного учителя идет на смарку, потому что ребенок, выходя из школы, попадает под влияние грубой, почти животной жизни...

Закладывая фундамент культуры, мы стремимся не только рассеивать невежество, но также дать нашей нации необходимейшие средства для борьбы за существование, порожденной огромной мировой конкуренцией.

Как социалист, я должен отметить еще одну черту. Вольно или невольно мы также способствуем делу справедливости. Мы мало-помалу идем к уравнению социальных классов. Но это — не демагогическая нивелировка, принижающая всех книзу, а совсем иная нивелировка, превращающая чернь в народ: нивелировка в высь»^{*)}.

Слова Турати относятся к Италии. Это — отрывок из его речи на конгрессе итальянских народных библиотек, состоявшемся десять лет тому назад, но высказанные им общие положения поразительно близки и злободневны для современной России.

Конечно, мотив этот не нов и у нас. Лучшие люди России — писатели, мыслители, политические борцы, публицисты, государственные и общественные деятели — давно болели душою за ее отсталость и выражали это на разные лады. «Сейте разумное, доброе, вечное» — завещал Н. А. Некрасов. «О, если бы давно великому народу был светоч знания дан и выход на свободу», — мечтал поэт скорби и печали П. Я. Мельшин... Примеров можно назвать без конца.

На необходимости культуры для родной страны сходятся люди самых разнообразных взглядов и убеждений. Сознательно препятствуют просвещению лишь те, которые пользуются народной темнотою для своекорыстных целей; возглавляют невежество только демагоги.

II.

Внешкольное образование

Почти одновременно со стремлением к введению всеобщего начального обучения стало и у нас вырабатываться сознание, что элементарная школа сама по себе далеко не разрешает проблемы просвещения, тем более, что у нас дети покидают школу в слишком раннем возрасте и в последующие периоды жизни лишены достаточного культурного воздействия. Впервые коллективное мнение по этому вопросу высказано было на общеземском съезде по народному образованию 1911 г., на котором принята была следующая резолюция:

---

^{*)} Le Biblioteche popolari al primo Congresso Nazionale (Roma, 6 – 10 Dicembre 1908). Scritti e discorsi. Milano. 1910, pp. 17 – 26.

«Правильное и успешное развитие хозяйственной, общественной и государственной жизни возможно только при высоком культурном уровне всего населения. Школа даже при самой совершенной ее постановке и при значительной продолжительности курса не может удовлетворить повышаемых ею самую запросов населения как потому, что обслуживает в каждый данный момент сравнительно небольшую часть населения и притом еще не принимающую активного участия в общественной жизни, так и потому, что приобретенные в школе знания без дальнейшего укрепления и пополнения их скоро забываются, вследствие чего затраты на школьное образование без организации внешкольного образования являются малопродуктивными. В силу этих соображений внешкольное образование должно занять самостоятельное место в ряду мероприятий, направленных к поднятию культурного уровня населения, и быть признано со стороны общества и государства во всяком случае не менее ценным, чем образование школьное, и одинаково необходимым».

Общеземский съезд, собственно, дал толчок к разработке вопроса о внешкольном образовании, причем в дальнейшем наметились разнообразные оттенки даже в толковании этого термина. Так В. И. Чарнолуский в «Юбилейном земском сборнике 1864—1914 гг.» считает задачей внешкольного образования «возможно более полное, широкое и всестороннее удовлетворение образовательных и эстетических потребностей всей массы взрослого населения».

Харьковский съезд 1915 года по устройству «разумных развлечений» (так пришлось переименовать «внешкольное образование»), потому что местная администрация, допустив по существу положение о съезде, потребовала исключения этого термина) вынес следующую резолюцию: «Организация разумных развлечений для народа должна охватывать все меры, направленные к пробуждению его духовных запросов в области научных и прикладных знаний и выражаться в распространении книг, картин, газет, устройстве библиотек, читален, чтений, лекций, собраний, курсов, кинематографа, музеев и проч. ».

Харьковский съезд определенно высказался в том смысле, что не считает внешкольное образование достоянием исключительно взрослых. Признавая всеобъемлющей ячейкой внешкольного образования народный дом, съезд так формулировал его задачи: «а) содействие внешкольному образованию и воспитанию взрослых, подростков и детей дошкольного возраста в умственном, нравственном, художественном и физическом отношениях, б) общественное воспитание населения и объединение местных культурно-просветительных и экономических организаций».

Ныне общественная мысль пошла еще дальше и включила в круг клиентов внешкольного образования также и школьников, открывая им доступ в детские клубы, в детские библиотеки, в летние колонии, на площадки для игр и т. д. Таким образом, постепенно выяснилось, что внешкольное образование предназначено для всех, что им может и должно пользоваться все население от мала до велика.

На первых порах у нас наметились два противоположных направления во взглядах на внешкольное образование. Одно из них (Виноградов и др.) считало главной основой образования школу и отрицало за внешкольным образованием самостоятельное значение. Другое (Гермониус, отчасти Медынский) не признавало за школой образовательного значения и главную роль в культурном развитии страны отводило внешкольному образованию.

Среднюю примиряющую линию взял С. О. Серополко. В своей брошюре «Основные вопросы внешкольного образования» (М. , 1913 г.) он доказал, что оба выше приведенные взгляда страдают односторонностью. «Как бы ни была совершенна школа, все же она не может быть признана достаточной для культурного развития страны», — говорит он, — «мало того, с ростом и развитием школы непрерывно растет и потребность во внешкольном образовании». В опровержение взгляда А. К. Гермониуса, будто школа не дает знаний, а лишь указывает легчайшие способы и кратчайшие пути как к нахождению самих знаний, так к их приобретению и усвоению, он приводит следующее доказательство: «Всякая школа призвана давать знания, вот почему и внешкольное образование знает такие формы, которые целиком заимствованы из сферы применения школьного образования... Всем этим я хочу сказать, что школьное и внешкольное образование, имея вполне самостоятельное значение, являются равноценными частями одного порядка явлений, а именно — того психологического процесса, который побуждает человека к расширению своего умственного кругозора».

Ряд споров возбуждал вопрос о том, кем и как должно осуществляться внешкольное образование. У нас еще и до сих пор многие склонны приурочивать все мероприятия по внешкольному образованию к школе и поручать их осуществление народному учителю. Другой взгляд, выразителем которого является проф. Б. И. Сыромятников, указывает, что «паразитизм внешкольного образования на школе» вреден для обоих видов образования; что учитель, при современных требованиях к школьному преподаванию, не имеет в своем распоряжении такого количества времени, которое требуется для работы по внешкольному образованию даже в малом масштабе; что залог ус-

пека в мероприятиях по внешкольному образованию кроется в том, чтобы ими руководили люди, специально подготовленные и посвящающие им полностью свое рабочее время.

На такой же точке зрения стояла комиссия Временного Правительства по внешкольному образованию под председательством гр. С. В. Паниной. В этой комиссии выработан был план субсидирования местных учреждений по внешкольному образованию в селах, на который испрашивался на 1918 год кредит в 72 млн рублей. План разработан был таким образом, чтобы каждой волости давалась субсидия на оклады лицам, приглашенным исключительно для работы по внешкольному образованию. Этим имелось в виду увеличить интенсивность внешкольной работы и повысить ее качество, так как специальная ассигновка на оплату труда давала бы возможность повысить требования к работникам по внешкольному образованию. Чтобы подготовить кадры деятелей, та же комиссия проектировала устроить при финансовой поддержке министерства народного просвещения около сотни краткосрочных и долгосрочных курсов в различных местностях России. К сожалению, политические события не дали осуществиться этому плану, который мог бы иметь грандиозные результаты. Вместо планомерности, единства и широты в работе по внешкольному образованию, от которых можно было бы многого ожидать, сейчас мы видим в этой области распыление сил по бесчисленным мелким организациям, ничем не связанным между собою. Они еще не прониклись сознанием, что при установлении контакта и кооперации между ними их работа при меньшей затрате времени, труда и средств дала бы несравненно большие результаты. Все хотят порознь пробивать собственные тропинки, не отдавая себе отчета в том, что вместо мелких тропинок, направленных к одной и той же цели, выгоднее общими силами прокладывать широкую дорогу.

У нас еще много спорят о словах, находя — и не без основания — термин «внешкольное образование» не совсем удачным. В последнее время его стали заменять термином «культурно-просветительная деятельность», и при всевозможных организациях — общественных, кооперативных, профессиональных, экономических, политических стали возникать культурно-просветительные отделы. В одном и том же географическом пункте иногда существуют десятки таких отделов, не знающих даже о существовании друг друга. В будущем, естественно, должна произойти эволюция в смысле объединения их работы, что во много раз усилит ее производительность. Тем не менее, даже эти разрозненные «комиссии» и «отделы» составляют положительное явление. И хотя еще существуют разногласия в определении «сущности внешкольного образования», но несомненно, что все видят в нем путь к культуре.

«Введение всеобщего обучения и повысившаяся в связи с этим грамотность населения, борьба с хулиганством и, наконец, отрезвление деревни выдвигают на первый план вопрос об укреплении полученных в школе грамотности и знаний, об использовании досуга населения, о предоставлении народу возможности получить нечто неизмеримо большее, чем умение читать и писать, а именно широкое по возможности развитие в умственном, нравственном и художественном отношении». Такую формулировку дает Е. Н. Медынский в своем докладе Харьковскому съезду.

Тот же автор в своей книге «Внешкольное образование, его значение, организация и техника» 3-е изд. М. 1918, говорит: «Задачи всех учреждений по внешкольному образованию не столько образовательные, сколько развивающие. Важно не то, чтобы население, пользующееся библиотеками, народными чтениями, школами для взрослых, как можно больше и как можно тверже запоминало из сообщаемого; нет, важно, чтобы оно поняло, чтобы расширился его умственный кругозор, развился художественный вкус, появилось стремление к дальнейшему развитию» (стр. 5). Несколько далее он указывает: «ставя себе задачей не только образование, но вообще всестороннее развитие человека, внешкольное образование не является также и самообразованием; его задачи шире задач последнего, а именно самообразование относится к внешкольному образованию, как часть к целому» (стр. 6).

В последнем определении заключается значительная парадоксальность. Несомненно, что внешкольное образование должно вести к развитию человека, призвано создавать ту необходимую культурную среду, о которой говорит Турати в вышеприведенной речи. Тем не менее, всестороннее развитие человека вовсе не может считаться самоцелью. Слова нет, нужно научить население пониманию, но понимание — не что иное, как преддверие для усвоения знаний. Однако приобретение знаний совершенно не входит в схему, начертанную Е. Н. Медынским, а без этого может получиться большое верхоглядство, дилетантизм. Культура, как показывает само ее название, есть обработка, подготовка почвы для определенной цели — лучшего возвращения посева. Умственная культура тоже не что иное, как подготовка почвы для восприятия семян положительного знания. И если наилучшим образом обработана земля, но оставлена незащищенной, то дело не будет доведено до конца. Так же точно, если создана развивающая среда, благоприятствующая приобретению знаний, «сумма которых составляет силу и богатство народа», то нельзя же не вести к приобретению этих знаний. И, несомненно, если необходимо умение понимать окружающую действительность, то так же необходимо идти вперед по пути прогресса, вести созидательную работу во всех разнообразных областях жизни, а это немыс-

лимо без знаний. В том и суть, чтобы пробудить пылливость ума, интерес к знанию и дать толчок к самостоятельности человека в сфере приобретения знаний, т. е. к самообразованию. Знания нельзя пассивно вкладывать в головы: они воспринимаются и перерабатываются этими самыми головами, и чем осмысленнее и активнее такой процесс восприятия и переработки, тем больше его результаты. Вот почему самообразование вовсе не является частью внешкольного образования, как определяет Е. Н. Медынский, а скорее может считаться его следствием, завершением. Внешкольное образование подготавливает почву, дает толчок и оказывает помощь в деле самообразования. Ведь самообразование может вестись либо без руководства, так сказать, на ощупь, наобум, либо при той или иной помощи, которая, насколько не умаляя процесса самостоятельной работы, дает возможность сбережения времени и сил, а также большей продуктивности. Этот вопрос прекрасно разработан в книге Н. А. Рубакина «О сбережении сил и времени в деле самообразования». СПб., 1914. Если вспомнить слова английского философа Г. Спенсера, что «человечество всего успешнее развивалось путем самообразования», то ясно станет, насколько важны всякие стимулы и всякое содействие этой форме приобретения знаний, которую, к слову сказать, сам Спенсер изведal на личном опыте.

Знание не даром сравнивают со светом: без знания не видно, куда идти и каким путем идти. На знании основываются стремления, идеалы; знанием поддерживается желание осуществить идеалы, воля, энергия; наконец, знанием выясняются способы, практические приемы осуществления идеалов. Другими словами, знания указывают, *что* делать, *зачем* делать и *как* делать.

III.

Знание и книга

Где же источник, откуда черпают знания и те, которые должны их сообщать другим, и те, которые ищут их для себя? Таким источником являются книги. Знания, добытые путем наблюдения, изучения, опыта многих людских поколений, исчезали бы из людской памяти, как исчезает незафиксированный на пластинке фотографический снимок, если бы не найдена была возможность закреплять их в книге. Книга обессмертила мысль человеческую, уничтожила влияние на нее времени и пространства, и книги представляют как бы коллективный мозг человечества.

Благодаря существованию книг, стало возможным опираться на опыт предшественников, идти вперед с того места, на котором они остановились, а такая преемственность есть необходимое условие для прогресса. «Книга яв-

ляется хранильницей человеческой культуры, о чем бы она ни трактовала: о системе мироздания или о приготовлении маринованных грибов», говорит писательница И. Гриневская. И действительно, чтобы развивать какую-нибудь теорию, чтобы совершенствовать какой-нибудь практический рецепт, нужно исходить от предыдущего. Если есть лестница, высеченная в скале, но недостаточно высокая, то нужно высекать новые ступени вверх, но не начинать сызнова всю работу.

Книга отражает взгляды, убеждения, идеалы всех времен. «Подумайте, — говорит Вольтер в своем Философском словаре, — «ведь весь цивилизованный мир управляется книгами. Восток повинуется Корану, Китай — книге мудреца Конфуция, Индия — Ведам, Персия веками подчинялась книге Зороастра. Если у вас есть тяжба, то ваше имущество, ваша честь, подчас даже ваша жизнь зависят от истолкования книги, которой вы сами никогда не читаете... Вы, конечно, не знаете Гиппократ и Сиденгама, но веряете свое тело тем, кто их читал. А душу свою вы предоставляете для руководства тем, кто нанят читать Библию...».

В книге человек не только находит материал для ума, который ему необходимо переработать, но часто получает от книги и тот самый толчок, который необходим для умственной работы. Один книголюб XI века отметил: «Ум без книг, аки птица спешена. Яко ж она возлетати не может, такоже и ум недомыслится совершена разума без книг». Наш современник, известный знаток книг Н. А. Рубакин, так определяет роль чтения для человека: «Чтение есть создание собственных мыслей при помощи мыслей других людей».

Существует много указаний в автобиографиях на значение, какое книга имела в жизни того или иного человека. Для примера приведу следующее стихотворение Г. Нечаева:

Кто мой друг?

С тех пор, как начал сознавать
Суровой доли назначенье,
Что значить мерзнуть, голодать
И с упованием не ждать
Страданьям тяжким облегченья —
Лишь только ты была одна
Отрады звездочкой лучистой;
Привета теплого полна,
Будила мысль мою от сна
И освещала путь тернистый;
Своею властною рукой

Вела меня дорогой знанья,
Учила труд ценить святой,
Ко всем униженным судьбой
Иметь любовь и состраданье;
Моим наставником была,
Идей возвышенных кумиром,
Ум любознательностью жгла
И крылья мужества дала,
Чтоб я парил мечтой над миром...
И все, чего достичь желал,
Чем жизнь суровая согрета, —
Надежду, веру, идеал —
В тебе одной я отыскал,
Источник благодатный света!
Кто же этот друг души моей?
Кем я избавлен был от ига
Суровой тьмы с рассвета дней?
Друг этот: избранных людей
Ковчег великих мыслей — книга!*)

Той же теме посвящен красивый акростих С. Городецкого:

Кто когда бродил в тумане
Ночью в холоде, во мгле
Иль в людском земном обмане,
Гордо знает, что земле
Альфа света, солнца, знаний?

В. П. Вахтеров в «Основах новой педагогики» (М., 1913) приводит в качестве подлинного человеческого документа рассказ одного семидесятника о том, чем была книга в его детстве, отрочестве и юности:

«Монотонна будничная бессмысленная жизнь, без ярких радостных впечатлений, окружающая невежественная среда, забитая однообразным постоянным физическим трудом из-за куска черного хлеба. Полуголодное существование.

Смутно сознаваемая ненужность такого серого, унылого, а подчас прямо ужасающего существования. Полная обособленность от культурных людей.

---

*) Цитировано по труду проф. Шляпкина «Похвала книге». П., 1917.

Полное отсутствие каких бы то ни было образовательных и воспитывающих учреждений, кроме плохой школы. Чтобы пробудить себя от этого дремотного состояния, чтобы стряхнуть с себя сон, навеваемый вялой и бедной действительностью, хотелось новых сильных ощущений, красок, какой-нибудь яркой радости, драматизма, напряженного движения, героев, резких контрастов.

Вывести меня из этого тупика мог бы хороший образованный человек, но в детстве его не было около меня. Меня отупляли зубристикой, дисциплиной, основанной на страхе и розге, схоластической программой. . . И меня вывела из этого тяжелого состояния хорошая книга, которую оказалось легче найти, чем хорошего человека. Стремление стряхнуть с себя влияние сонного, вялого настроения окружающих возбуждало во мне свойственную возрасту жажду к героизму, к сильным красочным образам, к игре необычайных приключений, к поражающим воображение событиям и могло найти исход только в литературе. Книга действительно переносила меня из узкого круга мелких и однообразных интересов окружающей среды, ограничивающихся почти исключительно вопросами удовлетворения голода, на широкую сцену всемирной истории, мировой литературы, на арену, где действовали герои во имя высоких идеалов добра, правды, справедливости, красоты, счастья народа, родины и человечества. В книжных образах были и яркие краски, и захватывающий драматизм, и головокружительная необычайность подвигов. . . Когда я овладел механизмом чтения и когда в мои руки попали доступные понимающим книги, чтение стало моей преобладающей страстью.

Если взять все, что дала мне школа, лекции, которые я слушал, знакомые, с которыми я встречался, кружки, музеи, которые я посещал, и т. д. , то все эти влияния, взятые вместе, в образовательном отношении были ничтожною каплею по сравнению с тем, что дали мне книги. Я не хочу, конечно, сказать, что так и должно быть; я, напротив, думаю, что мое развитие шло ненормально, односторонне, что мне недоставало хороших руководителей, лаборатории, наблюдений, экспериментов. Я убежден, что одних книг мало. Книги могут указать пути; но чтобы идти по этим путям, нужны еще такие силы, для развития которых одних книг недостаточно. Быть может, наша непрактичность, наши неудачи в общественных делах объясняются именно тем, что мы слишком книжные люди, наши мысли и идеалы носят слишком книжный характер, что и в жизни мы гораздо больше разговариваем, чем действуем. Я считаю большим несчастьем для страны с даровитым народом, давшим Ломоносова, Посошкова, Кольцова, Никитина, Горького и т. п. , страны с 2,5миллиардным бюджетом, что у нас есть везде казенка, где можно купить сколько угодно водки, чтобы напиться до потери человеческого образа, но нет ни музеев, ни лабораторий, ни руководителей, нет никакого исхода для

одаренных детей и юношей из народа. Но я пишу о том, что было, а моими истинными наставниками были почти исключительно книги... И если я не захлебнулся в пошлости окружающей меня жизни, если я не отупел под влиянием школьной зубрежки и окружающей, давно уже отупевшей среды, если я сохранил до старости любознательность и сейчас не могу без душевного трепета читать или слышать о каком-нибудь новом завоевании человеческого ума, то всем этим я обязан ничему другому, как только книгам».

Хотя почтенный «семидесятник» признает, что своим образованием он всецело обязан книгам, тем не менее, у него сквозит характерное сомнение, не объясняется ли это отсутствием других влияний и не создает ли чтение книжных людей.

В настоящее время на дело смотрят несколько иначе. Внешкольное образование (или культурно-просветительная деятельность — безразлично, как ее ни называть) трактуется, как объединенная работа разнообразных просветительных мероприятий, которые дополняют друг друга. И так как их влияние простирается на умственное, нравственное и эстетическое развитие человека, то несомненно, что, приподнимая завесу знания, разрешая одни вопросы, они ставят перед ним ряд других вопросов, на которые он ищет ответа в книгах. Таким образом, все эти влияния сами создают «тягу» к книге, и теперь ими искусно пользуются для привлечения к книге даже таких людей, которые прежде относились к ней равнодушно. И влияние книги от этого не только не уменьшается, но усиливается во много раз.

Что касается «книжности», противопоставляемой жизни, то и этот вопрос в наше время рассматривается под другим углом зрения. Приведу здесь убежденные слова лично известного мне молодого автора, который «официально» прошел лишь начальную школу, но многого достиг самообразованием и который уже несколько лет как посвятил себя книжному и библиотечному делу*):

«Книги не только отражение жизни, они сами часть жизни, чудеснейший кусок ее. Но книг миллионы. Они охватывают жизнь во всем ее многообразии. А каждая из них, конечно, лишь ничтожный элемент этого отраженного мира... И не книга делит на отдельные области неразрывно единый поток жизни, а человек. Бессильный обнять весь хаос жизни, чувствуя лишь отдельные стороны ее, непосредственно окружающую среду, остальное мысля как отвлеченность, — он подметил в нем основные группы явлений и по ним направил свое познание и борьбу с природой. В книгах жизнь отразилась так, как видит и ощущает ее человек. И отвлеченность — не органическое свойство

---

*) Поршнев Г.И. Революция и культура народа. Сборник статей по внешк. образ. Иркутск. 1917 г. (склад в книжн. магаз. Сытина), статья «Апология книги», стр. 10 – 12.

книг. Книги — продукт человеческой мысли и деятельности, и в них отразилась вся скала его темперамента и воли.

Были и есть люди с отвлеченным мышлением, с сумеречным настроением мечтательности, и они создали молитвы и псалмы, но были люди с буйной волей, окрашенные пурпуром желаний, и они создали книги, полные активности, страсти и могучих порывов к действию... И в познавательной деятельности человека надлежит не противопоставлять книгу жизни, организованную часть — хаотическому целому, а лишь признать и примат личности, и примат жизни, но в том смысле, что книги должны родить в человеке не только эстетическое удовольствие, но и действие: они должны быть трансформаторами человеческой воли.

Элемент книжности, буквоедства и волевой апатии мы, обыкновенно, потому соединяем с процессом получения знаний, что привыкли на этом пути видеть Вагнеров, Сторицыных и «детей солнца», отбивающихся от толпы громил носовым платком и калошей, и, может быть, никогда не были свидетелями, когда разумно получаемое знание, соединяясь с практикой жизни, делало ее краше и легче для человека, когда жизнь, озаренная светом знания, делалась еще богаче, еще жизненнее и активнее. Книжность это только наше неумение пользоваться наукой и извлекать из нее могучие стимулы к деятельности, наш варварский предрассудок, мешающий нам слиться и знание, и жизнь в один творческий процесс. Если мы согласимся с Н. К. Михайловским, что только та наука и достойна священного имени науки, которая расчищает наш жизненный путь, а не загромождает его укреплением и без того крепкой практикой, то мы отбросим старческий поклеп о книжности знаний и убежденно скажем, что истинный прогресс жизни, строительство новых форм гражданского бытия невозможны без повышения уровня свободной интеллектуальной деятельности, без сотрудничества науки и практики. Знание есть орудие для активных целей человека. Самый акт познания есть уже творческий акт, сам он непосредственно изменяет мир, вносит свет в бытие. Для такого сознания необходимо само знание понимать как бытие^{*)}. Жизнь и знание — это две неразделимые, ежеминутно сплетающиеся стороны одного и того же процесса. Жизнь, не освещенная знанием, это даже не жизнь, а простой биологический процесс. Единственный смысл нашей жизни, — говорит Иванов-Разумник, — в полноте ее проживания, в широте, глубине и интенсивности бытия. И, поняв это, вы откроете душу всему человечеству. Вы будете жадно впитывать в себя красоту человеческого творчества и будете творить если не поэмы, то самую

---

^{*)} Бердяев. Религия воскресения. «Рус. М.». 1917, VII.

жизнь, будете, по слову Эпикура, не писать поэмы, а переживать их. Вы будете ценить завоевания человеческой мысли, бесконечно углубляющие жизнь человечества и ведущие к несомненной победе человека над миром, над лишениями, болезнями, над социальным злом; вы почувствуете себя тесно связанными своими непосредственными переживаниями со всеми людьми и будете вместе с ними бороться за воплощение в мире правды — справедливости, правды — истины, правды — красоты! (О смысле жизни, стр. 31)».

Разумеется, книга никоим образом не призвана вытеснять живое слово. По силе впечатления, убеждения, живости, гибкости, находчивости живая речь незаменима. Однако, для запоминания того, что дает живая речь, нужен все-таки известный повторительный процесс, связанный с сосредоточиванием и обдумыванием, и таким процессом является чтение и изучение книг. Необходимо еще учитывать, что от живой речи неотделимо влияние личности говорящего. Чтобы отрезвиться от влияния, которое может даже граничить с давлением, если данная личность оказывает особенное обаяние или вызывает особенную антипатию, мы должны, так сказать, отойти в сторону. Книга значительно умеряет личное влияние, воздействие, личные трения, поэтому через книги можно «говорить прямее и слушать терпеливее», можно быть полезным не только знакомому и незнакомому, но — приятелю и неприятелю.

Книга как кристаллизованная человеческая мысль победила время и пространство. Посредством книги мы приобщаемся к мыслям людей, давно отошедших в вечность, или обогащаем наш ограниченный личный опыт широким коллективным опытом наших современников, с которыми мы не встречаемся непосредственно. Мы можем также найти в ней и «программу будущего», мечты о лучшей жизни, идеалы, к осуществлению которых стремится человек.

Один ищет в книге практических указаний, другому она дает пищу для души, третий обращается к ней, чтобы удовлетворить пылливость своего ума, так выразительно сформулированную в народной поэзии:

Отчего у нас начался белый вольный свет?

Отчего у нас солнце красное?

Отчего у нас млад светел месяц?

Отчего у нас звезды частые?

Отчего у нас ночи темные?

Отчего у нас зори утренние?

Отчего у нас ветры буйные?

Отчего у нас дробный дождик?

Отчего у нас ум разум?

Отчего наши помыслы?

Отчего у нас мир народ?

Во всех этих случаях книга дает стимул для работы мысли, которую чрезвычайно важно развить и углубить. «Только критическая работа мысли на почве культуры обуславливает собою цивилизацию», — говорил П. А. Лавров в своих знаменитых «Исторических письмах». А фактором цивилизации он считает «личную творческую деятельность человека, вооруженного познанием», такую деятельность, когда знания, наука становятся «орудием совершенствования человеческой жизни».

И если с этим сопоставить роль книги, то совершенно естественным является вывод французского публициста Лабулэ: «В общей картине цивилизации место каждого народа определяется количеством книг, которое он прочитывает».

IV.

Из эволюции книги

Книга существует с незапамятных времен и прошла долгий путь исторического развития. Когда у первобытного человека появились первые проблески духовной жизни, он стал стремиться передать свои впечатления и мысли в виде рисунка, еще очень наивного и несовершенного. Крупным шагом вперед было изобретение значков, посредством которых можно было закрепить речь, т. е. письмен. В разные эпохи и у разных народов изменялся характер письмен: то каждый значок соответствовал понятию, слову; то значок изображал слог, известное сочетание букв; наконец, достигнуто было наибольшее усовершенствование — соответствие значков тем звукам, из которых складывается человеческая речь.

Древнейшим материалом для книги были камень, и письмена на нем вырубали топором. Постепенно для письма испробован был различный материал: древесная кора, листья, глиняные кирпичи, металлические пластинки, навощеные дощечки, шелковые ткани и т. п. За три тысячелетия до нашего времени особенной популярностью пользовался папирус — тонкая бумага из растительных волокон. На папирусе можно было писать лишь с одной стороны, так как краска или чернила проходили насквозь. Папирус скатывался в свиток, и такая форма книги держалась очень долго.

Наряду с папирусом — как полагают, даже на почве конкуренции с ним — найден был более плотный и прочный материал для письма — пергамент, кожаная бумага. Применение пергамента началось еще до Р. Х. и простиралось на всю эпоху средневековья. Пергамент выделялся в виде листов, которые перегибались вдвое и сшивались в сгибе, а для большей прочности еще покрывались толстым деревянным или металлическим переплетом. Такая книга

по внешнему облику уже приближалась к современной, хотя отличалась более крупными размерами и была довольно громоздкой.

Книгу приходилось писать, и это была медленная, кропотливая работа, правда, искусство письма было доведено до большого совершенства, особенно в средневековых католических монастырях. Книги носили художественный характер, благодаря красивой форме букв, изящным заставкам и заглавным буквам, миниатюрам, рисованным от руки. Чтобы переписать книгу, требовались месяцы, годы. В силу этого утрата книги могла быть очень чувствительной, подчас невознагражденной. И для ограждения книг от пропажи в средние века их стали приковывать цепями к пропитрам и полкам. Таким образом, книга была узницей и томилась в оковах. К ней приходили жаждущие знания, но она сама свободно передвигаться не могла.

Тем не менее, в самой книге крылся залог ее дальнейшего развития. Если мысль, воплощенная в книге, послужила основой научного знания, зато и успехи науки помогли раскрепостить дух, сделав книгу доступной для всех. Книга сбросила оковы и пошла гулять по свету с тех пор, как найден был способ ее быстрого размножения и удешевления ее производства. Первым шагом к этому было изобретение книгопечатания и тряпичной бумаги. Вначале техника книгопечатания была еще младенческим лепетом по сравнению с нынешней, но все же книге можно было предсказать огромную будущность, и недаром Виктор Гюго вложил в уста Клода Фролло слова: «это убьет то» (*сесі tuera cela*), когда он указывает на печатную книгу и на собор Парижской Богоматери. Если великие произведения архитектуры являлись воплощением народной мысли в известную эпоху, то на смену пришло более могучее средство передачи мыслей и общения людей.

На протяжении пяти веков совершилась громадная эволюция в производстве книги: от Гуттенберговского ручного станка был сделан переход к скоропечатной типографской машине, а потом к ротационной, которая развивает колоссальную быстроту печатания, выпуская, например, в час десятки тысяч экземпляров большой газеты. В больших типографиях ручной набор уже заменен более усовершенствованным — машинным. Для повторных изданий, печатающихся без изменения, работа по набору упрощается изготовлением стереотипа, когда с первоначального набора делается слепок из бумажной массы (матрица), который для повторного издания нужно только залить расплавленным типографским металлом, чтобы из этой готовой формы снова получился тот же набор.

К типографскому делу широко применяются графические искусства и репродукционная техника. Найдено множество практических способов, чтобы изготавливать клише для печатания иллюстраций, черных и цветных. Меж-

ду прочим, для печатания в красках с большим успехом стала применяться цветная фотография. Явилась возможность печатать художественные издания, улучшился внешний облик книги. Бесконечно совершенствуется производство книги, и многие тысячи людей прилагают к этому свои усилия. И книга стала дешевой, что сильно способствовало ее распространению.

И начался важный процесс диффузии, обмена, имевший громадное значение для духовной культуры человечества: «свет знания от ученого льется в народную массу, а народная масса предъявляет свои запросы, свои практические требования и будит мысль ученого для работы. Конечно, такое взаимодействие ученого и широких масс было бы немислимо, если бы не существовало технических средств для размножения произведений, созданных ученым, писателем, поэтом, художником, музыкантом» («Итоги науки в теории и практике», стр. 314).

К этому нужно присоединить широкое использование других завоеваний техники — усовершенствованных путей сообщения, почты, телеграфа обыкновенного, подводного и беспроводного, телефона и т. д. — для создания периодической печати, ежедневных газет. Здесь человек в буквальном смысле победил пространство и время. Газета ныне стала неотъемлемой принадлежностью цивилизованной жизни, и создалась «великая держава» — повременная печать, в которой звучит голос всего мира, откликающийся на события каждого дня.

Как тяжело быть без газеты культурному человеку, мы всегда чувствуем, если попадаем в какое-нибудь из наших захолуствий, где почта получается далеко не каждый день и где пульс жизни еле-еле бьется. По личному опыту скажу, что, наоборот, я не испытывала от завоеваний культуры более сильного впечатления, чем в кругосветном путешествии, когда среди безбрежного океана на корабле ежедневно печаталась газета, для которой вести с материка приносились радиотелеграфом.

Не так давно, в 1914 году, незадолго до начала войны, в Лейпциге, центре мировой книготорговли, устроена была грандиозная международная выставка книгопечатания и графических искусств. На ней произведен был «смотр книг» и тем самым представлен был весь путь духовной культуры человечества. И этот апофеоз книги свидетельствовал, что с ее ростом растет цивилизация, с ее гибелью может рушиться культура.

Россия на Лейпцигской выставке показала, что по количеству и качеству книгопроизводства она занимала достаточно видное место (по числу ежегодно печатаемых изданий — пятое в мире), хотя книгораспространение у нас еще оставляло многого желать. Во всяком случае, мы могли гордиться дешевизной наших классиков и популярных книг, изяществом и доступностью

целого ряда наших художественных изданий. Иностранцы вечно толпились в русском павильоне, особенно у некоторых витрин, и с боя раскупали народные сказки с иллюстрациями Билибина, детские книги с рисунками Нарбута, Неручева, Поленовой, художественные открытые письма и т. д. И это было всего четыре года тому назад.

Тем трагичнее контраст нынешнего положения книги у нас, являющего угрозу нашей культуре, и без того расшатанной войною и последующими событиями. Мы переживаем форменный книжный голод, вызванный многими обстоятельствами. Началась убыль в книгопроизводстве с наступлением бумажного кризиса: иные бумажные фабрики от нас отошли, другие — эвакуированные — не возобновляли работ, не хватало сырья, бумага дорожала, выделялась в недостаточном количестве и плохого качества. Оказывалось трудным переиздавать даже самые необходимые книги. Далее присоединился кризис типографский: каждая мобилизация забирала массу квалифицированных работников, и работа в типографиях должна была либо идти замедленным темпом, либо приостанавливаться, пока не придут новые рабочие руки.

С наступлением революции издательство книг совсем замерло. Вся наличная бумага, все типографские силы шли на печатание политических брошюр, в которых ощущалась настоятельная потребность для разъяснения широким массам целого ряда вопросов, связанных с совершившимся переворотом, и на разнообразные издания политических партий — газеты, листки и проч. Сейчас листопад политических брошюр, — среди которых многие были составлены наспех, кое-как, порою даже безграмотно, — прекратился, и во весь рост встал вопрос: что же нам делать, когда у нас теперь нет большинства даже самых необходимых книг, имевшихся раньше в продаже и переиздававшихся по мере надобности, и когда печатание новых книг и перепечатка прежних связаны с огромными, подчас непреодолимыми трудностями?

К тем препятствиям в деле издательства, которые возникли во время войны, за последний год прибавились новые, связанные с общим расстройством государственного аппарата: развал железнодорожного транспорта, повышение провозных и почтовых*) тарифов, разрушение банковского кредита, общее вздорожание жизни, отразившееся и на вздорожании всех материалов,

---

*) Для сопоставления укажем, что до войны пересылка книги в полфунта весом заказной бандеролью, наложенным платежом стоила 25 коп., а при нынешнем небывало высоком почтовом тарифе та же пересылка обходится в 1 р. 77 коп. Если принять во внимание, что книги теперь не доходят до провинции иначе, как по почте, то понятно станет, какой огромный налог ложится на книгу, а следовательно, и на культуру.

падение денежного курса, громадное повышение в оценке труда, особенно физического и т. д. Сметы на типографские работы увеличились на 500, 800, кое-где даже на 1000 %.

В силу всего этого книжный рынок пополнялся весьма слабо, а между тем книжные запасы таяли и таяли. Торговля книгами шла очень бойко. Особенно много закупали их всякие просветительные организации. Миллионы книг увозились на фронт для просвещения армии, и, грустно сказать, из них множество погибло при отступлениях и при демобилизации армии. Гибель книг вообще одно из безотраднейших явлений последнего года. Во время аграрных беспорядков сожжены и уничтожены дотла многие ценные библиотеки, хранившиеся в помещичьих усадьбах. В городах вооруженные столкновения и обстрелы умышленно или неумышленно наносили урон книгохранилищам. Там и сям грабились и без всякого толка реквизировались библиотеки. Редкие издания, уникалы, иностранные книги, дорогие гравюры употреблялись «на цигарки» или сжигались, как ненужный хлам. Если же еще принять во внимание, что за время войны в оккупированных местах осталась добрая половина книг, имевшихся в русских провинциальных публичных и академических библиотеках, то ясно станет, какой страшный ущерб понесла наша родина в своих книжных запасах. Возможно, что скоро у нас нечего будет читать, потому что имеющихся книг недостаточно для удовлетворения и существующей, и растущей духовной жажды; кроме того, книги от усиленного употребления изнашиваются; бумага последних лет изготовлялась с большим количеством древесных примесей и очень хрупка, и книги, печатанные на такой бумаге, весьма недолговечны.

Чтобы пополнить такую убыль, не говоря уже о нарастающем спросе, нужно громадное производство книг, а его нет. Для борьбы с книжным голодом, представляющим угрозу культуре, нужны меры государственного масштаба, а их нет.

И в то время, когда тает книжный рынок, безнаказанно развивается спекуляция книгами. Появляются книжные «акулы», скупившие некоторые необходимые и ходкие книги. У букинистов, на уличных лотках или на Сухаревке открыто продают, например, трехрублевый «Энциклопедический словарь» Павленкова за сто рублей, «Среди книг» Рубакина, 2 тома, стоившие семь рублей, — за семьдесят пять руб. и т. д. Переценивают прежде изданные книги и притом по несколько раз даже крупные издательские и книгопродавческие фирмы. Нормы тут не существует никакой: одни увеличивают прежние цены на пятьдесят процентов, а другие даже на двести и триста процентов, особенно если книги в переплетах, хотя бы сделанных еще до

войны. Например, в издании Вольф есть небольшая книжка Васильева «Библиотечное дело», напечатанная в 1911–1912 гг. и не только не представляющая ничего выдающегося, но и значительно устаревшая. Она стоила в переплете три рубля, а теперь издательством продается в том же, невозобновленном издании по двенадцати руб. экземпляр. И сверх всех этих новых цен, «в виду накладных расходов по перевозке и доставке», книжными магазинами прибавляется еще двадцать пять процентов. Конечно, такое вздорожание книги тяжелым бременем ложится на потребителя-читателя и, может быть, еще тяжелее отзовется на всей русской культуре. И все-таки книги покупают по какой бы то ни было цене, все равно как по какой бы то ни было цене покупают муку у мешочников. «Не одним хлебом жив человек» даже в наше голодное время. И, несомненно, спрос на книгу (настоячиво спрашивается именно книга, а не брошюра) при той болезни, которою больна наша родина, — благоприятный симптом. «Охоту читать» надо приветствовать, ей нужно идти навстречу.

Но что же сделано у нас в этом направлении? Принимаются ли меры для охраны библиотек как необходимых для страны книжных коллекций? Нет. Ведется ли борьба с книжной спекуляцией? Нет. Поощряется ли книгопроизводство? Нет. Был ли созван какой-нибудь съезд для выработки мер по борьбе с книжным голодом? Тоже нет.

Единственной мерой, пока предложенной России, является правительственная монополия изданий наших классиков и проект «реквизиции всех переводов», какие будут признаны нужными для издания. Однако эта мера, несомненно, никаких серьезных результатов дать не может. Во-первых, не в одних только классиках нуждается Россия. Во-вторых, правительственный печатный станок не успевает даже изготовлять достаточного числа кредитных билетов, которые легче транспортировать по стране, чем книги. Слишком велик книжный голод, чтобы его можно было утолить из одного источника, и сколько бы экземпляров даже тех же классиков ни печаталось в центральном пункте, их не будет достаточно. Получится лишь голодный книжный паек. Другое дело, если правительство взялось за издания, не объявляя никакой монополии, и в то же время так или иначе, озабочилось бы облегчением всякого рода издательской деятельности в стране. Тогда оно создало бы нормальную и разумную конкуренцию, т. е. необходимый и целесообразный прием для обуздания спекуляции. По прежним законам, когда исполнялось пятьдесят лет со дня смерти автора, кончалось право литературной собственности на его сочинения. Достаточно вспомнить, как у нас такие даты по отношению к Пушкину, Гоголю, Жуковскому и др. вызвали появление великого множества изданий не только в столицах, но и в провинции, по

всему лицу России, и как именно эти конкурирующие между собою дешевые и децентрализованные издания помогли провести произведения этих писателей в широкие массы.

Но если проект монополии классиков не имеет под собою оснований для практического успеха, то, с другой стороны, он страдает этической погрешностью. Литературная собственность на произведения национальных авторов, по истечении известного срока, становится собственностью нации. Смысл этого закона, принятого во всех культурных странах, тот, что авторское право в национальных интересах раскрепощается, что отсутствие авторского гонорара и возможность многочисленных конкурирующих изданий способствуют распространению данных сочинений. А упомянутый проект сам представляет не что иное, как закрепощение.

На первом месте в опубликованном списке писателей, подлежащих монопольному изданию, стоит Л. Н. Толстой. Кто дал право нарушить волю великого писателя земли русской, который еще при жизни добровольно отказался от своей авторской литературной собственности и сделал свои гениальные творения общим достоянием? В списке значится, между прочим, и А. П. Чехов, со смерти которого прошло всего пятнадцать лет; следовательно, литературные права на его произведения реквизируются у его наследников. Все это — этические моменты.

Наконец, как мера борьбы с книжным голодом, издание некоторого количества книг, хотя бы и повсеместно в России, хотя бы и всеми существующими издательствами, общественными организациями и правительством, может быть лишь звеном в общей цепи мероприятий. Издательство — это лишь часть книгопроизводства, которое включает также фабрикацию бумаги, красок, типографских и других машин, печатное дело и т. д. И упорядочения, нормировки тех или иных поощрительных мер (например, таможенных, провозочных, почтовых тарифов и др.) требует все производство в целом.

Далее идет другая не менее важная сторона — книгораспространение. Мне вспоминается выразительная диаграмма на Лейпцигской выставке: весы — на одной чаше колоссальный океанский пароход с грузом, на другой тюки книг, символизирующие отправку с Лейпцигского книжного рынка за 1913 г. Тюки перетягивают, их вес 67 млн килограммов, т. е. 4,5 млн пудов. Рядом карта полушарий: в точках, обозначающих Берлин и Пекин, воткнуты булавки, три раза обмотанные шнурком. Пояснение к этому: на обвязку упомянутых книжных грузов, отправленных из Лейпцига в 1913 г., израсходовано 28 тыс. км (около 27 тыс. верст) веревки, т. е. такое количество, которым можно трижды опоясать расстояние от Берлина до Пекина.

Какой успех могло бы иметь издательское дело в любой стране при отсутствии книгораспространительного аппарата? А у нас он теперь почти отсутствует, и в этом направлении тоже никаких реформ не предпринимается.

И параллельно с тем, что у нас разрушаются годами собиравшиеся книжные коллекции, тоже приходится с горечью сопоставить, что в Лейпциге уже во время войны создано грандиознейшее национальное книгохранилище — Deutsche Bücherei, — для которого выстроено небывалое по размерам библиотечное здание. Виды и описание этого здания помещены в американском «Library Journal», 1916, № 12.

Нашей стране необходимо напрячь все силы, чтобы встать на путь культуры, — единственный путь, который может повести ее к возрождению. И во имя культуры нужно энергично бороться с книжным голодом и со всеми его последствиями, пока для этого все-таки ничего не сделано. А печатное слово — семена культуры — все убывает. Книг выходит мало, и они непомерно дороги; журналы, не выдерживая расходов, закрываются один за другим; а над газетами все реют свинцовые тучи репрессий и гонений. . .

V.

Тернистый путь

Чудесный дар слова, отличающий человека от других живых существ, есть воплощение мысли и дан ему на служение разуму, чувству и воле. «Слово было к Богу, и Бог был Слово».

Оно всегда выражало стремления, искания, порою в нем звучало обличение и протест, — и за это человека стал преследовать его ближний, которому хотелось верховодить, которому нужно было безропотное, бессловесное подчинение.

Слово устное запечатлевалось в книге, и с человека на книгу перенесли свою ненависть преследователи.

В точности неизвестно, когда начались гонения на книгу. Первый случай, о котором упоминает история, это публичное сожжение книг философа Протагора на площади в Афинах в 411 году до Р. Х. Быть может, бывали гонения и раньше, — мы не знаем, — но знаем твердо, что с той поры и до наших дней книга прошла долгий тернистый путь, изведав всю ту участь, которая выпадала на долю гонимого человека. Книга знавала преследования, суд, тюрьму и пытки, костер, позорный столб, изгнание и казнь. . .

Свободное слово, бессмертное слово,
Ты — пламенный светоч во мраке былого —
Ты в рабстве томилось в течение веков,
На пытке, в темнице, под гнетом оков.

Судили тебя, обрекали изгнанию,
Топтали ногами, предав поруганью,
Тебя сжигали рукой палача,
Но ты не смолкало, победно звуча...
(О. Чюмина. Из сб. «В защиту слова»)

Все-таки в древности книга не подвергалась таким ужасным гонениям, какие ей пришлось испытать в средние и новые века. В седую старину даже проповедовалось уважение к слову. «Книга мудрости» Кагемана, созданная в Египте за пять тысяч лет до нашего времени, давала такое наставление: «нужно книгу носить при себе и постоянно ее перечитывать; это лучший бальзам для человеческой души». По словам историка Диодора, за тысячу лет до Р. Х. близ Фив основана была публичная библиотека, на дверях которой красовалась надпись: «лекарство души». Римляне прославили Азиния Поллиона, основателя первой в Риме публичной библиотеки (в 39 г. до Р. Х.) за то, что он «первый сделал произведения человеческого ума общественным достоянием».

В средневековой Европе с гонением на книгу раньше всего выступила католическая церковь. Книгопечатание распространилось довольно быстро, и к концу пятнадцатого века уже около 200 городов имели свои типографии. Церковь сначала покровительственно относилась к печати как средству размножения священных книг, но когда при помощи печатного станка увидели свет и еретические писания, то церковь ополчилась против книги. Епископы стали требовать на предварительный просмотр каждое произведение, предназначенное к печати, чтобы оно не оказалось «опасным ядом». Таким образом, это духовные пастыри придумали предварительную цензуру, разделили книги на овец и козлищ, применяя к одним «дозволено», к другим — «запрещено». Католическая церковь первая измыслила «список запрещенных книг» (*index librorum prohibitorum*), державшийся до девятнадцатого века и вызывавший в свое время немало подражаний.

Папство обладало огромной силой и стремилось наложить свою власть не только на духовную жизнь народов, но также на все государственные и экономические отношения. Оно решало судьбы королей и министров, основывало или разрушало государства и всеми мерами поддерживало свое могущество. Противники папской политики со своей стороны стремились разъяснить «истинное слово Божие» и для этой цели прибегали к печати. Так, например, «богемские братья», предписывавшие духовенству бедность (в противовес накоплению церковных имуществ католической церковью), быстро овладели искусством книгопечатания, и в начале XVI века из пяти типографий, имевшихся в Богемии, три принадлежали богемским еретикам.

Папская власть стремилась всячески противодействовать распространению «вредных», с ее точки зрения, учений и для этого уже с 1501 г. ввела духовную цензуру сначала в нескольких немецких провинциях, а затем во всей папской области. «Отныне и впредь, на вечные времена», гласил указ папы Льва X, «никто не смеет ни в Риме, ни в каких-либо других городах напечатать какую-либо книгу иначе, как при тщательном рассмотрении и собственноручном подписании одобрения нашего викария». А мотив выставлялся следующий: «При тех удобствах, какие божественное искусство книгопечатания дало для приобретения знания, нашлись некоторые лица, злоупотребляющие этим изобретением и применяющие во вред человеческому роду то, что предназначено к просвещению». Конечно, не охраною интересов просвещения руководились папы, обрушиваясь против книг: преследовалось, и притом чрезвычайно упорно, все то, что могло подрывать престиж папской власти. Достаточно сказать, что когда в XVI в. во Францию, вместе с реформацией, проникли новые учения против папской власти, то папы предлагали, в виде радикальной меры, совершенно уничтожить книгопечатание. И все-таки папству при всех ужасах инквизиции и при всех изощрениях цензуры не удалось убить реформации: как явление живое и жизненное, она проложила себе путь и сделала свое дело.

Пример папской власти не замедлил вызвать подражание, и в XVI в. в Германии, в Англии и во Франции королевскими законами была установлена предварительная цензура. Духовенством в первое время преследовались сами книги — предавались проклятию, сжигались, выставлялись к позорному столбу и т. д. Затем гонения были перенесены с книг на людей — на тех, кто ими владел, и особенно на тех, кто их печатал. Авторы и издатели в ту эпоху даже не так сильно подвергались каре, как типографы. Светская власть ограничивала число типографий, чтобы легче было следить за тем, что печатается и что распространяется. Предварительная цензура задерживала произведения, «противные доктрине и дисциплине... церкви или государству, или правительству» или заключающие «возмутительные, еретические или соблазнительные мысли». Разумеется, толкованию цензуры предоставлялся широкий простор. Нарушение законов о печати наказывалось с бесчеловечной жестокостью. В летописях истории сохранился, например, факт ужасной казни, которой в XVII в. подвергнут был в Англии типограф Твин за напечатание политического памфлета, не дозволенного цензором. Хотя Твин приводил в свое оправдание, что ему не было известно содержание памфлета и отношение цензора, что крайняя нужда заставила его взяться за печатание ради заработка, суд все-таки признал его виновным. Он был приговорен к смертной казни: его должны были повесить за руки, затем вскрыть ему живот, выпустить внутрен-

ности, после того четвертовать, отрубить голову и, разрезав тело на части, выставить их в различных местах для назидания... Это время было в полном смысле слова террором для английской печати.

В других западноевропейских странах дело обстояло немногим лучше. Во Франции в течение всего XVIII в. шли неумолимые гонения на писателей. Бокль отмечает, что среди литераторов, подвергнутых заключению, штрафам, ссылке, конфискации имущества и другим карам или насильственно вынужденных отречься от того, что ими было написано, встречаются имена почти всех французов, сочинения которых пережили тот век, когда они были написаны. В их числе такие знаменитые имена, как Бомарше, Бюффон, Вольтер, Д'Аламбер, Дидро, Мармонтель, Монтескье, Руссо и др.

Если папская власть предлагала упразднить книгопечатание, то королевская власть могла похвалиться не менее гениальным проектом монополии на печать. В королевской Франции в 1780 г., всего за девять лет до революции, генеральный адвокат предложил «уничтожить всех издателей» и не позволять печатать никаких книг, кроме тех, которые будут выпускаться исполнительной властью. К счастью для человечества, эти проекты остались проектами и не перешли в безумные опыты уничтожения культуры.

Ничуть не лучше было положение печати в Австрии и Германии, где она подвергалась усиленным гонениям даже в первой половине XIX в. Власти предречающие особенно боялись отголосков революционных движений, происходивших в других странах.

События скрывались от публики или описывались в тенденциозном освещении. Цензура действовала со всей строгостью и не пропускала таких «страшных» слов, как «нация», «конституция», «свобода». Лучшие сыны своей родины покидали ее, чтобы «за рубежом» писать статьи, где голос их мог звучать без принуждения. К таким добровольным изгнанникам принадлежали Берне, Гейне и многие другие.

Берне не мог без содрогания говорить о цензуре и в 1819 г. писал: «Цензура — слово, которое самого легкомысленнейшего, веселейшего, беззаботнейшего ветрогона превращает в меланхолика, серьезное размышление доводит до изумления и ужаса, угрюмейшего брюзгу заставляет раздражаться неудержимым хохотом!» Его особенно возмущало цензорское кромсание литературных работ: «Запрещение целых статей еще не так обременительно и мучительно, как исключение из статьи отдельных фраз и слов, нарушающее общую связь, производящее бессмыслицу и ставящее редактора в злополучную необходимость посягать на монополию полицейского правления, т. е. выражаться скверным словом. Редактор замещал вычеркнутые цензором места точками или черточками и таким образом спасал честь своего ума и

своего стиля. Цензура не сочла возможным остановиться на этом: она стала сперва казнить ненавистные для нее мысли, а потом и преследовать их даже в могиле. Она убивала мои идеи и в то же время запрещала мне ставить над ними надгробные памятники».

Несколько позднее Гейне острым словом заклеил цензуру: «Если бы у нас запретить все издания, тогда в цензуре не будет надобности».

«Наши остряки принуждены воздерживаться от всяких намеков на действительных высокопоставленных особ», — писал Гейне, — «и за это ограничение вознаграждают себя нападением на театральные королей и бутафорских принцев. Не имея почти никаких политических журналов, мы всегда были тем обильнее наделены бесчисленным множеством эстетических газет, наполненных пустыми сказочками и театральными рецензиями. . . . Насколько подобное бумагомарание мало удовлетворяло нас, стало ясно после июльских дней, как только, по-видимому, было дозволено свободное слово и в нашем дорогом отечестве. Внезапно появились газеты, разбиравшие хорошую или дурную игру не театральные, а действительных высокопоставленных особ, и не одна из этих последних, забывшая свою роль, была освистана в собственной резиденции».

Небезынтересно отметить, что абсолютист в душе кайзер Вильгельм II ненавидит все, что имеет какое-нибудь отношение к Гейне, и до сих пор не допускает постановки ему памятника в Германии. Несколько лет тому назад он велел даже снять его статую на острове Крит, и по этому поводу сатирический журнал «Simplicissimus» поместил такой рисунок: мраморный Гейне, изумленно разводя руками, стоит около мраморного кресла, с которого его согнали, а на кресле величественно восседает сам Вильгельм.

Еще долго после того как уничтожена была цензура, правительства, руководствуясь все теми же мотивами, преследовали печать, хотя и на другой лад. В эпоху Наполеона III один из его министров Руэр изобрел взамен упраздненной предварительной цензуры систему предостережения уже после появления произведений в печати. Эта травля повела к тому, что печать стала говорить пониженным тоном, опасаясь репрессий, а многие издания закрылись.

В Англии в XVIII в. изобретена была другая мера, чтобы прекратить доступ свободному слову в широкие массы населения. Введен был особый штемпельный сбор на газеты, удваивавший стоимость номера, и налог на каждое печатаемое объявление. Штемпельный сбор сделал газету роскошью для малообеспеченных классов, и его совершенно справедливо называли «налогом на знание».

Упомянутый выше Руэр предложил ввести во Франции такую же штемпельную систему не только на газеты, но и на небольшие книжки и дешевые

брошюры на политические и экономические темы. Эти меры, по его словам, могли дать двойную выгоду: во-первых, увеличить государственный налог на 6 млн франков, во-вторых, «спасти общество от тех преступных учений, которые теперь дешевые книжки распространяют по всем небольшим уголкам Франции».

Еще практиковалась одна мера стеснения печати — требование залога и притом довольно высокого — до 140 тыс. франков, чтобы получить право на издание газеты. Эта мера была в определенную цель: сосредоточить поврежденную печать в руках капитала. И недаром Ламенне, издававший газету для народа, воскликнул: «Теперь нужно много, очень много денег, чтобы иметь право говорить... Молчи, бедняк!».

В культурных странах тернистый путь печати теперь уже отошел в область исторического прошлого, и слову предоставлена полная свобода. Во Франции законом отменены все меры, ограничивающие печать и типографское, издательское, книгопродавческое дело не связано никакими стеснениями. Газеты и журналы основываются явочным порядком, и писать можно обо всем, никакие мнения не считаются преступными. В Англии нет никаких политических постановлений о свободе печати, но печать там пользуется такою свободой, как нигде в мире. В конституции Северо-Американских Соединенных Штатов есть пункт, по которому Конгрессу запрещается издавать какие бы то не было законы об ограничении печати.

В Германии с 1874 г. законом установлена свобода печати, но были попытки ее частичного ограничения. Так, в 1878 г. издан был «закон-намордник», который предписывал полицейским учреждениям «воспрещать всякого рода произведения печати, в которых появляются тенденции к ниспровержению государственного и общественного строя, могущие угрожать спокойствию»... Этот закон был направлен, главным образом, против социал-демократической печати. Однако за ближайшие двенадцать лет, несмотря на существование «закона-намордника», число социал-демократов в Германии увеличилось в три раза, и правительство, убедившись в бесполезности этого закона, отменило его.

Что касается России, то здесь печать пережила все виды гонений, какие когда-либо существовали, да еще и сейчас продолжает переживать свою Голгофу...

Уже со времени Петра Великого установлен был надзор за тем, чтобы в книгах не печаталось ничего предосудительного, а при Екатерине II вполне организована была цензура, и начались репрессии. Волна репрессий усиливалась каждый раз, когда в Западной Европе вспыхивали революционные движения. С эпохой Великой французской революции совпало преследование Ра-

дищева, автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой рисовался ужас господствовавшего тогда крепостного права. Радищев был приговорен к смертной казни, но казнь потом была заменена каторжной тюрьмой, в которой он томился десять лет, до смерти самой императрицы. Почти одновременно с Радищевым посажен был в тюрьму «сеятель просвещения» Новиков за то, что в своих журналах «Трутенъ» и «Живописец» он говорил о больших вопросах — о тяжелом положении крепостных, о народном невежестве, о взяточничестве чиновников и т. д.

При николаевском режиме цензура достигла невероятного гнета, и опять-таки на ее усилении отразились зарубежные революции 1830-го и 1848-го гг. Целому ряду ведомств дано было право предупреждать и пресекать распространение «предосудительных» идей. Создана была целая система застав, через которые должна была проходить мысль, подлежащая опубликованию, и если не у одной, то у другой заставы она рисковала погибнуть, а таких застав известный цензор Никитенко в своем дневнике указывал целых двенадцать. В 1848 г. был вдобавок основан особый комитет «для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением книгопечатания». Этот комитет и двенадцать застав, преследовавших писателя и накладывавших «на уста его печать», рушились только после неудач Севастопольской войны.

Однако через несколько лет — в 1865 г. — издан был новый закон о цензуре, и злополучная российская печать опять подвергнута была всевозможным мытарствам. Была цензура предварительная, не пропускавшая рукописей к напечатанию, и многое множество их подверглось такой же участи, как воспетая Некрасовым книга:

*Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идее зла
Она потворствовать желала...
Но, может быть, она была
Честна... а так резка, смела,
Две — три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль...
Прощай! Горька судьба твоя,
Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет,
Не занесешь ты новых дум
В глухие темные селенья,*

Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещения!
О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

И что только творилось в области цензурных разрешений и запрещений! Чуть ли не каждый факт носил анекдотичный характер, и все это было бы смешно, когда бы не было так глубоко тягостно для жизни и культуры.

Сам цензор Никитенко указывал, как действовали его сослуживцы. Один из них, Ахматов, запретил, например, печатание какой-то арифметики потому, что между цифрами задан был помещен ряд точек, и в этом цензор усмотрел затаенный злой умысел автора.

Цензора придирались к словам, считали неуважительными такие выражения, как «небесный взгляд», «божественный напиток», «ангельская улыбка», «мрак царит». У нас, как и в Германии, кромсали фразы, выбрасывая отдельные слова, и тем искажали смысл, а восстанавливать то, что было вычеркнуто красным карандашом цензора, нельзя было под риском большой ответственности. Умудрились исказить смысл даже «исправлением» отдельных слов, например, в газете говорилось, что приезд губернатора был встречен равнодушно, а цензор исправлял: радушно.

То, что запрещал один цензор, другой свободно пропускал; что разрешалось отдельному лицу, не разрешалось издательской фирме или просветительному обществу. В моей личной практике в 1904 г. был такой случай: московский цензор совершенно искалечил переведенный мною рассказ Уйда «Степь», в котором описывается стойкость девочки, дочери революционера, отказывающейся выдать отца, несмотря на пытки жандармов. Тогда издательство Сытина, у которого должен был печататься этот рассказ, поручило мне послать его от себя в какую-нибудь другую цензуру. Я по почте послала его в Петербург, где цензор благополучно его пропустил, и он был напечатан фирмой Сытина в Москве на основании «законного обхода» московского цензора. Вот другой случай из моей практики, происшедший годом или двумя раньше. Я принимала участие в комитете Харьковского Общества Грамотности по изданию книг для народа. Между прочим комитетом подготовлялось издание целой серии брошюр по сельскому хозяйству на украинском языке, который тогда подвергался особой немилости. Надо отдать справедливость, что брошюры были скучные, и мы, члены издательского комитета, томилась,

слушая чтение их в наших заседаниях. Но первая же рукопись «О болячке на картофеле», посланная в цензурный комитет, так и не вернулась обратно — цензор конфисковал ее, усмотрев в ней иносказание...

Правда, писателям поневоле приходилось говорить эзоповым языком, потому что своего, родного описывать не позволялось, и его преподносили лишь под видом сказок из чужой земли; но цензоры так привыкли искать тайного смысла, что видели его везде, даже и там, где о нем не было и помина.

Дело не ограничивалось, однако, предварительной цензурой, и, кроме нее, существовала цензура взыскательная, отливавшаяся то в одну, то в другую форму. Даже после отмены предварительной цензуры в 1905 г. цензура взыскательная продолжала косить произведения печати. Книга, напечатанная и свободно обращающаяся некоторое время — месяцы, даже годы — вдруг подвергалась запрещению, и тогда предписывалось изымать ее из книжных магазинов, библиотек, иногда даже — отбирать ее у частных лиц. Запрещение могло быть тройное: по суду, по распоряжению главного управления по делам печати и по усмотрению местной администрации. Наибольшей тяжестью ложилось административное усмотрение, потому что здесь толкование могло быть очень индивидуально. Один администратор считал опасным и вредным то, что беспрепятственно допускал его предшественник или преемник. В одной губернии изымались из обращения книги, которые беспрепятственно допускались в другой. Если к этому прибавить невысокое литературное образование большинства людей, решавших судьбу книги, то совершенно понятно станет, какая получалась неразбериха. В Киевской губернии, например, усердные представители реакционного правительства изымали наряду с Пушкиным и Лермонтовым, в которых усматривали вредное направление, также издания ... Национального клуба.

Что же делали с изъятыми книгами, которые конфисковались? Первоначально их сжигали; но, оказалась ли эта процедура неудобной или же, по экономическим соображениям, решено было не уничтожать окончательно материал, — только потом стали их крошить особыми машинами или варить в котлах, чтобы снова пускать в ход бумажную массу.

А сколько людей погибло за книгу, сколько у нас было мучеников, расплачивавшихся тюрьмой и каторгой за свободное слово! Сколько молодых жизней было сломлено ссылкой и другими репрессиями за то лишь, что у них при обысках находили какую-нибудь «недозволенную» литературу.

Главным образом, преследовалась всякая критика существовавших порядков, всякие «бессмысленные мечтания» о реформе государственного строя и уж, говорить нечего, все, что относилось к социализму. В силу этого особенно страдала периодическая печать. К ней применяли все меры, какие

только когда-либо были измышлены в области гонений на свободное слово. Но, как говорил К. Аксаков, «свет нужен истине, мрак прикрывает ложь», и подкладкою всех стеснений и гонений печати было желание властей предержавших скрыть истинное положение вещей и упрочить свою силу какой бы то ни было ценою. Цензура указывала не только о чем можно говорить, но и как говорить. Примером может служить страшный голод 1891 г., унесший в могилу до полумиллиона жертв. О надвигавшемся бедствии, о его причинах и подлинных размерах не дозволялось говорить в периодических изданиях, и официально у нас числился только «недород», а не тот ужасный голод, который можно было бы предотвратить своевременными мерами, если бы об этом не замалчивали перед лицом всей страны.

Великомученица русская периодическая печать извела все притеснения, все пытки, какие было возможно. То для открытия газеты требовался залог, как когда-то во Франции, или «благонадежность» редактора, то газеты без числа приостанавливали или закрывали, то били их по карману, воспрещая розничную продажу, налагая штрафы, то привлекали к суду. Достаточно показательная следующая таблица репрессий нашей печати за пять лет (1905—1910) ее бесцензурного существования^{*}).

Общее число кар	4 386
В т. ч. случаев приостановки повременн. изданий	1 270
Штрафов	1 058
Случаев привлечения к суду редакторов	1 526
Судебных приговоров	1 532
Общая сумма штрафов	496 408
В т. ч. судебных штрафов	21 538
В т. ч. административных штрафов	474 870

Неудивительно, конечно, что мы по части периодических изданий плетемся в хвосте почти всех наций. По данным швейцарского статистического бюро, которые были изготовлены для Лейпцигской выставки 1914 г., существует такое распределение газет:

В Дании одна газета приходится на 2 112 жителей
В Швейцарии — 2 363
В США — 4 249
В Германии — 6 672

---

^{*} Из статьи А.Вентина в журн. «Современный Мир», цитировано по брошюре В. Львова-Рогачевского «Свободное Слово». М. 1917.

В Великобритании — 10 669

В Японии — 33 544

В России — 50 438

И превосходит Россию только Китай, где одна газета приходится на 2 680 000 жителей.

И все-таки во все периоды гонений печать, хотя и придушенная, не умирала, а продолжала, так или иначе, существовать. Она уходила в подполье, уходила за границу. У нас были свои зарубежные Берне и Гейне, свои властители дум, чьим голосам, звучавшим из других стран, внимала Россия — Герцен, Лавров, Кропоткин, Плеханов и многие другие.

Закрытые газеты начинали выходить под другими названиями. Взамен безвременно погибших изданий то там, то сям возникали новые. Хотя и с трудом, но уплачивались штрафы, и введена была своеобразная особенность — «редактор для отсидки в тюрьме», наряду с редактором фактическим.

Репрессии особенно усилились в годы войны, предшествовавшие революции, и нас не миновали даже мракобесные проекты, наподобие тех, которые западная Европа пережила веками раньше. Если во Франции предлагалось уничтожить книгопечатание, если в Германии цензоры не позволяли выставлять многоточие на месте вычеркнутых ими фраз, то у нас представитель крайней правой партии в Государственной Думе Марков 2-й выступил с проектом уничтожения белых мест (так называемых «цензорских лысин») в газетах, а заодно уже и самих газет.

«Заполняй белые места объявлениями, — говорил он с парламентской трибуны, — хотя бы о рашении волос, но не смей давать пустоты. (Голос слева: спасибо за совет). Да, господа, я иду дальше. Пустота должна быть запрещена. Более того: если газеты будут продолжать мутить народ, смущать армию, *закройте все газеты до последней, ни одной газеты не должно быть.* — (Смех слева)».

Пришла революция. Все ждали, что она принесет, вместе с декларацией прав человека и гражданина, желанную свободу слова устного и печатного, выведет из ее плена независящих обстоятельств. Уже с 1-го марта свободная страна читала свободные газеты и на разнообразных митингах и собраниях обсуждала вопросы текущего момента. И в один из ближайших дней (9 марта) русскими писателями было принесено приветствие деятелям великой русской революции, в котором подчеркивалась роль русской литературы для освободительного движения.

«... Не могут русские писатели просто присоединиться к общему ликованию. С чувством сладостнейшего душевного удовлетворения взирает русское литературное сознание на происходящее и радостно ему видеть, что

пышно взошли теперь семена, впервые брошенные именно русскою литературною мыслью. Установлено и никем не оспаривается то положение, что русская литература всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительское слово, и звало всегда это учительское слово к подвигу общественному и к самопожертвованию. Писатель Радищев первый развернул в России знамя свободы. Первую оду вольности сложил Пушкин. Злая сатира Грибоедова и горький смех Гоголя нанесли смертельные удары дореформенному строю, Гоголь же назвал братом ничтожнейшего представителя социального уклада нашего, и из этого вышел Достоевский, певец бедных людей, заступник униженных и оскорбленных, проникновенно разглядевший прекрасную человеческую душу на самой последней, казалось, ступени падения. Тургенев был апостолом освобождения крестьян. Некрасов — истинный Тиртей русской революции, на призывах которого уже 60 лет воспитывается ряд поколений борцов за свободу. Гениальная сатира Салтыкова сделала русскую бюрократию всеобщим посмешищем. Революционную русскую мысль, при ослепительном успехе которой мы теперь присутствуем, создали Белинский, Чернышевский, Писарев, Михайловский. Разрушила твердою лживого официального ханжества великая совесть Толстого. А зарубежная литература, созданная великими изгнанниками Герценом и Лавровым, несмотря на почти непреодолимые трудности, с которыми она проникала в Россию, явилась могущественнейшим фактором русского освободительного движения и основоположницей — в лице некоторых ныне здравствующих деятелей — целых эпох в истории русской политической мысли».

Заканчивалось приветствие словами: «Долгие годы отличительным признаком русской литературы была Великая Печаль ее, пусть сменит ее теперь Великая Радость».

Но не настала Великая Радость, не прекратилось гонение на печать, не кончился крестный путь свободного слова в России. Переменились действующие лица, но роли остались те же, и, по существу, преследования печати революционной властью немногим отличаются от преследования самодержавного правительства. В Москве 10 декабря 1917 г. клубом писателей в виде протеста издана была однодневная газета «Слову — свобода», и передовая статья ее, которая приводится ниже, так рисует создавшееся положение:

«Сегодня мы, писатели русские, — люди разных фракций, партий, течений и направлений, люди разных философских и научных мирозерцаний, объединились все в одном чувстве горячего протеста против гонений на печать, против покушений на свободу слова, против новых оков, налагаемых на свободную идейную работу нашу.

Не раз объединялись все мы и раньше, чтобы спасти великое прекрасное достояние мыслящего человечества — право на свободу слова и печати, право говорить, думать и писать так, как велит совесть и разумение наше, а не внешнее принуждение, угроза наказанием или боязнь насилия морального или физического. Но в первый раз раздается протест наш не по адресу верных служителей старого самодержавия, а перед лицом свободной Российской Республики. Ей, Республике Российской, слагали мы песни свои в дни ее рождения. Ее славили, ей поклонялись и ей обещали честно служить освобожденной мыслью нашей и словом нашим. Ей же несем мы и протест свой.

Великая французская революция оставила всему культурному человечеству заповеди свободы, начертанные в ее декларации прав человека и гражданина. И нам, труженикам печати, завещано ею великое наследство, которое мы обязаны блюсти, оберегать и охранять от всяких покушений на него. «Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека. И так, каждый гражданин может говорить, писать и печатать свободно, подвергаясь ответственности за злоупотребление этой свободой только в случаях, определенных законом. «Так говорила она много раз потом, в течение этого столетия, снимала цепи рабства с освобождаемых народов. Так говорила она в России в 1905 и в 1907 году. И так будет говорить всегда, во всех странах, во всех концах земного шара, где раздается благовест свободы и падает произвол, где личность человеческая и ее свободное духовное развитие становится самоцелью.

Но революционные заповеди о правах человека и гражданина не сразу делаются достоянием всех слоев и классов народа. То тут, то там снова встают перед борцами за свободу темные силы, пытаются отнять у них завоеванные ценности.

И Российская республика быстро сняла свой подвенечный наряд. Торжественные дни ее победы сменились днями незабываемых ужасов, днями кровавого пира, насилий, гражданской войны и развала всей страны. Великие заповеди свободы подвергаются сомнению. И ненавистнее всех других свобод становится для новых властителей над землей русской свобода слова, свобода печати...

Так было всегда, когда оступалась и падала революция, когда свободные песни ее не проникали глубоко в душу принявшего ее народа.

Оружием и восстанием снимает революция лишь внешние цепи. Но затем открывается перед ней самый трудный этап борьбы. Нужно очистить душу народа от осколков разбившегося рабства. Нужно осветить темные пропасти невежества народного и зажечь в них неугасаемый огонь любви к свободе.

Нужно изжить привычку к насилию над личностью человеческой и сделать священной ее свободу.

Нужно привить уважение человека к человеку, нужно поднять ценность жизни человеческой и борьбу оружием за свои права и интересы заменить культурною борьбою общественных сил и свободных мнений. Только тогда снова засияют великие заповеди свободы, и Российская Республика не будет окутана мраком средневековья.

Мы, писатели русские, больше всех других граждан русских чувствуем на себе ответственность за сохранение завоеваний русской революции. На нашей обязанности лежит разоблачение действий насильников и гасителей света свободы, на нашей обязанности лежит свободная критика всех деяний, касающихся жизни нашей страны, на нашей обязанности лежит, наконец, просвещение темных масс народа нашего в самые тяжкие и смутные дни его истории.

В наши руки отдала революция великое орудие свободы: мысль и слово. Никто не смеет посягать на наши права. На всякое насилие мы будем отвечать протестом. Мы не можем молчать. Мы будем говорить и бороться всеми доступными нам средствами и способами за свободу слова и печати и за наше право быть свободными гражданами Великой Республики Российской.

В переживаемый момент, когда более чем когда-либо нужно охранять духовные ценности человеческой культуры, необходимо всеми мерами развигивать уважение к слову и уяснять необходимость его свободы.

Самозванные цензоры, себе приписывающие непогрешимость, сами поставили себя тюремщиками духа, — говорит Ю. С. Айхенвальд. — Кто вообще смеет быть цензором, кто возьмет на себя право судить? Еще более к слову и мысли, чем к людям, применим завет: не судите. Неправедные судьи, непрошенные соглядатаи, безграмотные указчики задерживают жизнь и останавливают ее рост. Истина — только в движении; там, где — застава и преграда, где — шлагбаум, который умственный «неповоротливый инвалид» норовит «влепить в лоб», там — застой, оцепенение и смерть. Где слово сжато в тиски, туда не приходит правда. Надо свободно говорить и свободно спорить, надо скрещивать вольные мнения, и лишь тогда сверкнет из них искра истины.

Вооруженная Афина из головы Зевса — это и есть из разума рожденная и в латы слова облаченная мысль. Вступать насилием в открытый бой с этой богиней вообще безнадежно: мысль побеждается только мыслью, и в бесплотную идею не вонзится ничей вещественный меч...

Надо спасать слово. Надо охранять культуру. Надо не угашать духа. Для того, чтобы не всуе и не кощунственно произнесено было нашей револю-

цией божественное имя свободы, для того, чтобы оно не оказалось звуком пустым, необходимо каждому этот звук претворить в слово и принять свободу в самую душу свою и не за страх, а за совесть послужить вольной мысли, ради разума, во славу слова» (Ю. Айхенвальд, «Свобода Слова», стр. 16).

Не наступила еще Великая радость, которую приветствовали представители слова в начале революции. Не наступила, но ее время придет. Колесо истории вспять не поворачивается. В Англии, где существовали такие жестокие гонения на печать, во Франции, где предлагалось уничтожить само книгопечатание, теперь царит полная свобода печати. И, конечно,

Кто создал нас с такою силой мысли,
Что мы в минувшее и в будущность глядим,
Тот, верно, в нас богоподобный разум
Вселил не с тем, чтоб он без всякой пользы
Истлел в душе.

(Шекспир. «Гамлет», IV д.).

Как описывает поэтическая легенда, Прометей был прикован к скале за то, что похитил искру небесного огня, и хищные птицы непрерывно клевали ему печень. Он был подвергнут жестокой пытке, но все-таки принесенный им на землю божественный огонь сделался достоянием человечества. Можно сковать оболочку, но нельзя сковать дух. Можно насильственно заглушить слово, но нет человеческой власти, чтобы уничтожить мысль. Всякое рабство рано или поздно кончается освобождением, и это не мечты поэта, а твердая уверенность, когда он говорит:

Над вольной мыслью Богу не угодны
Насилие и гнет;
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет.

(А. Толстой).

VI.

Зачем нужны библиотеки

Все значение книги заключается в том, чтобы ее читали, чтобы ею пользовались. Книга, которая служит только украшением шкафа и никогда не раскрывается, никакой пользы не приносит и для культуры остается мертвой буквой. В виду этого чрезвычайно важно, чтобы книга доходила до читателя, и чтобы читатель находил для себя книгу.

Один путь, по которому книга идет в читающие массы, — это приобретение книги в собственность самим читателем. Культурный человек не может не иметь под рукою хотя бы некоторых необходимых и любимых книг. Особенно же ценны те книги-друзья, о которых говорит китайская пословица: «Я впервые прочел хорошую книгу, это — удовольствие приобрести нового друга; я прочел уже читанную книгу, это — свидание со старым другом».

Другой путь, по которому книга достается читателю лишь во временное пользование, «напрокат», это — публичная библиотека. Смысл устройства библиотек для общественного пользования в том и состоит, чтобы дать широким кругам возможность чтения, потому что оно является одним из важнейших элементов культуры.

Однако, роль библиотеки далеко не исчерпывается тем, что она имеет большой запас книг, чем у рядового читателя, что книги можно обменивать одну за другою и что пользование библиотечными книгами бесплатно или во всяком случае доступно при сравнительно низкой плате. Не исчерпывается она и тем, что библиотека сохраняет произведения печати от исчезновения с лица земли, хотя при переживаемых ныне условиях такое сохранение для нас чрезвычайно существенно.

Главная особенность правильно организованной библиотеки та, что она может помочь исканию ответа на любой интересующий читателя вопрос, от самого утилитарного до самого отвлеченного. Для этого, естественно, библиотека должна быть энциклопедичной, должна охватывать полный круг знаний, а так как библиотека обслуживает читателей различной подготовки, то заключающийся в ней круг знаний должен состоять из нескольких последовательных ступеней, или, выражаясь точнее, из ряда концентров.

Мало того, публичная библиотека — как она понимается в современном смысле слова — применяет разнообразные способы, чтобы будить мысль и тем самым привлекать к чтению. Нынешняя библиотека понимается не только как собрание книг и периодических изданий: в нее включаются также рукописи, автографы и всевозможные произведения печати и графических искусств — ноты, карты, рисунки, фотографии, диапозитивы, фильмы и т. п.

Создавая спрос на чтение и привлекая читателя, библиотека не бросает его на произвол судьбы, не дает ему беспомощно блуждать в книжном лабиринте, а оказывает ему активное содействие справками, советами, рекомендацией книг, учит его пользоваться книгами и ориентироваться в них. Активная помощь читателю — одна из самых характерных черт современной публичной библиотеки.

Наконец, и всем этим новая библиотека еще не ограничивается. Она является не только рассадником культуры, но содействует воспитанию нации для

демократии. В этом направлении больше всего сделано американскими публичными библиотеками, которые являются во всех отношениях лучшими в мире. Считая необходимым особенно подробно остановиться на их деятельности для общей характеристики «новой библиотеки», я приведу в значительных отрывках речь, произнесенную в 1916 г. на очень многолюдном съезде Американского Библиотечного Общества (American Library Association) тогдашней его председательницей (ныне покойной) мисс Мэри Племмер. Эта речь показывает, как сами американцы понимают роль библиотеки для выработки «самостоятельной мыслящей личности», что так высоко ценится в атлантической республике, и для подготовки демократии.

«Нынешний критический момент в жизни народов показывает нам всю суету сует; заставляет нас сквозь бурю событий ощущать связь со всем миром и даже со вселенной; стряхивает с нас профессиональную оболочку и побуждает глубже взглянуть в самих себя. И мы видим — чего, быть может, раньше не замечали — что наша профессия (т. е. профессия библиотекарей) играет немаловажную роль в мировых делах. Вот почему для докладов нынешнего съезда выбрана общая тема — публичная библиотека и демократия».

Таким вступлением начинался доклад мисс Племмер, носивший еще самостоятельное заглавие: «Публичная библиотека и поиски истины»^{*}). Далее доклад гласил:

«Мы можем придерживаться различных теорий относительно организации человеческого общества; но будем ли мы считать, что поступки человека являются результатом его свободной воли, или же что они предопределены силами и причинами, над которыми он не властен, все-таки цивилизация, несомненно, зиждется на первой доктрине. «Игра имеет правила», — говорим мы, а вне игры человек свободен. Если б это не было общим мнением, зачем существовали бы законы и правила, награды и наказания? Зачем нужно было бы хвалить или порицать, прославлять или презирать? Зачем было бы привлекать человека к работе, которой он не мог бы помочь ни делом, ни словом? Зачем венчать лаврами или даже пальмой мученичества, если бы в прошлом и в настоящем какие-то неведомые силы заранее предопределяли путь победителя или мученика? Если истинность и ценность какого-нибудь учения измеряется тем, что оно дает результаты, «действует», как выразился один из наших великих прагматистов, то мы должны признать учение о свободной воле за действительную основу, пока не найдем взамен чего-нибудь лучшего и столь же действительного. Иначе говоря, вехами нам должны служить общие принципы, выработанные коллективным опытом и мудростью всего челове-

---

^{*}) Library Journal, 1916, VIII, Conference number, pp. 537 – 541.

чества; целью, как многие из нас сказали бы, — достижение Царства Небесного на земле; побудительной силой — известная необходимость идти вперед к этой цели, — необходимость, которую иные ощущают сильнее, другие слабее, которую сознают, может быть, немногие, но которой не чужд почти никто. Таким образом, мы вольны управлять собою независимо от того, как скоро будет достигнута цель и совершится ли переход последовательно или с перерывами, или с временными возвратами назад. Нет места никакому принуждению, кроме постоянного, почти неуловимого стремления вперед; нет никакого наказания, кроме естественных и неизбежных последствий, вызываемых нарушением правил.

Что это, как не метод, к которому стремится демократия и, добавим, стремится давно? И она идет к конечной цели личного самоусовершенствования путем коллективного самоусовершенствования. Несомненно, если бы немногим просвещенным избранникам дать полный простор действия, то кое-что было бы лучше сделано, лучше понято. Но подобный образ действий неминусомо должен отнять больше, чем дать. Внешний мир и гармония и достижения еще не свидетельствуют о таком же внутреннем состоянии, и если это привито насильственным образом, то результат получается совершенно противоположный.

Со всех сторон приходится слышать столько сомнений в пользу демократии по сравнению с другими формами государственного управления, столько нападок на ее слабые стороны, столько неверия в ее конечные достижения, что только глубокая и сознательная вера может им противостоять.

Стронник и защитник демократии должен в наши дни обладать большим терпением, твердым убеждением, уравновешенным умом. Он должен помнить, что слабости демократии не что иное, как слабости самой человеческой природы: ведь за то, что все делали или помогали делать или не давали делать, отвечают и несут последствия все. При других же формах правления ошибки человеческой природы усугубляются ошибками от чрезмерной власти или монополии, и все несут последствия того, что сделано кучкой людей. Мы можем исправить собственные ошибки, но если это ошибки и заблуждения других, власть над нами имущих, то что тут делать?

Вне демократии, может быть, когда-нибудь возникнет что-нибудь лучшее, чем мы до сих пор видели. Но если присмотреться к человеческим делам во всем мире, к возвышению классов, прежде незаметных, к пробуждению наций, прежде дремавших или скованных каким-нибудь абсолютным владычеством, к стремлению женщин во всех цивилизованных странах к общественной деятельности, то есть основание верить, что в грядущие годы нарастающие, а не убыль демократии будет следующим номером программы, следую-

щей фазой, через которую мы должны идти к нашей цели. Есть неотъемлемые недостатки в демократии, — совершенно верно. Мы начинаем их замечать — это первый шаг к исправлению. Мы уже не довольствуемся теоретической демократией, она должна быть прикладной. Но если теория не «действует», — тем хуже для теории, так как мы уже видим, что по плодам демократического управления можно судить, истинная ли это демократия.

Сознание возможности исправить, загладить ошибки — это большой актив для всякого вдумчивого работника. Убеждение в том, что нужно пробудить, сосредоточить, стимулировать огромные массы безучастных, малоинтеллигентных или темных людей, неизменно поддерживает в работе. Уверенность в том, что мир не может пойти вспять, что нет и никогда не было золотого века, к которому нужно было бы возвращаться, это — внутренний стимул, которому все повинуются вольно или невольно, и который при надлежащих условиях должен привести нас к лучшему будущему. Эта уверенность есть властная сила, которой нельзя сопротивляться.

Можно уйти в сторону от движения, забиться в угол и ругать на чем свет стоит всех идущих вперед, или повернуться спиной и не следить за цепью событий, чтобы не тревожить своего покоя; но бесполезно стоять на дороге и пытаться преградить течение, бесполезно — в конечном результате. Всегда и везде можно ставить препятствия и заграждения, но когда плотина прорывается, то задержанное движение развивается с неудержимой силой и быстротой и причиняет еще больше повреждений.

Великую опасность для демократии представляют невежество и страх; страх, порожденный невежеством. Когда в детстве мы узнавали, что не существует лешего, которым нас пугали, то мы переставали его бояться; но если нам, когда мы подрастаем, последовательно преподносят разных леших те, которые, как наши няньки или неразумные родители, хотят страхом заставить нас выполнять их волю, то лишь образование, лишь знание и способность мыслить и рассуждать могут избавить нас от этих страхов.

Большинство из нас очень смело провозглашает свои идеалы, но когда мы узнаем, что для их осуществления мы должны пройти через полосы и периоды беспорядка, смятения и даже опасности, то мы отступаем, убоившись леших, которые, по уверению наших противников, представляют известное зло, а не то, что неизбежные препятствия на пути к прогрессу. Чтобы придти к чему-то, мы должны пройти через что-то, и подлинный демократ — тот, кто не теряет мужества, кто даже в минуты огорчения и разочарования сознает, что имеет дело с призраками, грозно стоящими перед всякой цитаделью реакции, которую надо взять приступом, или перед конечной целью прогресса, которую нужно достигнуть.

Спрашивается, что общего все это имеет с библиотеками? А вот что: свобода выбора должна основываться на знании добра и зла; доступ ко всему, что помогает сделать выбор, должен быть свободен для народа, так как демократия может процветать, развиваться и совершенствоваться только при сознательном выборе. Бесплатная публичная библиотека — одно из немногих мест, где можно получить воспитание и сознание для того, чтобы делать собственный выбор.

Мы говорим о «погоне за истиной». Выражение неудачное, так как оно вызывает такое представление, будто истина убегает от преследователей, словно заяц от гончих, и в заключение может быть даже убита, как дичь. Лучше сказать «поиски истины», хотя и здесь как будто заключается намек на то, что истина скрывается. И действительно, трудно найти слово, чтобы определить работу искателей истины. Бывают иногда и такие истины, которые прячутся, и такие, которые бегут при нашем приближении. Пожалуй, это скорее инстинкт, чем истина, о которой я веду речь, и, скорее, истины относительные, чем истина абсолютная. Ведь на вопрос Пилата «Что есть истина?» ответом было только эхо.

Если бы истину можно было сжать, уложить в формулу или утверждение, то все мы были бы в состоянии заполучить ее, и погоня прекратилась бы, к нашей же невыгоде, так как в поисках мы обретаем «большую силу для мужественного применения». Как бы то ни было, но истины можно с успехом находить, потому что за каждой из них скрывается другая, достаточно туманная, пробуждающая к дальнейшим поискам. Быть может, абсолютная истина — это составное целое, сумма множества мелких и крупных истин, которую до известной степени можно охватить, к великому счастью человечества?

Правда, бывали открытия, от которых впоследствии приходилось отказываться, так как успехи знания выяснили их прозрачность. Это обстоятельство должно было сделать всех изучающих скромными и здравомыслящими. Но если закон притяжения не есть закон, и теория Дарвина опровергается, то мы вольны продолжать дальнейшее исследование смысла явлений, на которых они были построены, и мир от этого не станет менее интересным. Физические истины, лабораторные истины — лишь одна разновидность истин, касающихся человечества. Искать приходится истины экономические, интеллектуальные, эстетические и др. Чтобы их найти, необходимо наблюдение, размышление и концентрация мысли, а также знакомство с прежде найденными истинами, с прежним ходом рассуждений, с фактами, вполне подтвержденными, с заблуждениями, которые теперь опровергнуты. И тут-то библиотека является прибежищем для всех искателей истины.

Разумеется, среди библиотечных читателей многие ищут истины не ради нее самой, а ради своей личной пользы. Но как бы и кем бы истина ни была найдена, она всегда остается истиной, и рано или поздно она принесет пользу миру, хотя бы даже как отправная точка. Это — наилучшее применение для всякой истины, и недаром искатель продолжает искать и вдохновляет к тому других.

Мы знаем, что не раз открывались чрезвычайно важные физические законы и обеспечивались человечеству могучие силы, благодаря случайному наблюдению над каким-нибудь, по-видимому, малозначительным фактом. Однако нам в точности не известно, как часто читатель был направлен на путь истины какой-нибудь фразой из книги, которая проливала ему свет, невидимый для других, или как часто печатное слово вызывало то глубокое впечатление, при котором великие жизненные истины воспринимаются и усваиваются раз навсегда.

Если бы библиотекари знали или хотя бы представляли себе, какая сила исходит от книг, над которыми в библиотеке склоняется столько голов или которые столько рук уносят для чтения домой, то либо преисполнились бы гордости, либо испугались бы своей ответственности. Если бы каждый из библиотекарей знал пути открытий, вдохновленные ответы на вдохновенные слова, толчки к истине и истинам или от них, вызванные прочитанными книгами, то хватило ли бы у него мужества, чтобы протянуть руку и сказать:

— Я не должен вмешиваться в поиски истины. Какие бы верования, убеждения и сомнения ни были у меня лично, я должен полагаться на самодовлеющую силу истины. Я должен доверить истине, чтобы она сама пробивала себе путь.

Может быть, это счастье, что библиотекарь не знает, какое воздействие оказывают его книги и что происходит в умах и сердцах читателей, так как в каждом поколении страх и недоверие перед умственными и душевными переживаниями других людей ставит палки в колеса той колесницы, которая направляется на поиски истины.

Если родители не могут понять, что настает время, когда ребенок должен уже ходить на собственных ногах; если учитель или проповедник не признает, что его аудитория выросла уже до того, чтобы узнать всю правду; если цензор вычеркивает факты, которые считает предосудительными; если властелин изгоняет из своих владений нежеланную истину, которая может передаваться с быстротою заразы, то каждый из них в душе думает: истину нужно опекать, и я буду ее опекать, скрывая то, что мне представляется вредным, и сам буду судить, что именно правильно и безопасно.

Истина — вещество растяжимое и взрывчатое. Там, где она не может идти ровно и постепенно, она бурно прокладывает себе путь. Всякий социальный класс, отгородившийся недоверием от другого класса, стоящего сверху или снизу, действующий односторонне и не допускающий ни малейшей щелки для проникновения истины, неминуемо дождется, что в один прекрасный день все его укрепления взорвутся от действия подпочвенных сил. Если оставить хоть одну отдушину, то возможно избежать катастрофы. Не будет ли этой отдушиной публичная библиотека?

Церковь, по всей видимости, и по ее собственному признанию, так долго не доверяла истине и людям, что теперь, когда она стала доверять, ей уже не верят, и медленно, с большим трудом она снова строит свои конгрегации уже на другой основе — искренности и правды.

Высшая школа сейчас переживает кризис, и люди спрашивают себя, почему в некоторых из этих школ нельзя говорить о простых истинах и фактах. Пресса колеблется от одной крайности к другой, и мы заранее знаем, на чью сторону станет такая-то газета в случае спора, и даже догадываемся, чем это вызвано. Правительства, по собственному признанию, опирающиеся на основные истины, своим образом действий отрицают эти самые истины.

До сих пор американцы всегда доверяли публичной библиотеке, потому что библиотека все больше и глубже доверяла народу. И когда шел хотя бы самый ожесточенный спор об истинах, люди знали, что библиотека представит им взгляд той и другой стороны, даст полный материал для суждения. В шкафах есть книги и другие документы, чтобы опровергнуть неправильные данные, приводимые какою-либо из сторон.

Если новые научные открытия как будто вносят противоречия в моральные или религиозные взгляды, то их нужно сличить с новыми моральными или религиозными открытиями, а не противопоставлять им голословного отрицания или полного умалчивания. При хладнокровном рассуждении мы, может быть, даже убедимся, что противоречия окажутся мнимыми.

Быть может, за все время существования мира наше поколение первое потребовало фактов, пожелало взглянуть в лицо фактам, какими бы неприятными, отталкивающими и обескураживающими они ни представлялись. Во всем мире люди отказываются жить долее в блаженном неведении. «Откройте нам правду», — требует общий голос, — «покажите истинное положение дела, чтобы мы могли его улучшить и чтобы мы больше не возводили постройки на ложном фундаменте». И, несомненно, какие-то ужасные вещи начинают сквозить в драме, в романе, в новых отношениях между классами, даже в грабительских налетах. Мы больше не можем величественно отвора-

чивать и делать вид, что мы ничего не заметили, или покрывать видимую рану капелькой легальной мази. Дело уже зашло слишком далеко. Мы должны вникать в условия, мы должны знакомиться с фактами, кто бы от этого ни пострадал, и на чем бы это ни отразилось.

Школа дает гражданину орудие познания — грамотность; публичная библиотека, пресса, сцена, кинематограф и сама жизнь дают ему материал для мышления. Если бы все эти факторы, вместе взятые, поддерживали право взрослого гражданина узнавать все, а не то лишь, что другие по каким бы то ни было соображениям признают за благо ему открыть, — тогда мы имели бы основное условие, чтобы просвещенная демократия могла развиваться до бесконечности.

Дух истины витает над миром; он говорит и многочисленными, многообразными голосами, и печатным словом. И разве не великое благо, что публичная библиотека может служить истинной поборницей истины?»

Это бережное отношение к индивидуальности, к свободе личности и к свободной выработке миросозерцания чрезвычайно характерны для американских библиотек, которые путь к этому видят в беспартийности и беспристрастности библиотеки, в отсутствии давления на взрослого читателя.

К удивлению, в нашей литературе приходится встречать совершенно превратное толкование этой библиотечной тактики, объясняемое, очевидно, очень малым знакомством с постановкой американских библиотек в среде наших работников-практиков.

«Увы! Среди наших внешкольников — пишет В. Невский* — в подражание американским библиотекам раздаются иногда голоса за то, что библиотекарь должен быть строго объективен ко всякой книге, удовлетворяя существующий спрос: спросит читатель черносотенную газету — давай черносотенную газету, спросит Вербицкую — давай Вербицкую. Полагаем, что истинные друзья народа, пришедшие к нему не «сверху» с просветительной филантропией, а вышедшие из недр самого народа, переживающие вместе с ним все радости и страдания, с негодованием отвергнут этот взгляд, как мать, попирая свободу ребенка, отказывается дать ему острый нож или горящую свечу, к которым он тянется своими слабыми ручонками».

Между американским взглядом и точкой зрения г-на Невского — диаметрально противоположность. Г-н Невский находит, что взрослому читателю все-таки нужны цензоры, только не «просветительные филантропы сверху», а

---

* Невский В. Освободительное движение и методы внешкольной образовательной работы. «Р. Школа» 1917, IX – XII, стр. 29.

люди, «вышедшие из недр самого народа». Он никак не может отрешиться от «опеки» над взрослым читателем и даже приравнивает его к малому ребенку, которому мать не дает ножа в руки. Но ведь уже и ребенка обучают владеть ножом и тогда дают ему нож. Так поступают американцы: они учат читателя сопоставлять разные взгляды. Побуждают его критическую мысль и дают ему возможность сделать самостоятельный вывод. Возьмем приведенный конкретный пример: если спросит читатель черносотенную газету, ему ее дадут, но рядом дадут и газеты других направлений, чтобы он мог «выслушать и другую сторону». Американская публичная библиотека не делается орудием какой-либо одной партии или конгрегации, или секты, вообще той или иной обособленной группы людей, а стремится развить «свободную мыслящую личность».

С другой стороны, вопреки неосновательному утверждению г-на Невско-го, нигде в мире библиотеки не содействуют в такой степени проведению хороших книг в читающие массы, как в Америке, и не пустым звуком, а полной реальностью является девиз Американского Библиотечного Общества (объединения американских библиотекарей) — «наилучшее чтение наибольшему числу людей самым доступным для них образом».

Западноевропейские мыслители неоднократно указывали на необходимость выбора книг для чтения. «Плохих книг никогда не прочтем мы слишком мало, хороших никогда не удастся прочесть слишком много», — говорит Шопенгауэр. «Читайте, прежде всего, лучшие книги, а то вы и совсем не успеете их прочесть», — проясняет Торо. Ту же мысль развивает Джон Рескин: «Все хорошие книги к вашим услугам, а жизнь коротка. Вы это слышали и раньше, но измерили ли вы ее краткость, распределили ли время, которое она предоставляет в ваше распоряжение? Знаете ли вы, что если прочтете одно, то не прочтете другого, не наверстаете завтра потерянного сегодня? Неужели вы пойдете болтать с вашей горничной или конюхом, когда можете беседовать с королями и королевами?». Тем не менее, европейские библиотеки лишь недавно приступили к тому, что уже осуществлено в Америке, — к тщательному изучению книг со стороны их пригодности для библиотеки и со стороны их подхода к читателю того или иного типа. Для этой цели американские библиотекари, не ограничиваясь многочисленными критическими и библиографическими пособиями, широко применяют так называемый «анализ книги» — разбор каждой книги на особом бланке, помогающий моментально воспроизвести в памяти все ее особенности^{*}.

---

^{*} Образцы бланков «анализа книги» см. в брошюре: Покровский А.А. О выборе книг для общедоступной библиотеки, с прилож. списка книг. 2-е изд. Русск. Библиот. О-ва. М. 1918. 85 к.

Выбор книги — это также одна из ценнейших особенностей библиотеки. Однако, под выбором книг опять-таки не должна подразумеваться чья бы то ни было «благожелательная опека», а лишь активная помощь читателю, которому нужна нить Ариадны, чтобы не заблудиться в книжном лабиринте.

«Для нас, живущих нервной и деятельной жизнью XX столетия, — говорит Н. А. Рубакин, — литература, прежде всего, представляется всемирной сокровищницей трех величайших сил, — сил, необходимых для каждой человеческой личности, для того, чтобы «ориентироваться и устроиться во вселенной». Вот эти три великие силы: во-первых, знание, во-вторых, понимание, в-третьих, настроение. Не всякое печатное произведение содержит в своих недрах эти три силы. Но для широких кругов грамотного человечества именно их-то и приходится искать в книге, ради их-то проявления, накопления, развития и стремиться к книге. Правда, все эти три силы до некоторой степени неотделимы одна от другой и встречаются более или менее вместе. Но не во всякой книге они находятся в равных количествах, и иные книги, прежде всего, дают знание, другие будят мысль, третьи воздействуют на настроение, — прежде всего и больше всего на него...

Работник книжного дела должен служить посредством распространения книг не только распространению знаний, но и критического отношения к окружающей действительности, умения вникать в окружающее в любом месте и в любое время. Другими словами, он должен помогать человеку в деле развития его понимания. Но и этого еще мало, — работник книжного дела должен давать людям, кроме того, некоторый комплекс эмоций, настроений, чувствований, без которых немислима не только духовная, но и всякая иная жизнь. Знание, понимание и настроение — три силы, кристаллизующиеся путем печати в книге и сохраняющиеся в потенциальном состоянии в библиотеке — совокупности книг»^{*)}.

Выбор книг является одной из самых важных и в то же время одной из самых трудных работ в библиотеке. Он требует и знания книг, и знания читателя, и понимания задач библиотеки вообще и данной библиотеки в частности. Каждый тип библиотеки имеет свою индивидуальную физиономию, к которой должен приспособляться выбор книг. Но и этим еще не все определяется: местные условия, бытовые особенности, состав читателей — все должно учитываться при подборе книг, в дополнение к основным принципам комплектования библиотеки^{**)}. Мало того, в хорошо поставленной публичной биб-

---

^{*)} Среди книг, 2-е изд., 1911 г., т. 1, стр. 13 – 14.

^{**)} Подробное развитие этого вопроса см. в цитированной выше брошюре А.А.Покровского и в гл. IV моего «Руководства для небольших библиотек». 3 изд. Унив. Шаньского. М. 1918.

лиотеке не только подбор книг энциклопедичен и пропорционален, так что любой читатель может найти книгу, отвечающую на любой интересующий его вопрос, но также любой читатель найдет книгу, подходящую для его психологического типа и подходящей для него трудности, и читатель, стоящий на любой ступени развития, найдет книги дальнейших восходящих ступеней, по которым может продолжать занятия или самообразовательную работу.

Но что самое главное в публичной библиотеке, отвечающей современным требованиям, это помощь читателю, которая выражается не только в выборе книг, но и в методах всей библиотечной работы, о которых будет речь в дальнейших главах.

Закончу перечень главных преимуществ библиотеки выдержкой из одного любопытного документа. В редакцию журнала, посвященного библиотекам штата Нью-Йорк, в прошлом году поступил запрос одного господина, который собирался пожертвовать капитал на устройство библиотеки в своем родном городке и желал предварительно выяснить, есть ли смысл делать такое пожертвование. Редакция ответила на то изложением основных принципов, по которым жертвования на библиотечные нужды являются вполне целесообразными*):

1. Человеческая жизнь в значительной мере направляется и развивается идеями, образами, чувствами и идеалами, которые нами воспринимаются из книг. Посредством книг можно оказать на человеческую жизнь огромное влияние в хорошую или дурную сторону. И какое другое учреждение таит в себе такую силу, как библиотека с ее живыми и вдохновляющими книгами?

2. Библиотека — такое учреждение, в котором, как любит подчеркивать Карнеги**), благотворительность «ничего не дает даром», а потому и не покровствует праздности. Давать — дело трудное и щекотливое. Оказывая людям какое-нибудь материальное благодеяние, всегда рискуешь вольно или невольно отнять у них частицу независимости, свободы или, наоборот, наложить известные обязательства, тяготу. Однако публичная библиотека при всех своих сокровищах обогащает людей лишь постольку, поскольку они сами напрягают свой разум, понимание, энергию и труд на использование этих сокровищ. Библиотека дает свои богатства только тем людям, которые вкладывают работу для того, чтобы их приобрести. Поэтому среди всех видов благотворительности ей нужно отвести обособленное место.

---

* New-York Libraries 1917, № 6, стр. 190—192.

** Американский богач, разновременно пожертвовавший на поддержку библиотек более 70 миллионов долларов. Прим. авт.

3. Публичная библиотека — единственное учреждение, которое доступно для всех и может что-нибудь дать всем и всегда. Она обслуживает здоровых и немощных, богатых и бедных, старых и молодых, ищущих практической помощи для дела или отдыха от дела.

4. В силу вышеуказанного библиотека является могущественным объединяющим фактором для жизни города или села. Другие учреждения разбивают людей на фракции или секции, воздвигают перегородки между отдельными группами, ставят препятствия для общих переживаний и взаимопонимания. В публичной библиотеке самые разнообразные люди, несмотря на различие своих специальных интересов, сходятся на общих интересах. Поэтому библиотека призвана служить и лучше всякого другого учреждения служить социальным центром своего района.

5. Расходы на публичную библиотеку окупаются не только тем моральным, интеллектуальным и социальным улучшением, которое она вносит, но и прямой материальной выгодой. Благотворительность обычно сводится к той или иной материальной потере, которая оправдывается моральными или социальными целями, но с экономической точки зрения все-таки представляет потерю. Бесплатная публичная библиотека приносит и материальную, и моральную выгоду, потому что она непосредственно сберегает расходы для всякого, кто нуждается в книгах или справках, и в то же время повышает развитие и знания людей для дальнейшего их применения к жизни.

6. Хорошо поставленная и деятельная библиотека значительно сокращает надобность во всякой благотворительности. Идеальный город или село не должны нуждаться в общественной благотворительности. Благотворительные учреждения до некоторой степени свидетельствуют о различных недостатках нашей социальной организации. Задача библиотеки — путем распространения здравых понятий, поднятия умственного развития, содействия производительности труда и промышленности так обогатить жизнь, чтобы люди мало-помалу перестали зависеть от организованной благотворительности. До некоторой степени библиотеки это уже выполняют. Лорд Эвбюри^{*)} документально доказал, что расходы общин на библиотеки с лихвой возвращаются в форме уменьшения народной бедности и преступности.

7. Наконец, библиотека необходима для того, чтобы любое общественное учреждение достигало лучших результатов. Ни деловое предприятие, ни

---

^{*)} Известный английский ученый Джон Леббок, унаследовавший титул лорда Эвбюри, как член парламента, своими блестящими речами о значении библиотек много содействовал проведению библиотечных законов и развитию публичных библиотек в Англии во второй половине XIX в. Прим. авт.

школа, ни больница, ни церковь, ни религиозное братство, ни благотворительная организация не могут надлежащим образом выполнять своей работы или достигнуть достаточного развития без помощи хорошей библиотеки. Таким образом, кто дает средства библиотеке, дает силу и развитие и другим хорошим начинаниям и помогает расширить и углубить работу всех общепользовательных общественных учреждений.

VII.

Библиотечные идеалы и их осуществление

Уже в предыдущей главе мне пришлось в значительной мере сослаться на Америку. Оговариваюсь, что и дальше примеры для иллюстрации мне придется брать больше всего из американской практики, так как библиотечные идеалы современной эпохи именно в Америке были не только выработаны, но и воплощены в жизнь, и это их воплощение служит образцом для всего цивилизованного мира, так как ни одна страна не достигла таких колоссальных результатов в области библиотечной работы, как Соединенные Штаты Америки.

Библиотечные идеалы выразительно сформулированы американцами в нескольких коротких определениях:

«Если старая библиотека была источником, к которому шли все жаждущие знания, то новая — это водопровод, разносящий живительную влагу по домам».

«Библиотека должна сделать доступным каждый атом знания, заключенный в книгах».

«Нет ничего бесполезнее неиспользованной книги».

Действительно, прежде библиотека не выдавала книг из своего помещения, новая же библиотека стремится доставить книгу всюду, где есть люди; она не ждет, чтобы читатель пришел к ней, а сама идет ему навстречу, ищет его. Библиотека раскидывается сетью, как дерево — ветвями, и таким образом топографически приближает книгу к читателю: не далее известного расстояния от своего жилища (в городе — полмили, в сельской местности — 1-2 мили) он найдет какой-нибудь пункт, откуда может получать из библиотеки книги. Однако библиотека и этим еще не ограничивается: она не считает достаточным только удовлетворять существующий спрос на книги, а стремится сама создавать такой спрос как методами своей работы, пробуждающими у читателя интерес к знанию и книге, так и постоянным напоминанием о своем существовании, ознакомлением публики со своими задачами, со своей работою, со своими книжными богатствами.

В последнем отношении американцы опередили Европу, где библиотеки существовали гораздо раньше, чем в Америке, но не могут соперничать с американцами в смысле достижений. «Библиотека есть распределитель», рассуждают американцы, а распределитель, независимо оттого, что он приносит — товары или орудия культуры — должен действовать аналогичными методами. Если сидеть сложа руки и ждать клиента, то дело преуспевать не будет; нужно этого клиента отыскать и привлечь.

Вот почему американская библиотека широко прибегает ко всяким способам оповещения, к тому, что можно назвать «рекламой» в лучшем смысле этого слова. Под рекламой здесь нужно разуметь не раздувание чего-то, не заслуживающего внимания, а лишь широкое осведомление публики о том, что действительно вполне достойно внимания и служит ее же интересам.

Такая осведомительная деятельность американских библиотек очень разнообразна. Библиотека никогда не считает предел своей работы достигнутым. Сколько бы читателей у нее не было, их может быть еще больше и должно быть больше, для этого надо принять меры. Задача библиотеки — содействовать использованию книг в самом широком масштабе. Таков господствующий в Америке взгляд.

И самые интенсивно работающие библиотеки неизменно продолжают свою работу по привлечению новых читателей и по созданию еще большего спроса на книгу, который библиотека всегда готова удовлетворить; она ждет во всеоружии, она приготовлена к тому, чтобы принять все возрастающие кадры читателей и обслужить их в полной мере.

Для оповещения о своем существовании библиотека широко пользуется печатью и особенно газетами. Сколько бы подписчиков у нее ни было, она каждый год рассылает тысячами объявления о том, когда она бывает открыта и как ею пользоваться. Эти объявления печатаются на различных языках и направляются не только к коренному населению, но и к пришлому — к иммигрантам. Так, нью-йоркская публичная библиотека^{*}, в которой, вместе с ее филиалами и выдачными пунктами, прочитывается в год двенадцать миллионов томов книг, ежегодно рассылает около шестидесяти тысяч объявлений на английском языке, затем тысячи объявлений на итальянском, греческом, французском, немецком и др. языках и даже несколько сот объявлений на китайском языке, стремясь привлечь иностранцев и иностранных переселенцев к пользованию книгами.

---

^{*} См. Хавкина Л.Б. Нью-йоркская публичная библиотека. С. 16 рис. М. 1914. 50 к.

Другой вид оповещения — публикации в газетах: статьи о библиотеке, о различных сторонах ее работы, цифровые данные о ее деятельности, главное — списки избранных книг на ту или иную тему, например, «книги, представляющие интерес для педагогов», «рассказы о детях для взрослых», «что есть в вашей библиотеке о водопроводах и водоснабжении», «книги по городскому самоуправлению», «лучшие современные романы» и т. д. Такого же типа рекомендательные списки книг по отдельным вопросам, отпечатанные в виде листков или складней, бесплатно раздаются библиотекой с целью заинтересовать читателей разнообразными книгами. К слову сказать, держатся того правила, чтобы давать небольшой, но характерный перечень книг на какую-нибудь тему. Исчерпывающим он не должен быть; по мнению американских библиотекарей, нужно «показать типичные образчики» того, чем располагает библиотека: «когда оповещают о каком-нибудь магазине, то нет надобности перечислять всех товаров, достаточно обратить внимание на некоторые из них, а остальные потребитель увидит, когда придет сам». Психологически, конечно, верно, что небольшие списки книг на отдельные темы скорее привлекут внимание читателя, чем длинный и пространный перечень, в котором не так-то легко разбираться. Такими пространственными списками служат ежемесячные «бюллетени» приобретенных книг, которые издаются более крупными библиотеками. Для оживления в них также вводятся статьи, отчеты библиотеки и т. п.

К оповещениям относятся разные циркуляры, направляемые жителям. Так, библиотека в городе Ньюарке (шт. Нью-Джерси), изощившаяся в разнообразных способах привлечения читателей, рассылает такие объявления:

«На ваши средства содержится библиотека: пользуетесь ли вы ею? Если нет, то почему?».

«Чтобы получать книги из публичной библиотеки, нужны только два условия: проживать в Ньюарке и дать свою подпись».

«Всякий житель Ньюарка имеет на расстоянии не более мили от своей квартиры какое-нибудь отделение публичной библиотеки».

«1. 000. 000 книг в год, т. е. пять книг в минуту в течение 12 часов ежедневно — так выдает книги ваша публичная библиотека». (На следующий год после рассылки этого объявления число выдач поднялось уже до 1. 700. 000).

«Если вам нужно купить книгу и посоветоваться об этом, то звоните в библиотеку: там есть каталоги книг, рецензии книг, цены книг. Эти справки входят в круг работы библиотеки».

Американские библиотеки вообще обслуживают читателя не только лично, но и по телефону, и в объявлениях непрестанно напоминают о праве читателя на обращение по телефону. Вот еще образец:

Т. 403.

Пользуетесь ли вы нашим телефоном:

Если нужно найти название, которое вы забыли?

Если нужно разрешить спорный вопрос?

Если нужно проверить число, ускользнувшее из памяти?

Наши справочные книги к вашим услугам.

Вырабатывайте привычку к библиотеке — это хорошая привычка!

Много ли вы знаете?

Столько, сколько ваш мальчик?

Столько, сколько ваш сосед?

Столько, сколько вы хотели бы знать?

Для общих и специальных справок 5000 томов

Предоставляет вам Эджвотерская бесплатная библиотека.

Вы ломаете себе голову?

Идите со всякими затруднениями в библиотеку.

Это — университет для всех,

Притом совершенно бесплатный.

Например, читали ли вы:

(Следуют четыре — пять названий книг, которые могут помочь «самому разбираться»).

Вырабатывайте привычку к библиотеке — это хорошая привычка!

Бесконечно разнообразны все эти объявления, ставящие себе общую задачу — привлечь новые и новые кадры читателей в библиотеку, заинтересовать их книгами и научить разбираться в их книгах. Например, публичная библиотека в С.-Луи рассылает всем приезжающим в город приглашение посетить библиотеку. Библиотека в Денвере пользуется театральными афишами, чтобы печатать списки книг, более или менее связывая их с тем, что ставится в театре, и стараясь перевести на точках соприкосновения интерес от зрительного зала к чтению. Очень часто можно видеть в кинематографах на экране в промежутке между картинами объявление о библиотеке с указанием ее адреса и часов открытия.

В одной из калифорнийских библиотек применен был такой способ: в иностранных и, в частности, в американских газетах обычно печатаются объявления о рождении ребенка в семье. Библиотекарша стала рассылать по адресам этих объявлений такой циркуляр: «Вы, конечно, дорожите здоровьем своего ребенка. Сиэтльская библиотека имеет хорошие книги по уходу за детьми и по воспитанию детей (следует небольшой список)». В результате сильно повысился спрос на такие книги.

Вот еще пример библиотечного объявления-плаката.

Маленькие каникулы круглый год.
В часы досуга

Читайте

Путешествия

Приключения

Рассказы и романы

Из жизни природы

Из прошлого.

Учитесь

Фотографировать

Проводить беспроводный телеграф

Играть в гольф

Вязать крючком.

Спрингфильдская библиотека имеет книги на все вкусы и на все запросы.

(Адрес библиотеки и ее филиальных отделений и часы их открытия).

Библиотека бесплатна для всех.

Большие плакаты для расклеивания на столбах и стенах составляются библиотеками на всевозможные лады и снабжаются рисунками и заставками. Здесь — широкий простор творчеству и фантазии, окрыленной желанием усилить роль библиотеки как проводника книги в ширь и в глубь читающих масс.

От объявлений сделан был дальнейший переход к ознакомлению с библиотеками еще более наглядным путем. Так, на всякой сельской ярмарке близлежащие публичные библиотеки устраивают собственную «палатку», в которой можно показать скопляющемуся народу, что такое библиотека, и разъяснить, зачем она нужна. Мне пришлось видеть такую палатку в одном селении на берегу Эри, где совместно представлены были три крупные библиотеки из соседних сел.

Еще способ оповещения о библиотеке — шествия, празднества, связанные с библиотечной работой. Вот как, например, устроено было «библиотечное шествие» в одном селе штата Индианы в день птицеводной выставки. По селу ехала платформа, украшенная белой и зеленой креповой бумагой; из этой же бумаги сделаны были попоны и султаны для лошадей, впряженных в платформу. Правил кучер в цилиндре и белой куртке. На платформе укреплены были огромные, бьющие в глаза плакаты с аршинными надписями: «В библиотеке есть книги для фермеров». — «Читайте книги по птицеводству». — «Приходите в библиотеку».

Дальше на платформе за столиком сидела группа маленьких детей, читающих книги, и по обе стороны свешивались плакаты: «Эти дети ходят в библиотеку — а вы?». В конце платформы находилась группа школьников с книгами и разными играми. Плакаты объясняли: «книги для чтения на каникулах». Наконец, сзади платформа увешена была диаграммами о деятельности библиотеки.

К способам наглядного оповещения о библиотеке относятся «библиотечные дни» и «библиотечные недели», которым также стараются придать интерес всевозможными способами. Библиотекам помогают в этом и другие организации. Так, библиотечная комиссия американских бойскаутов издала и разослала во многие библиотеки брошюрку с указаниями, как устроить «неделю хороших книг». В ней говорится:

«Устраивайте книжную выставку. Раздавайте списки книг. Некоторые библиотекари издают такие списки в сотрудничестве с местными книгопродавцами.

Вырабатывайте способы оповещения. Устраивайте библиотечный день или библиотечную неделю. Поместите план «недели хороших книг» в печати. В газетах — публикации, статьи, рассказы и списки книг. Большие объявления для расклейки.

Старайтесь заинтересовать женские организации. Позаботьтесь, чтобы «о детских книгах к Рождеству» были доклады в ноябрьском или декабрьском заседании. Выдвиньте докладчиков.

Прибегайте к содействию церкви^{*)}. Проповеди о значении детского чтения. Поместите «неделю хороших книг» в местном календаре.

Сотрудничайте с книгопродавцами. Выставки в окнах, специальные выставки книг, одобренных библиотекой. Плакаты. Объявления. Достаньте клише плаката «Смотри под ноги» для газетного объявления. На каникулах некоторые библиотеки, по соглашению с книжными магазинами, посылают туда опытного ассистента, чтобы помогать советами как продавцам, так и покупателям».

Плакат «Смотри под ноги», о котором упоминается в тексте, издан той же комиссией. Это рисунок, изображающий мальчика, который идет по лестнице, где каждая ступень — книга, и на корешке можно прочесть ее название. Вверху заголовок: «Неделя хороших книг», внизу подпись: «Покупайте хорошие книги для ваших детей».

---

^{*)} Это весьма характерный «американский» прием сотрудничества церкви в житейских делах.

Помогают библиотекам иногда и «клубы оповещений», которых в Америке существует великое множество. Изошрившись на торговой рекламе, они и для данной цели придумывают иногда оригинальные и новые комбинации. Для примера опишу, как библиотека в Уэко (Техас), городке с 45 тыс. жителей, устроила в 1917 г. свою «неделю» при содействии такого клуба.

Библиотека порядочно посещалась женщинами, детьми и учащимися, но взрослые мужчины пользовались ею мало, и библиотекарьша обратилась к «клубу оповещений» с просьбою помочь привлечению подписчиков мужчин в библиотеку. Чтобы обратить внимание на библиотеку, клуб решился в течение «библиотечной недели» использовать разнообразные приемы. Как введение в газетах помещены были объявления и отзывы некоторых читателей о библиотеке. Затем объявлен был конкурс — на пять долларов — для лучшего девиза, который могла бы принять библиотека. На конкурс представлено было несколько изречений. Премия присуждена была за изречение: «Привыкайте к библиотеке», и этот девиз стал печататься на всех документах библиотеки. За несколько дней до «библиотечной недели», 1 февраля, все граждане Уэко получили со своими счетами за электричество, телефон и т. п. маленькую карточку:

Привыкайте к библиотеке.

Есть ли у вас читательская карточка для Уэжской библиотеки? Денег это не стоит, а дает источник и удовольствия и пользы.

Публичная библиотека ваша так же, как и публичные школы. В публичной библиотеке вы можете продолжать свое образование и после школы. Старайтесь достигнуть большего заработка, извлекая знания из книг. Если вам нужны справки, факты, цифры или просто занимательное чтение, все это вы найдете в библиотеке.

Записывайтесь сегодня же. Никаких расходов. Никаких стеснений.

Дайте свою подпись и адрес и берите книгу. Библиотека открыта в будни с 9 ч. утра до 9 ч. вечера. В воскресенье — с 2 до 6 ч.

Карточки бесплатно напечатала одна типография, которой за то предоставлено было право указать свою фирму и адрес.

Далее объявлен был конкурс с двумя премиями за лучшие выставки книг в витринах различных магазинов в течение библиотечной недели. Книги должны были относиться к тем товарам, которые продавались в данном магазине. Надо было соединить хорошее убранство окна с содержанием книжной выставки. Многие на это откликнулись. Первую премию получил магазин фар-

фора, вторую — спортивный магазин. Сразу усилен был интерес и к книгам, и к товарам.

Следующим номером была «библиотечная пересадка». Все вагоны трамвая выдавали без доплаты передаточный билет к библиотеке с правом останки на несколько часов, так что в течение «библиотечной недели» можно было заехать за книгами по дороге со службы домой.

Все премии выдавались за счет различных клубов, которые приняли участие в необычном движении около библиотеки. Разохотились до того, что владелец самого большого в Уэко кинематографа от себя тоже предложил премию — бесплатный входной билет на месяц тому ребенку, который составит лучший список литературных произведений, инсценированных в кинематографе.

Во время библиотечной недели библиотекарша выступила с коротенькими речами — в пять, десять минут — перед рабочими и коммерческими организациями, клубами, в собраниях христианской молодежи, железнодорожных служащих и т. д. В газетах ежедневно появлялись статьи и о самой библиотеке, и о ее «неделе» и списки книг.

В результате за эту неделю записалось втрое больше подписчиков, чем в обычное время, стали спрашиваться многие книги, которые были выставлены в окнах, и участились обращения в библиотеку по телефону.

Описанная библиотечная неделя носит ярко выраженный «местный» характер. Население Уэко почти сплошь принадлежит к торговому классу, и на интересы именно этого населения библиотека направляла «план» своего воздействия для привлечения читателей.

Однако американская библиотека не ограничивается только тем, чтобы привлечь читателя: она ждет во всеоружии его прихода, чтобы наилучшим образом его удовлетворить и помочь ему использовать книжные богатства.

Ради этой основной цели библиотека стремится обзавестись собственным помещением, сделать его уютным и привлекательным и приспособить его так, чтобы пользование книгами на месте и выдача на дом производились с наибольшими удобствами для читателя и в смысле помощи со стороны библиотекаря, и в смысле быстроты.

Ради использования книг библиотека прибегает ко всем методам, которые пробуждают интерес к книге: с библиотекою часто соединен музей, библиотека имеет аудиторию для устройства лекций, курсов, собраний, концертов, в библиотеке имеются не только книги, журналы и газеты, а также рисунки, карты, ноты, диапозитивы, фильмы, даже граммофонные пластинки и валки для механического фортепиано.

Библиотека устраивает беседы о книгах и выставки книг, рисунков, рукописей и проч. имеющихся в ней источников просвещения. Такие выставки тоже притягивают внимание читателя и помогают ему знакомиться с книгой. Вот для примера перечень выставок, устроенных за один год в нью-йоркской публичной библиотеке:

1. Эволюция учебников в связи с историей образования. Старинные учебники, особенно буквари (hornbooks — буквари на дощечке с рукояткой, которою в старину педагоги «наказывали» неуспевающих учеников).

2. Портреты и рисунки, относящиеся к быту краснокожих индейцев в С. Штатах.

3. Первопечатные книги, рукописи, документы по истории Америки (в том числе такие редкости, как письмо Колумба и договоры первых переселенцев), художественные переплеты.

4. История письма и книгопечатания.

5. Французские гравюры XVII века.

6. Японские рисунки.

7. Виды и планы города Нью-Йорка.

8. Портреты «отца С. Штатов» Георга Вашингтона.

Ради пользования книг библиотека обслуживается армией специалистов-библиотекарей. Для той же цели библиотека имеет образцовые каталоги, где можно найти любую перекрестную справку: есть ли книга данного автора, есть ли такое-то произведение, есть ли книга по такому-то вопросу. И в каталог включены не только книги, но даже отдельные законченные статьи, входящие в книги или в сборники, что чрезвычайно облегчает подбор литературы по любому вопросу. Ради пользования применяется так называемый «открытый доступ» к полкам^{*)}, когда под наблюдением библиотекаря читатель может сам непосредственно доставать книги и выбирать, что ему более понравится. Это сближение читателя с книгой — прекрасный способ, чтобы научить его ориентироваться среди книг, но, конечно, к нему подходят постепенно, если приходится иметь дело с малоподготовленным читателем.

В целях использования книг библиотека воспитывает читателя с юных лет, устраивая особые детские отделения, которым посвящена следующая глава.

Ради наибольшего пользования книгами библиотека усовершенствовала внешние приемы работы, так называемую библиотечную технику, что дает возможность при наибольшей экономии времени и труда удовлетворять огромное количество читателей, не заставляя их ожидать подачи книги и теряя понапрасну драгоценное время.

---

^{*)} См. Хавкина Л.С. Руководство для небольших библиотек. 3-е изд. 1918.

С одной стороны: «все для читателя», для его удобства, для того, чтобы ему помочь в отыскании надлежащей литературы и ее использования. С другой стороны: «нет ничего бесполезнее неиспользованной книги», «смысл книги в том, чтобы ее читали».

Так подошли в Америке к осуществлению библиотечных идеалов; так к нему подходят и в других странах, когда начинают сознавать, что библиотека — большая культурно-социальная сила, которой нужно отводить должное место и должное внимание.

VIII.

Библиотека и дети

Американцы справедливо рассуждают, что читателя надо с детства воспитать, приохотить к чтению, научить пользоваться книгами и ориентироваться среди них, надо с юных лет направлять его литературные вкусы. У таких читателей связь с библиотекой никогда не порвется, и, сделавшись взрослыми, они будут читать толково и серьезно. Детская библиотека явится для них своего рода подготовительной школой. Этой точкой зрения объясняется, почему в Америке детская библиотека есть составная часть публичной библиотеки. Когда ребенок вырастет, то ему не нужно искать нового учреждения, которое снабдило бы его книгами: это будет делать та же самая библиотека, с которой он успел сродниться.

Разница выразится лишь в том, что из залы с надписью: «Детская комната» (children's room) он перейдет в другие комнаты, которые библиотекой предназначены для взрослых. Таким образом, в детях публичная библиотека уже вперед обеспечивает себе новые кадры будущих взрослых читателей.

Встречаются в Америке и самостоятельные детские библиотеки, но число их незначительно. Зато публичная библиотека без «детской комнаты» — редкое исключение.

Детская библиотека обыкновенно занимает 1—2 комнаты с отдельным ходом, а там, где бывает очень много детворы, например, в филиалах нью-йоркской публичной библиотеки — даже целый этаж. Еще дальше пошла публичная библиотека в Бруклине (предместье Нью-Йорка), выстроившая специальное здание для детской библиотеки, которая сама по себе считается ее филиалом, тогда как обычно в филиале бывает и отделение для детей, и отделение для взрослых.

Детская комната состоит из читальни и абонементов. В маленьких, менее обеспеченных средствах библиотеках то и другое поневоле ютится в одной комнате, но где только позволяет помещение, читальня и абонементы разделяются.

Во всех детских читальнях вы встретите низенькие столы и стулья, большей частью из светлого дуба — одни, ростом поменьше, для младших детей, другие, несколько выше, — для детей постарше. Вдоль стен, а часто перпендикулярно к ним и даже посреди комнаты, стоят шкафы в три-четыре полки. Шкафы — открытые, только один из них снабжается стеклянными дверцами, и там хранятся дорогие иллюстрированные книги. В Америке есть ряд отлично изданных, так называемых «5-долларовых» книг; эти и подобные им издания держатся под ключом, а когда на них поступает требование, то выдает их библиотекарь. Все же остальные книги читатели могут сами доставать с полок.

При наличии совершенно одинаковых шкафов для книг и шкафчиков для карточного каталога, столов, стульев и прилавков, американские детские читальни-библиотеки, однако, чрезвычайно разнообразны по виду и не носят шаблонного характера. Это достигается искусной комбинацией мебели и украшением комнат.

В детской библиотеке, как и в современной школе, американцы много забот уделают красивой внешности. Этим имеется в виду, с одной стороны, создать уютное, привлекательное помещение, куда дети охотнее будут приходить, а с другой — содействовать эстетическому развитию ребенка. Живые растения, цветы в вазах, картины и барельефы на стенах, портреты знаменитых людей, флаги — все это придает детской библиотеке красоту и уют. Кое-где еще присоединяется камин, у которого так хорошо читается под таинственное потрескивание пылающих дров... Камин в библиотеке! Меня, признаться, удивляло, что его не боятся в пожарном отношении, но библиотекари уверяли меня, что в американских библиотеках никогда не было случаев пожара от камина.

Украшает комнату также весьма простое и дешевое приспособление: доска, обтянутая зеленоватой или сероватой материей, вроде нашей кустарной рогожки. На этой доске кнопками прищипливаются библиотечные объявления, обращения к юным читателям, небольшие картинки, иллюстрации к злободневным событиям и т. п.

Если библиотека не может приобрести больших картин, чтобы украсить ими стены (иногда в Америке такие картины присылаются в виде рекламы книгоиздательствами), то библиотекари сами мастерят украшения, имеющие для библиотеки немалое значение. Пользуясь старыми иллюстрированными журналами, открытками, истрепанными книгами, в которых уцелели иллюстрации, приложениями к газетам, иллюстрированными каталогами, объявлениями, афишами и т. п. материалом, который всегда можно достать даром или за бесценок, они подбирают рисунки, вырезают их и в тех или иных комбинациях наклеивают на картон. Несколько иллюстраций на какую-нибудь тему,

наклеенных на общий лист картона, производят отличное впечатление. Вот, например, соединены рисунки: маяк на острове, корабль, плывущий по волнам, буря, кораблекрушение, китоловы, рыбаки, закидывающие невод и т. п. Дети охотно их разглядывают. Если к этим рисункам присоединяется перечень книг о путешествиях на море и о жизни рыбаков, то выходит уже не-большой наглядный каталог-плакат, или, как его называют в Америке, «бюллетень».

Иногда такие «бюллетени» составляют применительно к какому-нибудь писателю. Я видела в одной библиотеке бюллетень, посвященный Кипплингу: портрет автора, слон (Моти-Гедж), волк (Маугли) и названия трех сочинений. Всех сочинений автора не перечисляют: нужно только заинтересовать читателя, а если он заинтересуется, то потом разыщет и другие сочинения. В другой библиотеке аналогичный бюллетень был для Диккенса.

Выставки книг в детских читальнях устраиваются очень часто, и вообще наглядности придается большое значение. В сущности там постоянная выставка: вот шкаф, где книги-картинки для маленьких детей; затем — легкие книги с короткими рассказами, напечатанные крупным шрифтом; еще дальше — сказки. Остальные книги стоят по отделам, и на каждом шкафу надпись: «биография», «путешествия», «повести и рассказы» и т. д. Согласно принятой в американских библиотеках системе классификации и нумерации, самый номер книги показывает, к какому отделу она принадлежит. В каждом отделе строго проведен алфавитный порядок. Таким образом, книги расположены на полках, как систематический каталог.

Нужно сказать, что в Америке составляют очень подробные каталоги, но не столько для читателя, сколько для библиотекаря, который ими пользуется для всяких справок. Читатели прибегают к каталогу не особенно много. Американцы на этом не настаивают, стараясь поставить читателя лицом к лицу с книгой, без всякого средостения. Он выбирает книгу непосредственно на полках, где находит «каталог в натуре». Кроме того, время от времени еще устраиваются выставки книг, выбранных из состава библиотеки, на известную тему или по известному поводу, например, «Американская история и география», «Великие путешествия», «Промыслы и производства в Америке», «Героизм», «Книги для чтения на каникулах» и т. п. Такого же рода выставки книг приурочиваются к национальным праздникам. В нынешнем году, например, по случаю исполнившегося столетия американского флага, были выставки книг о происхождении флага, его истории и значении.

Если читатели не слишком часто прибегают к каталогам, зато очень пользуются рекомендательными списками. Перечень книг какой-нибудь из упомянутых выставок (причем каждая книга снабжена маленькой характеристикой),

вот уже и рекомендательный список на определенную тему. Эти списки печатаются библиотекой, и читатели получают их бесплатно. Есть и другого рода списки: «книги, охотно читаемые девочками», «книги для младших братьев и сестер», «книги для мальчиков и девочек», «книги об Америке», «как и что самому сделать» и мн. др. таких списков великое множество, и библиотеки меняются ими между собою.

Посещаемость детских читален-библиотек чрезвычайно велика, особенно в зимние месяцы. Несмотря на обширные размеры читален, все столы бывают заняты. Надо поражаться, какие огромные помещения отведены для детских читален в Питтсбурге, Бёффало, Кливленде, Нью-Йорке. Однако, в известные часы дня, именно когда школьники после занятий приходят в библиотеку, читальня не может вместить всех желающих, на улице около четырех часов дня выстраивается «хвост» в ожидании очереди, чтобы попасть в читальню.

Трудно себе представить, как пестра толпа ребятишек, наполняющих американскую читальню. Тут и негры с курчавыми волосами и толстыми губами, и черноглазые итальянцы, и белокурые шведы, и поляки, и евреи, словом, представители всей той массы народностей, которые волною эмиграции принесены в Новый Свет и амальгамируются с населением Соединенных Штатов. За одним столом вы можете увидеть мальчика в бархатном костюмчике с дорогим гипюровым воротником, в сопровождении гувернантки, а за другим — группу детей в скромных ситцевых платьях, синих блузах и худых башмаках.

Вот семилетняя девочка с трехлетней сестрой, которую не на кого оставить дома и надо взять с собою в библиотеку, а чтобы она сидела смирно и другим не мешала, ей дают смотреть картинки; а вот мальчик лет тринадцати с вдумчивым серьезным лицом, весь погрузившийся в книгу с моделями аэропланов. Снабдить надлежащим чтением, удовлетворить эту огромную толпу детей «всех племен, наречий, состояний» — задача американского библиотекаря, задача не из легких. Нужно, чтобы каждый читатель нашел свою книгу и каждая книга — своего читателя, нужно известным образом руководить чтением и в то же время оставлять простор для индивидуальности ребенка.

Есть дети, преимущественно из зажиточной интеллигенции, которых приводят в читальню родители или воспитательницы, усаживают за столик и суют им в руки книжку по своему выбору. В таких случаях библиотекари не вмешиваются и родительского авторитета не оспаривают. Но остальная масса, т. е. подавляющее большинство юных читателей, — на их попечении.

Первое основное руководство — это тщательный подбор книжного состава библиотеки. От детских библиотечарей требуется основательное зна-

ние детских книг, а, кроме того, для комплектования существуют прекрасные пособия. Следующий шаг — это систематическое распределение книг, выставки, рекомендательные списки, бюллетени и отчасти карточный каталог. Потом выступает непосредственная помощь библиотекаря. Конечно, персонал бывает достаточным по численности, в соответствии с посещаемостью читальни, и каждый ребенок, входящий в читальню, тотчас же привлечет внимание библиотекаря. Если ребенок маленький или неопытный, то с ним сначала побеседуют, чтобы немного выяснить его духовную физиономию, затем поведут к шкафу, где находятся подходящие для него книги, и дадут на выбор две-три книги.

Принцип такой, чтобы никогда не навязывать ту или иную определенную книгу, а дать ребенку возможность сложить собственное суждение. Помогут маленькому читателю раз, другой, а потом он понемногу приучится сам находить свой шкаф и выбирать себе оттуда книги. Разумеется, мальши нарушают порядок книг в шкафу и еще не умеют соблюдать общего правила, чтобы вынутую книгу не ставить на место, а класть на столик. Но библиотекари с удивительным терпением сто раз на день устанавливают книги на место, не считая такой труд потерянным, так как «развитие независимой личности» в ребенке у американцев ценится очень высоко.

Для детей постарше помощь библиотекаря заключается в том, чтобы давать им ответы на разнообразные вопросы, возникающие у них в связи с чтением, и указания, где найти книгу на интересующую их тему.

Меня поражало, что не только в городских, но даже в сельских детских читальнях (как я видела, например, в Вестфильде и в Фредонии) ребята обращаются к библиотекарям не с беспомощной просьбой дать какую-нибудь «занятную» или «хорошую» книжку, как часто бывает у нас, а с определенными вопросами: «где мне искать книги о Линкольне», «где стоят книги о слонах», «в каком шкафу повести Олькот», «к какому отделу относится книга Мэби Водяные малютки» и т. д.

Объяснение такому явлению я нашла в том, что американские дети среднего и старшего возраста вполне дают себе отчет в том, что они хотят прочесть. Помогает этому школа и сотрудничество школы с библиотекой; помогают общие наводящие приемы, как те же выставки, бюллетени, рисунки и рекомендательные списки; помогают «часы рассказа», организуемые библиотекой (о которых речь будет дальше), и клубы юных читателей при библиотеке.

Таким образом, руководство не ведется по каким-либо рецептам, и личность библиотекаря не доминирует над вкусами детей. Руководство

ограничивается основными контурами, а детали предоставляются индивидуальному выбору ребенка.

Нельзя обойти молчанием, что американские библиотеки принимают во внимание, в какой удручающей обстановке живут многие читатели, и потому стараются создать для них гигиенические условия и удобства, которых они не имеют дома.

В новейших помещениях стали делать читальни на открытом воздухе, которыми пользуются в летнее время. Для этого служат террасы, балконы, дворики, как, например, в Бостоне. Устраиваются также читальни на крышах, пока, впрочем, очень немногочисленные. Они имеются лишь в Нью-Йорке в шести филиалах и проектируются в Филадельфии.

Собственно удивительно, почему для читален пока так мало использованы крыши; между тем на крышах нередко устраиваются летние рекреационные площадки, а в Чикаго на крышах помещаются многие народные школы, и с тех пор, как это введено, значительно улучшилось здоровье учащихся детей. Следует еще отметить, что дети в своей домашней обстановке иногда не имеют возможности готовить заданные уроки, а некоторые детские читальни пошли им навстречу, предоставляя для этой цели свои помещения.

Читальня имеет свой комплект книг, обособленный от абонементов. Во избежание формальностей и задержки, в читальне никаких записей не ведется. Все ограничивается наблюдением дежурных библиотекарей за детьми.

Другое дело — абонемент. Ни платы за чтение, ни залогов библиотека не взимает, но от подписчика требуются две вещи: 1) он должен расписаться в особой книге, что обязуется исполнять правила библиотеки и бережно обращаться с книгами и 2) он должен представить поручительство.

Весьма характерно для Америки, что с маленькими гражданами обращаются, как с взрослыми, и подпись они должны давать самолично. Предварительно в беседе библиотекари поясняют им, что подпись — это обязательство, и спрашивают, понимают ли они, что значит бережно обращаться с книгами. Ответы подчас получаются очень курьезные. Дети объясняют, например, что бережно обращаться значит «не давать грудным ребятишкам играть с книгами» или «не класть книг в ящик со льдом»^{*)}.

Поручителями за детей могут быть их родители. Ребенку дается карточка с текстом поручительства, а когда он ее принесет с подписью отца или ма-

---

^{*)} В Америке лед — необходимая принадлежность обихода даже самой бедной семьи, и там, где нет другого вместилища, покупаемое на день количество льда держат в простом ящике. Примечание автора.

тери, то его принимают в число абонентов. На карточке должен быть указан адрес домашний и адрес службы отца или матери. Это — известная гарантия, чтобы разыскать подписчика на случай перемены квартиры.

Разыскать его бывает нужно в случае задержки книг, чтобы послать напоминание. К слову сказать, в одной библиотеке — кажется, в Спрингфильде, — я видела напоминания, посылаемые не родителям, как это делается большинством библиотек, а самим детям, и воззвание к ним оказалось чрезвычайно успешным.

В абонементе — такие же шкафы с книгами, как и в читальне. Во всех абонементах введен так называемый «открытый доступ» (open access). Шкафы отгорожены барьером, к которому посередине примыкает прилавок библиотечарей. Подписчик, входя, сдает книги библиотечарю, и тогда его впускают через дверцу в барьере в ту часть комнаты, где стоят шкафы.

Oриентироваться здесь так же легко, как и в читальне, и около шкафов так же дежурят библиотечари, которые всегда готовы помочь всяким советом и указанием.

Подписчик просматривает книги, которые его интересуют, останавливает свой выбор на какой-нибудь из них и, проходя к прилавку, дает ее записать. Тогда его пропускают выйти через другую дверь в барьере.

Прилавок обычно устроен «покоем», и вход — справа от прилавка, а выход слева. Если много подписчиков прошло к шкафам, то дежурные приостанавливают пропуск, пока те не выйдут.

«Открытый доступ» в абонементе преследует ту же цель, как открытые полки в читальне, — дать возможность свободного выбора непосредственно по книгам. Открытый доступ, однако, не значит бесконтрольный, как видно из сделанного выше описания. Открытый доступ не только улучшает, но и ускоряет процедуру выдачи, так как при нем отпадает подыскивание книг по требовательным листкам, отнимающее много времени.

Меня интересовал вопрос, не бывает ли, что при самостоятельном выборе дети берут себе книги не по возрасту. Опытные библиотечари говорили мне, что, по их наблюдениям, дети сами не стремятся брать книги, которые для них трудны. Это скорее делают честолюбивые родители, которым кажется, что их ребенок развитее других сверстников и может читать книги более трудные.

Если случается, что ребенок выбрал книгу не по плечу, то библиотечарь говорит: «сядь и попробуй почитать ее здесь». (В промежутках между шкафами абонемена есть столики и стулья). Убедившись, что книга трудна, ребенок обыкновенно отказывается от нее. По словам американских библио-

текарей, такой способ действеннее, чем прямой запрет. Вообще же библиотекарь проверяет, какие книги выбраны детьми, и это является коррективом.

Мне говорили также, что при «открытом доступе», когда ребенок имеет возможность пролистать книгу, неудачный выбор книги — явление гораздо более редкое, чем при исключительном пользовании каталогами. Само по себе заглавие не представляет достаточной характеристики; и, наконец, если книги даже расположены по возрастам, то дети сплошь да рядом выбирают их не из той возрастной группы, к которой принадлежат. К тому же группировка по возрастам еще не служит достаточным мерилом, так как дети одинакового возраста могут сильно различаться по развитию, не говоря уже о склонностях и способностях.

В Америке существуют многочисленные «постепенные» списки (graded lists) детских книг, приуроченных к отделениям (классам) школы; но они предназначаются для руководителей детским чтением, а не для самих детей.

Детские библиотеки стараются приучить детей к бережливому пользованию книгами. Библиотекари следят за тем, чтобы у детей руки были чистые. Маленьким читателям в беседах объясняют, для чего и как надо беречь книги. Вообще библиотекари стараются больше всего влиять на детей живым словом.

В одной библиотеке результат таких бесед сказался в том, что дети по собственной инициативе (библиотека этого не требовала) стали в дождливую погоду заворачивать в бумагу книги, которые берут из абонементов.

Правила обращения с книгами также формулируются в доступной детям форме и печатаются на картонной закладке, которая выдается каждому новому подписчику^{*)}.

Развитие «детских комнат» в публичных библиотеках С. Штатов пошло такими быстрыми шагами, что в настоящее время от 25–35% деятельности любой библиотеки падает на детское отделение. Напр., в нью-йоркской публичной библиотеке с ее филиалами (самой обширной в Америке) в «детских комнатах» имеется 210 000 томов книг. За 1912 год во всех ее читальнях детьми сделано 1 229 000 посещений, а из всех абонементов детьми взято 2 900 000 томов, что составляет более трети всех выданных за означенный год книг.

Огромной популярностью в детских библиотеках пользуется так называемый «час рассказа». В Америке рассказыванию придается огромное психологическое и педагогическое значение. На него смотрят, как на возрождение

---

^{*)} Текст закладки для книги, пользующийся в американских детских библиотеках наибольшим распространением, напечатан в моей книге: «Руководство для небольших библиотек», 3-е изд. М. 1918.

старого, позабытого искусства, которое в течение веков было выразителем и хранителем духовных ценностей народа *)).

И этот метод творческого рассказывания, над усовершенствованием которого в Америке много потрудились за последние годы, получил широкое применение в школах, на детских площадках и особенно в детских библиотеках. Исходя из биогенетического принципа, что развитие ребенка как индивида, следует тем же законам, как развитие коллектива (расы, народа, племени), рассказывание стремится содействовать развитию ребенка, обогащению его духовной личности путем ознакомления его с произведениями народного творчества в том приблизительно порядке, как они возникли.

В применении к детской библиотеке рассказывание имеет особенно важное значение: оно не только направляет чтение в определенное русло, не только содействует знакомству с произведениями художественного творчества и с величайшими человеческими идеалами, но также возбуждает у юных читателей интерес, сближает их с библиотекарями и вызывает на беседы, где выявляются их индивидуальные черты.

Бостонская библиотека в своем отчете за 1913–14 гг. так определяет значение рассказывания:

«Час рассказа в живой увлекательной форме открывает детям все, что есть лучшего в литературе. Воображение ребенка пробуждается, и он научается ценить то, что иначе осталось бы для него запечатанной книгой... Нужно видеть, с каким жадным вниманием дети ловят каждое слово рассказчицы, как у них сверкают глазенки и непрерывно меняется выражение лица, как глубоко они переводят дух, — чтобы в достаточной мере оценить, насколько важен этот метод для ознакомления детей с великим миром книг». Упоминается также, что в данной библиотеке «час рассказа помог дисциплинировать мальчиков, которые довольно шумно держали себя в детской комнате, а теперь стали неузнаваемы».

Дети необычайно охотно ходят слушать час рассказа, и, чтобы несколько ограничить наплыв в одну аудиторию, иногда приходится раздавать билеты для входа.

Детская библиотека обычно устраивает «час рассказа» раз в неделю для группы от 30 до 100 человек. Чем меньше и однороднее группа детей, тем

---

*) Обстоятельное знакомство с этим вопросом дает книга Э. Н. и Дж. Э. Партридж «Как и что рассказывать детям в школе и дома» (американский метод творческого рассказывания). Пер. с англ. с 8 рис., 3-е изд. Т-ва «Мир». М. 1918. Ц. 4 р. 20 к. См. также мою статью «Рассказывание, как педагогический метод». В. Воспит. 1914, февраль.

лучше воспринимается рассказ. Некоторые библиотеки время от времени организуют рассказывание на иностранных языках для детей иммигрантов, которые еще не вполне освоились с английским языком.

Для развития рассказывания особенно много сделала Питтсбургская публичная библиотека. Она выработала методы рассказывания и издала целый ряд пособий, из которых отмечу: «Списки для рассказывания детям до 12 лет», «Списки для рассказывания старшим детям» с подробными библиографическими указаниями. По ее примеру такой группировки придерживаются и другие библиотеки.

Младшим детям рассказывают преимущественно народные сказки и легенды, а также рассказы из реального быта. Для старших ведутся цикловые рассказы на сюжеты великих эпических поэм.

Обычно после рассказа появляется усиленный спрос на книги, в которых можно прочесть то, что сейчас рассказывалось. И уже заранее приготавлиются на столе сборники сказок, входящих в программу дня, так как их потом будут разбирать нарасхват.

В бостонской библиотеке мне говорили, что в «детской комнате» недавно наблюдался следующий факт: мальчик лет тринадцати спросил себе энциклопедический словарь, который ему принесли из находящегося в том же этаже общего читального зала. Он долго рылся в нем и что-то выписывал на бумажку, а возвращая словарь библиотекарше, сказал: «Я думал, что это выдумки про Агамемнона и Ахилла, и Гектора, а они тут все есть». Оказывается, что он — посетитель цикла рассказов из Илиады и по словарю проверял имена героев, о которых говорилось накануне.

Рассказывание требует умения, навыка и подготовки, поэтому «часть рассказа» ведут лица из библиотечного персонала, в этом специализировавшиеся. Они же ведут рассказы в многочисленных детских клубах при библиотеках.

Библиотека поощряет организацию клубов и считает полезным приучать детей к коллегиальному управлению. Клубы устраиваются порознь для мальчиков и девочек, так как их литературные вкусы обычно не совпадают. Основная цель клуба при библиотеке — совместное чтение по тому или иному вопросу. Есть клубы, посвященные драме, американской истории, рассказам о краснокожих индейцах и т. д. Дети, члены клуба, выбирают из своей среды комитет, который ведает составлением программы для заседаний. В программу входят, кроме чтения, дебаты по поводу одного-двух злободневных событий, декламация и рассказывание.

Детские отделения приобретают ряд читателей от сотрудничества публичных библиотек со школами. Сотрудничество это двоякое. Во-первых, школами периодически устраиваются посещения библиотеки. Мне довелось

видеть, как в один из филиалов нью-йоркской публичной библиотеки привели детишек из народного детского сада. Их усадили за самые маленькие столы, перед каждым положили книжку с картинками, и учительницы вместе с библиотечаршами стали показывать им, как надо переворачивать страницы.

Детей постарше учат, как пользоваться справочными изданиями — словарями, альманахами, энциклопедиями, как отыскивать книги в каталогах и на полках. Есть даже своего рода «библиотечные игры» (найти книгу на такую-то тему или такого-то автора и т. п.), приучающие детей к библиотечным порядкам.

Во-вторых, библиотека снабжает школы книгами. Этой работой уже заведует не детское отделение, а самостоятельный отдел библиотеки, так как это — дело большое и сложное.

В школы, заявившие о своем желании пользоваться книгами библиотек, отправляется для каждого класса комплект, выбранный по указанию учительницы, если она пожелает, а если нет — то по выбору специалистов-библиотекарей.

Летом на каникулах кипит работа по заготовлению таких комплектов. Каждый из них снабжен соответственной описью и завернут в бумагу, на которой обозначен адрес. Комната библиотекаря, где сложены эти тючки, напоминает магазин, а в соседнем помещении между шкафами снуют барышни со списками в руках и подбирают новые и новые комплекты.

Комплекты рассылаются в особых фургонах по школам на срок не менее трех месяцев и не более учебного года. Возвращенный комплект может быть обменян на другой. Питая школьные библиотеки, публичная библиотека может давать им обширный и разнообразный состав книг, так как каждым комплектом поочередно обслуживаются несколько школ.

Публичная библиотека в С. Луи издала в 1917 г. маленький проспект под заглавием «Библиотека и школа», в котором очень выпукло сформулированы задачи и формы кооперации между этими двумя категориями просветительных учреждений. Сначала изложены общие задачи:

Знакомить детей с хорошими и полезными книгами.

Научить разумно пользоваться этими книгами.

Пробудить охоту к чтению и научным занятиям.

Развить социальные инстинкты.

Воспитать умение держать себя в публичных местах.

Содействовать гражданскому просвещению.

Далее указывается «как учителя и библиотекари работают совместно». Это сделано в виде двух параллельных столбцов.

Что делает учитель.

Если есть публичная библиотека вблизи от школы:

Рекомендует детям записываться в библиотеку. Приглашает библиотекаря в школу.

Указывает темы, на которые класс должен собрать материал в библиотеке.

Заранее извещает библиотекаря, какие темы назначены классу для работы в библиотеке.

Учит школьников бережному обращению с книгами и благопристойному поведению в библиотеке.

Если вблизи от школы нет библиотеки:

Заказывает в публичной библиотеке передвижную классную библиотеку и рекомендует детям брать из нее книги на дом.

Советует детям время от времени посещать центральную библиотеку или одно из ближайших филиальных отделений.

Наши учителя работают в полном согласии с точкой зрения библиотеки и часто совещаются с библиотекарями по вопросам, имеющим общий интерес для тех и для других.

Что делает библиотекарь.

Посещает школы, чтобы лучше выяснить потребности каждого класса.

Подбирает для занятий целого класса книги на любую научную тему, которая заранее сообщается учителем.

Учит класс, как пользоваться справочными изданиями, как пользоваться каталогом, показывает, как расставлены книги на полках. Просьбы о таких объяснениях школьникам должны быть заявлены учителями по возможности заблаговременно перед началом учебного года.

По просьбе учителя составляет списки книг общего характера или на отдельные темы.

По мере надобности ведет в школах часы рассказа и беседы о книгах.

Раз в неделю проводит в библиотеке цикловой рассказ, чтобы приохотить старших детей к чтению целых отделов литературы.

Приглашает учителей посещать библиотеку и высказывать свои пожелания и соображения.

Стремится вникнуть в задания школы и оказать всяческое практическое содействие.

Сотрудничает со школой также через посредство материнских клубов и просветительных обществ.

Какие результаты дает кооперация библиотеки со школой, можно видеть в любом американском городе. Возьму для примера Бёффало (Buffalo). В 1897 г. там было 71 380 детей школьного возраста, а общая ассигновка на школьные библиотеки из городских сумм составляли лишь 2 504 долл., т. е. по 3 цента (т. е. по прежнему курсу 6 коп.) в год на каждого школьника. При дороговизне книг в Америке на эти деньги нельзя было создать ничего сколько-нибудь сносного.

С 1898 г. местная публичная библиотека взяла в свои руки снабжение школ комплектами книг. Она начала с 10 школ с 163 классами. Всего имелось для рассылки по школам 6 407 томов, а послано было 27 469 томов, т. е. книги обернулись шесть раз. С каждым годом эти цифры возрастали, и в 1911 г. библиотека снабжала книгами уже 44 школы с 861 классом, имела для школьных библиотечек 37 675 томов и разослала 440 211 томов.

Интересен текст обращения этой библиотеки к учащимся, оканчивающим начальные школы:

«С тех пор, как вы стали ходить в школу, вы имели книги для чтения, которые доставлялись школе из публичной библиотеки.

Расставаясь с школой и ее запасом книг, вы, однако, не должны лишаться хорошего чтения. Если вы будете продолжать дальше учение, то вам в помощь к занятиям нужны будут книги. Если нет, то книги еще скорее вам понадобятся, чтобы пополнять недостающие знания.

Образование со школой не оканчивается, оно длится всю жизнь, и лучшим источником для него служат книги.

Публичная библиотека бесплатна. Библиотекари к вашим услугам для всяких указаний. Записывайтесь же и читайте».

Таким образом, библиотека старается сохранить своих читателей-школьников. Многие из них пользуются библиотекой и непосредственно в ее «детских комнатах», но все же каждый раз перед каникулами библиотека оповещает школы, напоминает о том, что существуют «детские комнаты», где учащиеся могут найти для себя интересные и полезные книги.

Отдел школьных библиотек занимает целый этаж в здании центральной библиотеки в Бёффало. При нем устроена «комната для учителей», где хранится по одному экземпляру всех школьных комплектов. Педагоги во всякое время могут приходить и просматривать книги, а также выбирать рисунки, наклеенные на картон.

Публичная библиотека рассылает также детские книги в виде «домашних» библиотечек, т. е. небольшого комплекта книг, который ставится в доме какого-нибудь читателя, а он может на свою ответственность раздавать книги

соседям и обязуется лишь собрать их и своевременно возвратить в библиотеку.

Посетителями «детских комнат» являются не только дети, но и взрослые. Общественные деятели приходят, чтобы ознакомиться с организацией детской библиотеки как просветительного учреждения; родители, воспитатели и педагоги изучают здесь детскую литературу, издатели детских книг и иллюстраторы черпают здесь ценный материал для своей специальности.

В двух крупнейших детских библиотеках — в Питтсбурге и в Нью-Йорке — имеются интереснейшие коллекции по истории детской книги. В них очень обширна также выставка иллюстрированных детских книг на иностранных языках. Наибольшей полнотой отличаются собрания французских и немецких книг, за ними следуют шведские и норвежские. Из русских — во многих детских комнатах вы встретите сказки с иллюстрациями Билибина. Они всегда стоят на полке в развернутом виде, чтобы видны были рисунки. Билибин очень популярен. Чтобы пользоваться его иллюстрациями, в нью-йоркскую библиотеку часто приходят художники, а также... портнихи, которые комбинуют его заставки и орнаменты для стильных отделок.

Перед Рождеством во многих детских библиотеках устраивается выставка книг для подарков, а весной — выставка книг для летнего чтения. Это прекрасное подспорье для родителей и воспитателей, потому что книги подобраны очень тщательно, и критерием для выбора служат не только теоретические обоснования, но и проверка, насколько книга нравится детям, произведенная в большой лаборатории, какою является детская библиотека.

Конечно, для такого сложного дела, как детская библиотека, нужны компетентные руководители. В Америке вообще от библиотекаря требуется профессиональная подготовка, которую дают библиотечные школы и библиотечные курсы. Организация «детских комнат» и работа с детьми, а также ознакомление с детской литературой входит в программу всех библиотечных школ. Но существует также специальная школа для детских библиотекарей при Питтсбургской Публичной библиотеке имени Карнеги.

IX.

Библиотека — социальная сила

Упомянутая выше Питтсбургская Публичная Библиотека может служить типичным образом современной американской библиотеки, и потому я несколько остановлюсь на ее описании. Было чрезвычайно интересно и в то же время чрезвычайно трудно создать библиотечную сеть в Питтсбурге. Этот «железный город» постоянно притягивает к себе волны переселенцев, и на-

селение на две трети состоит из «уроженцев чужих стран», «детей уроженцев чужих стран» и негров. Согласно переписи 1900 г., в Питтсбурге было 90 тыс. механиков и квалифицированных рабочих, 34 000 торговцев и служащих и 6 тыс. лиц свободных профессий. Число неграмотных в том же году составляло 6,3%.

Библиотека была основана в 1895 г. по замыслу и на средства миллиардера Карнеги, который начал в Питтсбурге свою карьеру как рабочий сталелитейного завода. В своей автобиографии Карнеги с благодарностью вспоминает то время, когда ему и другим молодым рабочим каждую субботу раздавал книги из своей личной библиотеки в четыреста томов некий полковник Андерсон. «Только тот, кто сам это испытал», — говорит Карнеги, — «может понять, с каким нетерпением мы ожидали субботы, чтобы получить новую книгу... И тогда, черпая из его сокровищницы знания, я дал себе слово, что если когда-нибудь разбогатею, то буду устраивать публичные библиотеки, чтобы в свою очередь дать беднякам те блага, которыми мы были обязаны этому благородному человеку». Как уже говорилось выше, он это слово сдержал.

В частности для Питтсбурга Карнеги пожертвовал 6 млн долл. на постройку зданий для Центральной библиотеки и филиальных отделений. Средства на содержание библиотеки дает население Питтсбурга путем библиотечного налога (о библиотечном налоге см. в главе X); кроме того, библиотека получает от города ежегодную субсидию.

Топография города, построенного на холмах и оврагах, затрудняла работу библиотечной сети. Одна часть города от другой нередко отделяется скалистой пропастью. В таких городах, как Чикаго или Кливленд, расположенных на равнине, один центр книгоснабжения может обслуживать радиус в полмили, а в Питтсбурге из-за круч и обрывов приходилось иногда устраивать на малом пространстве два–три центра. Учитывая все эти особенности, правление библиотеки вместе с компетентным библиотекарем приступило к устройству такой библиотечной сети, которая не ограничивалась бы стенами библиотечного здания, а проникала бы в недра населения и особенно в рабочую среду.

В настоящее время Питтсбургская библиотека снабжает книгами жителей своего города через посредство Центральной, очень крупной библиотеки, 7 филиальных отделений и 227 выдачных пунктов. Центральная библиотека находится в огромном прекрасном здании. Половина его отведена под музей изящных искусств и обширный концертный зал, где раз в неделю устраиваются бесплатные концерты при участии лучших музыкальных сил Америки и Европы. Эти учреждения обеспечены собственным капиталом, также полученным в дар от Карнеги, и не связаны непосредственно с библиотекой. Од-

нако, такое соседство благоприятно для библиотеки, потому что помогает установить естественную связь между художественным воспитанием и книгой.

Для непосредственной работы с публикой Центральная библиотека имеет четыре «департамента»: читальный зал, зал технологии, абонемент для взрослых и детское отделение.

Читальный зал, в котором имеется около 100 газет на различных языках и около 900 общих и специальных журналов, примечателен еще своей библиографической работой для помощи читателю. В Питтсбурге имеется 25 клубов самообразования, в которых за год проводится не менее 750 рефератов и лекций. В начале осени каждый клуб издает брошюрку, в которой помещены темы всех намеченных на данный год рефератов. Библиотека не ожидает даже, чтобы к ней обратились за помощью, а сама принимается подбирать литературу для подготовки ко всем рефератам. Читальный зал вверен руководству очень опытного лица, мисс Виллард, и у нее четыре помощницы с высшим образованием, как и она сама, и с хорошей библиографической и библиотечной подготовкой.

Когда источники для реферата — книги и журнальные статьи — подобраны и выписаны на особые карточки, библиотека извещает референта или лектора, что литература для него готова, и ему остается только предупредить по телефону, в какой день и час он придет, чтобы книги и журналы были приготовлены для него на столе. Надо отметить, что подобной предупредительностью к читателю, занимающемуся научной работой, отличаются все американские публичные библиотеки. Мне пришлось видеть в начале войны, как в бостонской публичной библиотеке заботились о журналистах. Для них отведена была особая комната с именными столами. Ежедневно заготавливалась всякая литература, имеющая отношение к событиям, возвещенным телеграммами. Так, телеграф принес известие о событиях в Бельгии и о смерти римского папы, и уже библиотекою подобрано было все, что имелось о Бельгии и о Ватикане. Кроме того, на столах ожидали сотрудников газет источники для тех тем, связанных с переживавшимся моментом, о которых они должны были писать статьи.

В Питтсбурге библиография отдельных тем, подобранная для рефератов и лекций, так впоследствии и хранится в особых выдвижных ящиках для карточек. Карточки, относящиеся к одной теме, перевязываются резинкой, и эти пачки классифицируются. Собранный за ряд лет библиографический материал занимает уже два громадных шкафа с выдвижными ящиками. Таким образом, работа Питтсбургской библиотеки может быть использована не только в

данный раз, а и в будущем, когда та же тема будет повторяться в том ли городе или в другом. Ее лишь дополняют новыми материалами.

Залом технологии очень усиленно пользуются самые разнообразные лица, начиная от специалистов-инженеров и кончая самоучками, которые стремятся к самообразованию. Питтсбургская библиотека в одном из своих отчетов отмечает такой случай: на посудной фабрике служил рабочий, имевший склонность к механике; он ходатайствовал о том, чтобы его перевели в машинное отделение, но получил отказ в виду его «неподготовленности». Тогда он записался в библиотеку и начал вести курс систематического чтения по механике под руководством библиотекаря, заведующего залом технологии. Через три месяца он выдержал экзамен на техника и, переменив специальность, стал не только работать в той отрасли, которая его особенно интересовала, но и зарабатывать вдвое больше.

Нужно отметить, что выделение технической литературы в особый зал с хорошо осведомленным в этой литературе специалистом — явление очень распространенное в американских библиотеках, где стремятся помочь не только общему, но и профессиональному самообразованию. В Бруклине в библиотеке института Притта, доступной для широкой публики, в зале технологии имеются даже разнообразные приборы, на которых можно производить практические работы.

Наиболее трудной из задач, которые поставила себе Питтсбургская библиотека, было достигнуть широкого влияния на рабочие массы и на переселенцев-иностранцев. Прежде всего она озаботилась тем, чтобы дать книгу в руки взрослым людям всех классов. Не забыты были, между прочим, и слепые читатели. Библиотека имеет книги выпуклого шрифта и, в дополнение к собственной коллекции, берет еще такие книги из Филадельфийской библиотеки. На средства библиотеки содержится учительница, сама слепая, которая ходит по домам, где есть слепые, и учит их читать. В бедных семьях она также учит слепых несложным ремеслам — плести корзины, вязать и т. п. Книги для слепых имеются во всех более или менее крупных американских публичных библиотеках. Даже государственная библиотека — Библиотека Конгресса — имеет особый зал для слепых.

Книги выдаются на дом из центральной библиотеки и семи филиальных отделений, и для приближения книги к читателю везде организован открытый доступ к полкам, кроме того, книги можно получать в ряде «выдачных пунктов». Эти пункты устроены в самых разнообразных местах, там, где есть скопление людей и, особенно, людей занятых, которым может быть затруднительно пойти в библиотеку: в больших магазинах книги выдаются служащим магазинов, на фабриках — рабочим, в различных учреждениях — тем, кто

связан с этими учреждениями. Такова, напр., работа по выдаче книг в кружках христианской молодежи, в клубах, на летних площадках, в тюрьмах и т. д.

Как филиальные отделения, так и выдачные пункты очень отличаются между собою в зависимости от местных особенностей. Социальные условия, к которым должно применяться то или иное отделение библиотеки, тщательно изучаются, чтобы выяснить, кого и как в той или иной части города должна обслуживать библиотека. Это видно из следующей характеристики трех филиальных отделений Питтсбургской библиотеки^{*)}.

Филиальное отделение А.

Национальности:

Американцы, ирландцы, немцы, поляки, итальянцы, кроаты и словаки.

Социальное положение читателей:

Рабочие, живущие в густонаселенных кварталах, торговцы, различные служащие из всех отделов сталелитейных заводов, начиная от поденщика и кончая инженером-механиком. Отделение библиотеки также сильно посещается рабочими и работницами с хлопчатобумажных, пробочных, сигарных фабрик и лабораторий пищевых веществ, расположенных в этой части города.

В горячую пору работы у людей мало времени для чтения и совсем нет времени, чтобы ходить в библиотеку; тогда они берут книги только через детей. В безработицу 1908 г. многие безработные посещали читальный зал и систематически брали книги для чтения на дом. Незадолго до выборов президента одна фабричная работница, усердная подписчица, говорила: «Теперь мы работаем только четыре дня в неделю, но если выберут Тафта, то будем работать все время; а не выберут — будем приходить и глотать ваши книги».

Филиальное отделение В.

Национальности:

Американцы, евреи (немецкие и русские), негры, немцы, итальянцы, румыны, венгерцы, французы.

Социальное положение читателей:

Заводские рабочие, мелкие торговцы, разносчики и старьевщики, живущие в антисанитарных условиях в густо населенных кварталах. Среди американцев не замечается исключительное преобладание того или иного ремесла. Негры — учащиеся в школах, швейцары или сторожа.

---

^{*)} The Public Library, a Social Force in Pittsburgh, Pitts. 1910, pp. 9-10.

Ни самое здание, ни количество имеющихся иностранных книг не позволяют по своим размерам провести какие-либо специальные меры, чтобы привлечь больше ремесленников, чем филиальное отделение обслуживает в настоящее время. В филиале уже девять лет с успехом ведется клуб самообразования для негритянок. Члены его — парикмахерши, портнихи, стенографистки, учительницы и т. д. Филиальное отделение сотрудничает с публичными школами и селтльментами.

Филиальное отделение С.

Национальности:

Американцы, немцы, ирландцы, шотландцы, итальянцы, французы.

Социальное положение читателей:

Консервативный средний класс. Инженеры, механики, гражданские инженеры и электротехники, конторщики, стенографы, лавочники, живущие в хороших условиях, а также железнодорожные чиновники, у которых служба в районе этой библиотеки.

Тяжелая работа на плавильных и литейных заводах Питтсбурга создавала неблагоприятные условия для привлечения рабочих в библиотеку. Библиотекари не раз беседовали с рабочими о чтении, но ответ получался такой: «Некогда нам читать. После трудового дня хочется побыть в семье или повеселиться». И трактир оказывал библиотеке непреодолимую конкуренцию. Лишь немногие любители книг стали ходить в библиотеку и, беря книги для себя, иногда просили еще книг «для других товарищей». Библиотека настолько дорожила привлечением таких читателей, что давала лишние книги «для товарищей» с тем, чтобы они их раздавали от себя, и даже в случае пропажи розданных этим путем книг библиотека не взыскивала их стоимости.

На одном заводе инженер попробовал устроить отделение библиотеки; между прочим, там выставлена была небольшая, хорошо подобранная коллекция книг по механике. Этими книгами, однако, никто не интересовался, и они стояли без движения. «Рабочие слишком заняты и слишком утомлены, чтобы ходить в библиотеку», отмечала в своем отчете заведующая этим филиальным отделением, «за книгами они присылают детей». В том же районе устроены были два выдачных пункта: для трамвайных служащих и для рабочих другого завода, но и они посещались преимущественно детьми.

Это обстоятельство и навело на мысль начать библиотечную работу с детьми... Пусть библиотека выработает у ребенка привычку к чтению, научит его выбирать хорошие книги и мыслить самостоятельно, тогда он, веро-

ятно, до конца жизни будет читать, по крайней мере никогда не утратит умения думать и стремиться к идеалу, которое в нем разовьют книги, прочитанные в возрасте наибольшей восприимчивости^{*)}, — к такому заключению пришла Питтсбургская библиотека. Ее пионерская работа в области детских отделений вызвала широкое подражание. Интересно отметить в этой работе одну любопытную черточку. Библиотекари и практиканты — слушатели библиотечных курсов — ходят по домам, особенно на окраинах города, беседуют там с детьми и раздают им книги в виде небольших комплектов, «домашней библиотечки» (home library), которую пользуются душ десять детей, живущих по соседству. Личные сношения с читателями подсказали еще один путь социальной работы. Уличные мальчишки, организованные в «банды» (gangs), представляли в Питтсбурге довольно беспокойный элемент. «С организованностью надо бороться организованностью», — провозгласила библиотека. И эти «банды» библиотекари принялись организовывать в клубы чтения, предоставляя ребятам при этом достаточный простор для самостоятельности. Так, например, их не заставляют непременно собираться в здании библиотеки: иной клуб собирается для совместного чтения где-нибудь на пустыре, в заброшенной постройке и т. д. И как показал десятилетний опыт, клубы для чтения — отличный способ влияния на уличные «банды».

Питтсбургская библиотека ввела у себя еженедельные собрания матерей в Центральной библиотеке для того, чтобы заинтересовать их работой с детской книгой. На этих собраниях обсуждаются вопросы детского чтения, разбираются новые книги, выбираются произведения для рассказывания, затрагиваются разные вопросы воспитания и т. д. Перед Рождеством обычно устраивается выставка детских книг. Благодаря «собраниям матерей», подписчицы стали брать из библиотеки книги не только для ребят, но также для себя и для своих мужей.

При многоязычном населении Питтсбурга вставал очень серьезный и трудный вопрос — как привлечь взрослых иностранцев к чтению. Они если читают, то на родном языке, так как английским редко владеют в достаточной мере, да к тому же книги на своем языке несколько умеряют их тоску по родине. И теперь библиотека обзавелась книгами на языках всех тех национальностей, которые представлены среди ее читателей. Больше всего книг читается на немецком, польском, еврейском, итальянском, французском и русском языках, несколько меньше на шведском и испанском и, наконец, в малом количестве на румынском, венгерском, норвежском.

---

*) The Public Library, a social force in Pittsburgh, p. 13.

Во многих публичных библиотеках для иммигрантов устраиваются курсы английского языка; библиотека стремится облегчить им первые шаги в новом отечестве, знакомит их с порядками страны, с законами о принятии американского подданства, с азбукою гражданского воспитания и т. д. Для них выделяются особо «легкие книги», чтобы дать им освоиться с языком. Библиотеками издаются также «списки книг для новых американцев», т. е. иммигрантов; в этих списках указаны важнейшие справочники по тем вопросам, с которыми переселенцам приходится сталкиваться, самоучители и т. п.

Нельзя не упомянуть о том, что публичная библиотека в последнее время становится центром живого общения и сближения своих клиентов. Библиотека в своем здании устраивает большую аудиторию и одну или несколько «клубных» комнат для собрания.

Одна из деятельнейших библиотек — в С. Луи — отмечает, на основании собственного опыта, что как бы район ни был богат помещениями для всякого рода собраний, библиотечная аудитория и клубные комнаты усиленно работают, не подрывая деятельности в других местах, даже, напротив, деятельность как будто взаимно усиливается.

Публичная библиотека в С. Луи предоставляет свои помещения для собраний бесплатно, оговаривая, что с посетителей собрания не должна взиматься ни прямая, ни косвенная плата.

«Основной принцип при сдаче помещения под собрания, — говорится в отчете названной библиотеки за 1916/17 г. — тот же, что при покупке книг: библиотека существует не для пропаганды, а стремится дать место всем мнениям»^{*)}.

Еще одна особенность — библиотека стремится предоставить широкий простор самодеятельности тех, кто посещает собрания. Только этим обеспечивается их жизненность и жизнеспособность. В первые годы деятельности библиотека делала некоторые неудачные опыты, которые показали впоследствии, где коренится ошибка. Так, организован был кружок под названием «Народный форум»; целью своей он ставил беседы профессоров с рабочими об улучшении условий труда. Однако, выступления носили слишком академический характер, и представители аудитории в них принимали так мало участия, что дело развалилось в самом непродолжительном времени.

Теперь инициатива собраний предоставляется самим организациям, и библиотека дает свое помещение, как взрослым, так и детям, как для собраний, носящих научный, политический, экономический характер, так даже и для уве-

---

^{*)} St. Louis Public Library. Annual report 1916-1917, p. 70.

селений. Вот, для образца, картина работы в этом направлении, которую дает заведующая одного из филиалов библиотеки в С. Луи:

«Материнский клуб нашего филиала объединяет идею библиотеки и собраний. Члены клуба постоянно берут книги — мы для них заказываем даже временные подкрепления или подвижные библиотечки из Центральной библиотеки по тем вопросам, которыми они интересуются. Теперь клуб устроил школу шитья для девочек и для этого тоже пользуется нашими книгами. Несколько раз они ставили спектакли и, конечно, за подбором пьес, за указаниями насчет костюмов также обращались к библиотечным книгам.

У нас бывает много собраний для обсуждения каких-нибудь вопросов, но мало для изучения того или иного предмета... Бывают, как и в других отделениях, политические митинги. Перед выборами некоторые из них носили довольно бурный характер. Более спокойно протекали собрания партийных комитетов, выборных комитетов и т. п. Социалисты С. Штатов два раза устраивали здесь съезды, и каждый съезд длился четыре дня с 9 ч. утра до 9 ч. вечера.

Иногда детьми устраиваются чисто увеселительные собрания. Случается даже, что родители приходят с ними просить о помещении и откровенно заявляют, что дома по тем или иным условиям нельзя собрать детей. Одна мать рассказывала, что когда у них праздновалось чье-то рождение, то сосед сверху топал ногами и выходил из себя за шум. Теперь она хочет собрать детей вне дома во избежание столкновения: ведь не могут же дети не шуметь, если им весело.

Клубы взрослых ничего от нас не требуют, кроме разрешения пользоваться телефоном. Зато молодежь частенько нарушает монотонность жизни библиотечаря, считая себя «хозяевами библиотеки», по выражению нашего слушателя. Они бегают по лестницам, шумят и подчас держат себя довольно нелюбезно. Как-то одна девочка сказала: «Ведь мы сняли на сегодняшний вечер помещение, значит можем шуметь вволю».

С некоторыми ограничениями, — в частности относительно чернильниц и карандашей библиотечного персонала, — мы хотим, чтобы клубы молодежи считали себя хозяевами библиотеки. Лучшим доказательством того, что работа библиотеки в С. Луи себя оправдывает, будет сознание у юных отпрысков нашей демократии, что они получают нечто от учреждения, которое содержится на платимый ими налог».

И это сознание не пустой звук. В другом филиальном отделении на вопрос заведующей молодому распорядителю, который хотел непременно устроить какое-то развлечение в зале библиотеки: «Отчего вы добиваетесь помещения у нас, когда вы могли бы свободно получить его там-то и там-то», он с

изумлением ответил: «Отчего? Да мы любим это помещение, мы ведь выросли в библиотеке».

Стремясь связать с книгой все духовные запросы и интересы читателя, американцы делают библиотеку культурно-социальным центром, и в этом огромная сила библиотеки, воплощающая в жизнь слова лорда Розбери, что «книги — самый демократический агент в мире».

X.

Библиотечная политика

Осуществление библиотечных идеалов в значительной мере зависит от принципов устройства библиотек, от способов их насаждения, от характера их финансирования, от отношения к ним государства, местных самоуправлений, общественных организаций и населения, от условий пользования ими, от их правового положения и т. д. , словом, от многочисленных и разнообразных данных, которые в совокупности можно назвать библиотечной политикой.

Необходимо, однако, оговориться, что библиотечную политику отнюдь не следует отождествлять с политикой государственной. Выше уже указано было, что библиотека должна закладывать фундамент общечеловеческой культуры. Поэтому влияние государственной политики умалет ее задачу, суживает ее работу, придает ее деятельности тенденциозный и односторонний характер, превращает ее в орудие партийной борьбы, которой публичная библиотека по самой своей сущности должна быть чужда.

«Библиотека для общественного пользования не должна и не может вести пропаганды ни тайной путем недопущения каких-то книг, ни явной путем проведения определенной программы», — говорит один из крупнейших австрийских библиотечных деятелей проф. Рейер^{*)}. В Германии эта мысль очень отчетливо была формулирована еще в прошлом веке: «Образование нашего народа слишком глубокий и важный вопрос, чтобы низводить его на степень партийного вопроса^{**)}».

У себя на родине мы видели все отрицательные последствия вмешательства политики в библиотечное дело. Правительство старого режима стремилось установить угодное ему «направление» путем требования «благонадежности» от библиотечных деятелей и путем фильтрации книжного состава, которая производилась насильственно, вследствие обязательности пользования

---

^{*)} Reyer, E. Organisation öffentlicher Bibliotheken für Stadt und Land. «Zeitschrift für Volksbildungswesen» 1900, S. 10.

^{**)} Jannasch, R. Die Volksbibliotheken, ihre Aufgabe und ihre Organisation. Berlin. 1876.

определенным списком книг для библиотек некоторых категорий. Это относилось к так называемым «бесплатным народным библиотекам», для которых даже во время предварительной цензуры существовала еще сверх-цензура, в виде ученого комитета при мин. нар. просв. . , определявшего, какие книги можно приобретать для бесплатных библиотек. Разрешенных было мало, все остальное было под запретом. В министерский каталог включены были реакционно-патриотические сочинения Богдановичей, Нечволодовых и К^о, но зато крамольными считались Некрасов, Достоевский, Станюкович, многие произведения Л. Н. Толстого и т. д.

В соответствии с этими ограничениями были и другие правительственные мероприятия по отношению к библиотекам, предназначенным для менее обеспеченного и менее культурного трудового населения. Очень затруднено было всякое ходатайство об открытии библиотеки и, наоборот, очень облегчено закрытие библиотеки «по административному усмотрению». Это усмотрение очень часто превращалось в полный произвол. Благо библиотеки ровно никакой цены не имело в глазах администрации, которая думала только о «пресечении» и «предупреждении» и везде искала крамолы. Чем объяснить, например, такие факты, что не утверждались «ответственные» лица по библиотеке? В Рыбинске четыре года не могла открыться совершенно готовая к открытию библиотека из-за подобного неутверждения. В Полтаве в один прекрасный год вдруг оказался неутвержденным В. Г. Короленко, которому местная общественная библиотека много обязана была своим процветанием.

На почве административного усмотрения происходили и курьезы, и трагедии. Пресловутые «временные правила о народных библиотеках», прошедшие в жизнь, как впоследствии было доказано, в обход закона^{*)}, требовали, чтобы списки книг, которые библиотека желала приобрести сверх «дозволенного» каталога, представлялись губернатору. Во Владимире местной народной библиотекой так и было сделано. Губернатору, однако, некогда было заниматься подобными пустяками, как рассмотрение списков книг, и он эту функцию передал... губернаторше. И список вернулся в бесплатную народную библиотеку с пометками губернаторши: «книга ненужная», «бесполезная», «незачем покупать», «вредного направления» и т. д.

Как известно, большинство наших общественных библиотек должны были пополнять свою кассу сборами с разных благотворительных лекций, концертов и проч. Трудно представить себе, сколько энергии, достойной луч-

---

^{*)} См. Звягинцев Е. А. Правовое положение народных библиотек за 50 лет. М., «Трауцк». 1916.

шего применения, надо было употреблять на бесконечные хождения «по мытарствам» — в канцелярию губернатора, в полицейское управление и т. д., пока, наконец, такое разрешение получалось. Кроме того, каждый местный администратор вносил свои варианты, усложняющие требования: один хотел, чтобы в писаном виде доставлялся на просмотр конспект предстоящей лекции, другой, чтобы при прошении дан был текст всех романсов, которые будут исполняться в благотворительном концерте и т. д. Словом, все делалось для того, чтобы связать бедное средствами учреждение и не дать ему возможности развиваться «на благо просвещения».

Вот еще факт. В Харькове усердный губернатор в один прекрасный день решил поставить такое условие: чтобы чистый сбор с благотворительного предприятия составлял более половины валового сбора, если же это не будет соблюдено, то учреждение, устраивающее концерт, лекцию и проч. лишается права устраивать другой раз что-либо в свою пользу. Мера была и трудно выполнимая, и неразумная. Всегда выгоднее было устроить что-нибудь более интересное, требующее зато и больших затрат, потому что не приходилось в таком случае «развозить» билеты, а публика охотно шла сама, и чистый сбор при этом бывал так велик, что вполне удовлетворял устраителей. Говорят, будто бы губернатор хотел своей мерой «оградить устраителей от эксплуатации театральных антрепренеров», у которых без хлопот можно было «купить» спектакль с благотворительной целью в субботу, когда неблаготворительные спектакли по тогдашним правилам не разрешались. Но эта мера распространена была на все «благотворения», и для контроля присылался губернаторский чиновник.

Помню, однажды в Харьковской Общественной библиотеке был концерт в ее собственном помещении. Чистый доход оказался немногим меньше расхода, хотя составлял порядочную сумму. Мне в тот вечер пришлось быть ответственной распорядительницей, и велико было мое изумление, когда губернаторский чиновник Л., присланный для контроля билетов и счетов, стал учить меня, как «писать отчет», вычеркивая разные суммы из валового прихода и расхода до тех пор, пока не получится требуемая пропорция. На мой вопрос: «вы хотите, чтобы отчеты давались фиктивные?», он только расхохотался. Впрочем, этот чиновник и не то еще делал. Когда в помещении Общественной библиотеки, где зал сдавался в свободные дни и часы и выручаемые суммы являлись немаловажной статьей дохода, происходил концерт с танцевальным вечером, то в силу губернаторского приказа вечер должен был оканчиваться в 2 часа ночи. Чиновник, ожидавший в «благотворительном буфете» окончания вечера, вдруг начинал требовать, чтобы снова играл оркестр и даже предлагал от себя вносить полагавшийся за это штраф. Потом

контроль благотворительных концертов-вечеров, устраиваемых в пользу разных просветительных учреждений, вызвал у него охоту завести собственный зал для сдачи в аренду. В ближайший сезон все прошения, подаваемые в канцелярию губернатора, о разрешении устроить что-то «в пользу», стали возвращаться с надписью — «лишь в зале Л.». Губернаторский чиновник получил монополию от своего начальства, и Харьковская Общественная библиотека на время лишилась источника дохода, что, конечно, отразилось бы ущербом на ее все возраставшей просветительной деятельности, если б это оказалось длительным. И, конечно, «усмотрение» администратора могло бы затянуться на неопределенное время, если бы не находчивость тогдашнего председателя правления библиотеки проф. Д. И. Багалея. С уставом библиотеки в кармане он поехал к администратору — в то время обязанности губернатора, должность которого была вакантна, исполнял вице-губернатор, прославившийся впоследствии своими «подвигами», — Азанчевский. Осведомившись, на каком основании не было разрешено устройство в зале общественной библиотеки такими-то двумя учреждениями таких-то двух предприятий «в пользу», он показал § устава, разрешающий библиотеке сдачу своих помещений в аренду, и добавил: «как представитель администрации, вы должны следить за выполнением устава, утвержденного законным порядком, а вы сами его нарушаете. И нарушение принесло библиотеке ущерб, который можно исчислить в определенной сумме — за концерт столько-то, за лекции столько-то. Вот у нас предстоит на днях общее собрание членов библиотеки, и я не поручусь, что кем-нибудь не будет возбужден вопрос о предъявлении к вам иска на эту сумму». Вице-губернатор незадолго перед тем должен был заплатить по иску какого-то гражданина, которому он без достаточного основания запретил возводить начатую постройку, и перспектива нового штрафа заставила его отменить запрет устройства концертов и проч. в зале общественной библиотеки, продиктованный «пользой» его чиновника. Так окончился этот «анекдот российской действительности».

Разве такие ненормальные явления могли бы иметь место, если бы у правительства не было тенденции вносить свою политику в дело просвещения? Но бывали факты и посерьезнее этого. В 1910 г. от имени правления молодой и энергичной никопольской общественной библиотеки в одной из столичных газет напечатано было письмо с указанием на необходимость созыва съезда по библиотечному делу. В ответ на письмо, содержавшее такую «крамольную» идею, никопольская библиотека местной администрацией была закрыта «навсегда», а главные ее деятели высланы в разные места. А через несколько месяцев в Петербурге с разрешения властей предрержащих

устроен был всероссийский съезд по библиотечному делу, т. е. осуществлена была мысль, за которую казнена была упомянутая библиотека...

Политическое влияние реакционного правительства сказывалось особенно резко, но и в дальнейшем у нас все-таки наблюдается тенденция вводить сверху от господствующей политической партии известное давление. И эта тенденция приводит к «тенденциозности», которая не выдерживает критики даже для узко партийной библиотеки. Нельзя и в партийной библиотеке ограничиваться литературой только одной партии — ведь откуда же тогда узнать, что думают противники, и подготовиться отпарировать их нападки? Для публичных же библиотек всякое политическое давление извне или изнутри является препятствием к их основной задаче. Не нужно забывать, что общая культура есть государственной важности фундамент, и что государству нужны люди с широким кругозором, а если человеку показывать мир сквозь одно окошко и искусственно закрывать перед ним горизонт, то кругозора у него никогда не выработается.

В современном взгляде на библиотеку отрицается опека над читателем не только политическая, но и узко-педагогическая. В одном из новейших трудов о германских библиотеках говорится: «Наследственное зло, которым больна немецкая душа, — это желание поучать, духовно опекать других. Этим стремлением к поучительности болели немецкие народные библиотеки конца XIX в., и к поучительности примешивалась ограниченная мораль, преувеличенная религиозность и ура-патриотизм. На повороте XX в. из Англии и Америки пришло к нам исцеление — не что иное, как завет нашего Канта, чтобы во взрослом человеке ценить личность для применения его благородных стремлений, а не пользоваться ею как средством (хотя бы для какого-то программного воспитания при помощи библиотеки). И сразу в Германии возникли крупные библиотеки, усиленно посещаемые как образованными, так и необразованными людьми»^{*)}.

Подобным стремлением к педагогической опеке была проникнута «библиотечная политика» всех европейских стран (кроме Англии) по отношению к народным библиотекам. Народная библиотека — *Volksbibliothek*, *bibliothèque populaire* — «устраивалась в расчете на очень скромные интеллектуальные требования, на очень низкий умственный уровень невзыскательной публики», говорит голландец Греве^{**)}. «Открывая такую библиотеку, никто не предполагал, чтобы человек более обеспеченный, более развитой, интел-

---

^{*)} Dr. Ackerknecht, E. und Prof. Dr. g. Fritz. Büchereifragen. Berlin. 1914. S. 2.

^{**)} Цитирую по немецкому переводу: Greve, H. E. Das Problem der Bücher und Lesenhallen. Leipz. 1908, S. 10-15.

ресующийся наукой приходил туда искать умственную пищу для себя. Единственной целью было дать нуждающемуся и неразвитому подходящее чтение». Постоянно проводилась граница между тем, «что читать народу и что — образованным людям». И создавалось какое-то противоположение понятий: «народ» и «развитие».

«Учреждение, которое имело в виду только беднейших духом, очевидно, стояло на одной доске с другими видами общественной благотворительности. И тот, кто избегал общественной благотворительности, кто не желал духовной подачи, не шел в народную библиотеку», — говорит Грeve в упомянутом выше труде.

И понемногу начались протесты против народных библиотек.

«Они носят отпечаток какого-то благодеяния, словно книга есть милостыня», — указывалось в Бельгии уже полвека тому назад^{*}). Во Франции в 1890 г. по поводу доклада во Французской академии о народных библиотеках заявлен был протест, что «ремесленники, торговцы, чиновники не удовлетворяются книгами народных библиотек, потому что они приурочены для читателя, стоящего на самой низкой ступени развития».

Бедность и некультурность отождествлялись. У нас по этому поводу Н. А. Рубакин писал: «Народ не дурак, а только бедняк».

В Англии и странах, говорящих по-английски — С. Штатах, Новой Зеландии, Австралии, Канаде — библиотечная политика была совершенно иная в этой области: там никогда не выделяли особых «народных» библиотек, а публичная библиотека была единая для всего населения. Она обслуживала читателей всех категорий, и любой читатель в своей духовной эволюции всегда мог найти в ней переходы к дальнейшим ступеням. Самый термин «народная библиотека» там никогда не употреблялся, потому что этой разновидности библиотек не существовало.

Реформа, коснувшаяся европейских библиотек под влиянием Англии и Америки, не была только расширением народной библиотеки: в понятие «библиотека» влило было новое содержание, из учреждения благотворительного она перешла в разряд учреждений общепользных, так как она не только стала обслуживать все население, но и приучала ко взгляду на книгу как на необходимое для каждого социальное орудие. «Задача библиотеки — улучшать жизнь народа, поднимать народ на возможно более высокий уровень работоспособности, благосостояния и счастья», — такое определение дают американцы, и содействие выполнению этой задачи есть одна из основ библиотечной политики в С. Штатах.

---

^{*}Annot. Les bibliothèques populaires. Bruxelles. 1866, p.32

Само собою разумеется, что «единая» библиотека не может представлять чего-нибудь трафаретного. Каждая публичная библиотека должна быть приспособлена к особенностям той местности и того населения, которое она призвана обслуживать; но если индивидуальные особенности требуют тех или иных вариантов в ее книжном составе (не могут быть одинаковыми библиотеки городские и сельские, библиотеки торгового или фабричного, или сельскохозяйственного района и т. д.), то неизбежным всегда остается принцип, что она призвана обслуживать все население данной местности, а не отдельные его группы.

Спрашивается, как надо обслуживать население книгами — через посредство мелких многочисленных библиотек или не столь многочисленных, но более крупных, более мощных по своему составу библиотек. Этот вопрос библиотечной политики особенно важно оттенить у нас, так как в России до сих пор господствовало стремление устраивать библиотеки «числом поболее, ценою подешевле».

Обратимся к теоретическим обоснованиям. «Библиотеки представляют капитал и притом самый ценный капитал каждой страны, в который вложено все знание человечества, — говорит К. И. Рубинский^{*)}. — И если капитал в общепринятом смысле слова, его обороты, прибыль, рост и употребление являются предметом изучения особой науки, то обращение того научного капитала, который заключается в библиотеках страны, заслуживает самого серьезного изучения». Всякий капитал приносит тем больше прибыли, чем он крупнее и чем больше его оборотность. Вот почему библиотека с большим количеством книг, хорошо приспособленная для использования книг, содействует интенсификации чтения. Практически, если сравнить стоимость содержания мелких и крупных библиотек, не нужно довольствоваться абсолютными цифрами, т. е. бюджетами, потому что эти данные несоизмеримы; необходимо вывести стоимость прочтения каждой книги — только эти данные и годятся для сопоставления. И тут-то ясно обнаружится, что в мелких библиотечках стоимость каждой выдачи книги всегда обходится дороже, чем в крупной библиотеке.

Эти принципы легли в основу библиотечных сетей: единство организации снабжения книгами при помощи такой системы, в центре которой стоит крупная библиотека, распространяющая на периферию деятельность при помощи филиальных отделений и многочисленных мелких передвижных составов, дает выгоду и экономическую, и практическую. Мелкие библиотеки как са-

---

^{*)} Рубинский К.И. Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения. Харьков, 1910, стр. 21.

мостоятельные единицы не достигают цели; как частицы большого целого они являются конечными разветвлениями, при помощи которых обширная система снабжения книгами захватывает самые отдаленные пункты и притягивает их к пользованию библиотечной сетью в ее совокупности^{*)}.

Кроме сетей, на том же принципе построены взаимные абонементы между библиотеками, кооперация библиотек, союзные объединения библиотек. Ряд библиотек данного города или данной местности уславливаются работать в контакте, подкрепляя друг друга книгами. При этом объединяются библиотеки различных типов, и, напр., библиотеки академические или специальные работают совместно с публичными библиотеками. Так, в Вене библиотека Торговой палаты, богатая книгами по экономическим вопросам, библиотека Академии Художеств и др. предоставляют публичным библиотекам под их ответственность свои специальные книги для пользования читателей. В Нью-Йорке публичная библиотека устроила депозит книг, тысячи полторы томов, главным образом по беллетристике, в здании Колумбийского университета, так как очень обширная университетская библиотека не задается целью коллекционировать произведения современной художественной литературы. В Америке зато каждая публичная библиотека со своей сетью получает временные подкрепления не имеющимися у нее книгами от университетских, художественных, юридических, медицинских и др. больших специальных библиотек.

У нас до сих пор академические, специальные и государственные библиотеки не принимали никакого участия в жизни публичных библиотек, и, конечно, настало уже время, когда этот порядок должен измениться в том направлении, которое диктуется жизнью и которое принято в государствах, опередивших нас по культуре.

Каждый тип библиотек имеет свое определенное назначение, и этим обуславливаются особенности его организации. Академические и специально-научные библиотеки должны собирать все по научным отделам, что только возможно приобрести, независимо от того, является ли книга современной или устарелой. Для истории науки нужны и устаревшие книги, которым не место в публичной библиотеке, предназначенной для широкой образовательной и научной, но не для ученой и академической работы. Еще шире тот состав, который должна иметь библиотека государственная, носящая национальный характер. Она должна иметь в исчерпывающем подборе все, что

---

^{*)} О библиотечных сетях см. мою статью «Библиотечные сети в Америке», «Школа и жизнь». 1914. №№ 47 и 48 и главу II моего «Руководства для небольших библиотек».

когда-либо было написано и напечатано в данной стране, и как можно больше из того, что было написано и издано в других государствах. Этими особенностями и определяется линия поведения библиотек. Рукописи и первопечатные книги, редкости, книги на мало распространенных языках, которым есть применение в больших научных библиотеках, были бы не у места в публичной библиотеке города, а тем более села. В одесской городской библиотеке, например, по словам Н. А. Рубакина, находилась коллекция китайских книг, которых даже некому было зарегистрировать, некому было и читать. За границей библиотеки в таких случаях вступают в обмен. Это делают и более просвещенные из наших библиотек. Так, в Харькове бесплатная библиотека Общества Грамотности уступила Историко-филологическому Обществу случайно попавшие к ней книжные редкости в обмен на полные собрания сочинений Тургенева и Толстого. Екатеринодарская библиотека Общества народных университетов передала в библиотеку Академии наук пожертвованную ей книгу Елизаветинской эпохи, получив за эту большую редкость — академические издания русских классиков.

Библиотечная политика требует целесообразности и экономии сил и средств в библиотечном деле. На этом основано разделение крупных научных библиотек одного города по специальностям. Так, в Чикаго две громадные библиотеки имени Крирара и имени Пауля Ньюберри условились, что одна посвятит себя гуманитарным наукам, главным образом, истории и истории литературы, а другая — точным наукам — естествознанию и математике. Благодаря этому каждая, не разбрасываясь в своих задачах, могла блестяще поставить выбранную ею специальность.

Не то у нас. Несколько лет тому назад академик С. Ф. Ольденбург предлагал, чтобы крупные библиотеки, сосредоточенные в Петербурге, вступили в соглашение относительно покупки особо дорогих иностранных трудов и распределили это между собою, иначе одно сочинение приобретает двукратно тремя библиотеками, а на другое средств уже не хватает, и оно не попадает ни в одну из петербургских библиотек. Однако, это предложение, навеянное практикой научных книгохранилищ за границей, было отвергнуто бюрократически поставленными при старом режиме научными библиотеками Петербурга. Явления того же порядка наблюдаются и сейчас: так, в Москве одновременно организуются три библиотеки специально-научного типа по профессиональному движению. Было бы гораздо целесообразнее не расплывать сил и средств на три однородных организации, а объединить их в одну — такого рода библиотеки для одного города нет надобности дублировать, и чем приобретать одни и те же книги, да еще при нынешних затруднениях, для трех

библиотек, выгоднее было бы втрое усилить мощь библиотеки, т. е. в три раза увеличить ее состав.

Большое значение, конечно, имеет размах, масштаб библиотечного дела, и к нему надо идти неуклонно, но постепенно, не забывая, что большие реки создаются из маленьких ручейков. Та же Америка, которая удивляет весь мир размахом своих библиотек, начинала с малого, но зато приучила население к библиотеке, которая сделалась необходимым учреждением, и когда население это поняло, то само стало давать средства на содержание публичных библиотек путем особого налога или, вернее, самообложения, которое устанавливается плательщиками городских и сельских повинностей не свыше предусмотренной законом нормы.

«Вначале существование библиотеки бывало очень скромным и неприятельным. Какой-нибудь идейный человек дает комнату, другой даром или за малое вознаграждение исполняет обязанности библиотекаря в течение тех 6-8 часов в неделю, когда библиотека открывается для публики. Книги получают в дар. Иногда устраивается выставка, где входным билетом служит книга, жертвуемая для библиотеки. Библиотека разрастается, она должна быть открыта ежедневно. Ей нужно лучшее помещение и надлежащий персонал. Она уже успела завоевать симпатии населения. Читатели привыкли к ней. Она стала необходимым культурным фактором. Тут удобный момент для введения налога». Так характеризует переход к народному финансированию библиотек историк американских библиотек Флетчер^{*)}. Библиотечный налог существует в С. Штатах, в Канаде, в Австралии, Н. -Зеландии и в Англии.

Кое-где на библиотеки обращают и другие налоги, напр., в Швеции — питейный налог, в Англии — налог на собак и т. д. В Америке, однако, отказались от того, чтобы употреблять на библиотеки питейные сборы или часть судебных штрафов, считая, что «нельзя ставить развитие и благополучие библиотек в связь с порочностью и недостатками людей». К слову сказать, в 90-гг. прошлого века, когда бывший С. -Петербургский Комитет Грамотности впервые принялся за пропаганду сельских библиотек, к нему стали в большом числе поступать приговоры волостных сходов об устройстве в том или ином месте библиотеки, при чем на нее ассигновались штрафные деньги или подушный сбор в несколько копеек с человека. Недавно подобие библиотечного налога проведено в Оренбурге. Таким образом, мы имели и у себя скромные попытки народного финансирования библиотек.

---

^{*)} *Fletcher, W. J. Public libraries in America. 2 ed. Bost 1899.*

В Америке финансирование библиотеки самим населением окончательно укрепило его связь с библиотекой, так как она стала управляться выборными лицами из числа плательщиков налога, т. е. хозяев библиотеки. «У нас библиотека создана народом, через народ и для народа (by the people, through the people, for the people*)», — говорят американцы.

Это нисколько не снимает обязанности с государства, местных самоуправлений, обществ и частных лиц содействовать библиотекам. Во многих штатах правительство в виде поощрительной меры добавляет от себя сумму, равную налогу. Местные самоуправления большей частью помогают библиотеке обзавестись собственным зданием, отводят ей участок земли, выдают ссуду на льготных условиях.

Пожертвования отдельных лиц начинают притекать рекою везде, где население убеждается в огромном значении библиотек. В Америке, кроме Карнеги, который дает на библиотеки такие колоссальные средства, огромные пожертвования получают библиотеками всех типов и повсеместно. Астор, Леннокс, Тильден, Рушь, Пратт и др. завещали или дарили библиотекам миллионные состояния. Больше всего обеспечены такими дарами публичные библиотеки в городах, но не забыты и другие типы. Мне довелось объездить ряд селений вдоль берега озера Эри, и в каждом из них я видела такую библиотеку, которая сделала бы честь любому нашему городу по своим размерам и постановке дела. В селе Фредонии, например, библиотека, устроенная на средства Баркера, имеет около 27 тыс. томов, прекрасное детское отделение и т. д. В селе Вестфильде, милях в сорока от Фредонии, библиотека еще крупнее и имеет чудное собственное здание, которому позавидовали бы московские публичные библиотеки, не имеющие хороших помещений. В Вестфильде на библиотеку одной из местных жительниц, в память ее отца, большого общественного деятеля, пожертвовано было 100 тыс. долл. Не оставляются частными пожертвованиями и академические библиотеки. Вот один из недавних фактов. В 1912 г., возвращаясь из Европы со своим отцом на корабле «Титаник», погиб во время ужасной морской катастрофы молодой человек Гарри Уайднер, уроженец Бостона, незадолго перед тем окончивший Гарвардский университет в своем родном городе. Уайднер был страстным библиофилом и владел коллекцией очень редких книг. Из каждой поездки в Европу он привозил новые приобретения для своей коллекции и в том году достал какое-то редкое издание «очерков» Бэкона, с которым не расставался ни на минуту. Так он и утонул с этой книгой в кармане. Он оставил завещание, в силу

---

*) Fletcher; W. J. Public libraries in America. 2 ed. Bost 1899.

которого его ценная книжная коллекция должна поступить в Гарвардский университет, но здание университетской библиотеки было чрезвычайно тесно, и правление университета никак не могло разместить подобающим образом это исключительное по размеру и богатству книжное собрание. Тогда мать Уайденера, потерявшая в катастрофе сына и мужа, решила построить на свои средства новое здание для Гарвардской библиотеки, имеющей уже теперь до 1,5 млн томов. Вместе с оборудованием это здание обошлось около 2 млн долл. и было торжественно открыто в 1915 г.

Большое количество частных пожертвований и деньгами и книгами получают также английские библиотеки. Уже лет двадцать тому назад одна из английских библиотек в Брэдфорде стала печатать на обложках своих отчетов текст завещания. Теперь ее примеру последовали многие библиотеки Англии и Америки, и неизвестно, самый ли текст завещания или интерес, пробужденный к библиотеке отчетом, но прилив пожертвований к библиотекам все увеличивается.

У нас довольно часто жертвуются книжные коллекции академическим библиотекам. Встречаются пожертвования и на публичные (как городские, так и сельские библиотеки), хотя и не такие грандиозные, как за границей. Я укажу на два случая пожертвований, которые представляются очень характерными, как выражение интереса, возбужденного библиотекой. Харьковская общественная библиотека однажды обратилась к автору книг об оккультизме г-ну Аксакову, жившему в Петербурге, с просьбой пожертвовать библиотеке свои сочинения. При таких просьбах библиотека обыкновенно прилагала в виде мотивировки краткий очерк своей деятельности. Надо сказать, что эта библиотека отличалась поистине американским ростом и живым общественным духом. Книги в свое время были получены от г-на Аксакова, а затем, через несколько лет, к полному изумлению правления библиотеки, прибыло несколько ящиков с драгоценнейшей коллекцией научных книг: оказалось, что г-н Аксаков, заинтересовавшись историей харьковской общественной библиотеки, завещал ей часть своей личной библиотеки, которую душеприказчики и прислали во исполнение его воли. Другой случай: в том же городе бесплатная народная библиотека получила участок земли по завещанию от неграмотного сапожника, который жил против библиотеки, ежедневно приходил посидеть в читальне и с умилением глядел, как другие читают книги и газеты.

Самое крупное из пожертвований на библиотечные цели у нас — это капитал П. И. Макушина, около миллиона рублей, внесенный им в фонд устройства сельских библиотек сначала в Томской губернии, а по осуществлении там сети — в остальной Сибири.

Если сравнить финансы русских библиотек с библиотеками других государств, то мы увидим, как ничтожны наши бюджеты и как шатки их статьи. Государство до сих пор приходило на помощь только библиотекам государственным и академическим; правительственную субсидию получало только одиннадцать публичных библиотек, преимущественно таких, которые связаны с музеями. Городские самоуправления местами сами устраивали и содержали библиотеки, местами субсидировали какие-нибудь существующие библиотеки. Больше всего помощи библиотекам в смысле финансирования оказывали земства. Теперь с распадом большинства городских и земских самоуправлений в целом ряде губерний дела библиотек обстоят весьма неблагоприятно. В Оренбургской губ. все земские библиотеки закрылись, в Самарской участь была бы та же, если бы на помощь не пришли кооперативы, и т. д. Подвести общие итоги в переживаемый момент еще невозможно. Необходимо, однако, указать, что при нынешнем книжном голоде особенно чувствительным ударом для культуры является всякое закрытие или уничтожение библиотек.

Что касается уничтожения библиотек, то нынешний год ознаменован целыми гекатомбами. Очень много сожжено и безвозвратно погублено помещичьих библиотек во время аграрных движений. Уцелевшие от этого разгрома библиотеки теперь часто подвергаются реквизиции «на предмет комплектования народных библиотек». Такой способ, нужно признаться, ведет не к созиданию ценностей, а к их уничтожению. В частных библиотеках, которые не раз описывались в специальной прессе^{*)}, содержалось много научных книг, как на русском, так и на иностранных языках. Нередко русские искатели, ученые и мыслители создавали свои крупные труды на лоне природы, в деревенской тиши. Даже сами библиотеки, которыми они себя окружали для работ, служат драгоценным материалом для их характеристики, и недаром эти библиотеки специально изучаются, как изучается, напр., под руководством А. Е. Грузинского библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне.

По своему составу помещичьи библиотеки не подходят к типу сельских библиотек, для которых в лучшем случае может пригодиться оттуда горсточка книг. А все остальное подвергается уничтожению и расхищению или продается городским букинистам, которые, зачув поживу, организовали скупку книг по деревням, перепродавая их потом, конечно, по спекулятивным ценам в городе. Таким образом, разрушаются бесплодно одни ценности, но из них не созидаются другие. То же явление наблюдается и в городах. В Москве,

---

^{*)} См. статью: *Иваск*, У. Г. Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя. «Русск. Библиофил» 1911. III, IV, VI, VII.

напр., реквизирована была довольно обширная библиотека благородного собрания и передана совету профессиональных союзов. Совет для своей библиотеки выбрал оттуда тысячи полторы томов, остальные книги свалены в подвал, и их расхищают направо и налево. Опять-таки по типу реквизированная библиотека вовсе не могла дать для намеченной цели подходящего материала, а между тем в своем составе, где было, между прочим, много иностранной литературы, она представляла известную культурную ценность, разрушенную без всякой надобности и без всякой пользы.

В некоторых городах пошли еще дальше. Так, в Харькове, во время господства большевистской власти, издан был декрет об отобрании книг у всех частных лиц, за исключением учителей и врачей, и у многих их личные библиотеки были отобраны. Здесь задет целый ряд этических моментов. Во-первых, разве только учителя и врачи для профессиональной работы должны иметь под рукою книги? А инженер, архитектор, писатель, журналист, артист, юрист, ветеринар и т. д. для профессиональной работы могут обойтись без книг? Во-вторых, если человек свой заработок пропивает, проигрывает или иным образом пускает в трубу, то с него и взятки гладки, а если он обращает его в книги, с которыми сроднилась его душа или с которыми он работает для самообразования и самоусовершенствования, то можно у него их отбирать? Обычно государства покровительствуют народным сбережениям, которые лежат в виде вкладов и текущих счетов, потому что эти сбережения — показатель народного благосостояния. А сбережения в виде книг — показатель умственного развития населения, и потому, естественно, им надо покровительствовать, а не отбирать их. В-третьих, опять-таки коллекции частных лиц все-таки содержат много специальных и иностранных сочинений, которые обречены бесплодно погибнуть ради того, чтобы извлечь из них некоторое количество книг для популярных библиотек. Наконец, формирование библиотек таким путем никогда не сделает их родными и близкими населению, в чем собственно лежит главный залог их успеха. Пробуждение интереса к библиотекам и сознание их важности также относится к области библиотечной политики. В этом отношении применяются самые разнообразные приемы. Так, Италия, страна очень отсталая в смысле библиотек для общественного пользования, сделала положительно чудеса: в 1908 г. возникла «Федерация итальянских народных библиотек», которая задалась целью поднять библиотечное дело. Популярных библиотек к тому времени на всю Италию насчитывалось всего 38. Деятели Федерации объезжали всю страну, устраивая митинги, на которых выясняли значение книги и библиотеки. В южной Италии очень большое участие в этих митингах принимала Паола Ломброзо, известная русской публике своими педагогическими трудами. Через три года число народных

библиотек в Италии, возникавших на местные средства лишь при указаниях и руководителе Федерации, дошло до 700.

Чрезвычайно важно, чтобы правильная библиотечная политика нашла себе отражение в библиотечном законодательстве. То библиотечное законодательство, которое существовало в России при старом режиме, представляло сплошную цепь заграждений для развития библиотек. Теперь мы живем без всякого библиотечного законодательства, но когда-нибудь оно будет вырабатываться, и тогда в основу его должны быть положены совершенно другие принципы. Оно должно обеспечивать библиотекам правовое положение и содействовать широкому распространению культуры при помощи библиотек.

К библиотечной политике относится также такая организация библиотек, которая во главу угла ставит интересы читателей: библиотека должна быть, по возможности, бесплатной и производить выдачу книг при наименьших стеснениях для читателя; в библиотеке, кроме абонемента, должна быть и читальня, и детское отделение; часы открытия должны быть приурочены ко времени окончания занятий на службе и работ; библиотека обязательно должна быть открыта в воскресные дни, предоставляя своему персоналу для отдыха какой-нибудь будень (в больших библиотеках может устраиваться такое чередование, чтобы каждый библиотекарь имел свой выходной день — у одного понедельник, у другого вторник и т. д.). (Словом, все правила и способы работы в библиотеке должны приспособляться к основным заданиям. Недаром одно из недавних немецких руководств по библиотековедению носит название «Библиотечная политика» (Ladewig P. Politik der Bücherei. Leipz. 1912. 427SS).

В общем можно сказать, что библиотечная политика, столь успешно проведенная в С. Штатах и в Англии и давшая такие большие достижения, является теперь образцом для подражания во всех культурных странах мира. В Западной Европе стали устраиваться библиотечные сети путем добавления к существовавшим мелким библиотекам более крупной центральной. Строй отдельной библиотеки стал изменяться в сторону общественности и социально-культурной реформы. Улучшились методы библиотечной работы и библиотечная техника, которая является очень существенным условием для экономии труда и времени в работе. Стало обращать внимание на подготовку библиотекарей, стали устраиваться специальные курсы и школы, разрослась специальная литература и т. д. Этому в значительной мере способствовали командировки библиотекарей различных стран в американские библиотечные школы. По возвращении ими у себя проводилась реформа библиотек в духе американской библиотечной политики, и результаты уже с первого года оказывались огромными. Это особенно заметно, например, в Норвегии, Швеции

и Дании, а из стран внеевропейских — в Японии. Теперь вводится впервые библиотечная организация в Китае и в некоторых частях Индии.

Одно из полунезависимых государств Индии, Барода, пригласило на три года американца, чтобы выработать библиотечную сеть и положить ей начало. Сеть выработана с расчетом на выполнение в течение 10 лет, причем две трети расходов по библиотекам принимает на себя государство. Уже в первые два года основано было 450 бесплатных библиотек, центральная в 100 тыс. томов, две в более крупных городах по 20 тыс. томов, 36 по 5 тыс. томов, остальные — сельские. Основано было библиотечное общество, издается библиотечный журнал (на английском и двух туземных языках), устроены полугодовые библиотечные курсы. После отъезда американца дело продолжает индус с высшим образованием Кудалкар, которому удалось уже осуществить более половины сети, которая охватывает все маленькое государство. Для библиотек выстроены красивые здания. Магараджа, правитель Бароды, самолично открывает каждую более или менее значительную библиотеку и держит речь на тему, что «библиотека — это народный университет». А библиотечный журнал *Library Miscellany*, издающийся в Бароде, целым рядом интересных заметок свидетельствует, что там живо бьется пульс библиотечной жизни.

XI.

«Все для читателя»

В одном из номеров американского библиотечного журнала мне попала любопытная статейка под заглавием «Людские интересы в публичной библиотеке». Автор ее — библиотекарьша из города Гудвина в штате Тенесси^{*}). Приведу оттуда несколько выдержек.

«Красивый индус с задумчивыми темными глазами и изысканной речью подошел ко мне и попросил указать, что есть в библиотеке по вопросу об исправлении рек. Он отрекомендовался как студент инженерной школы и сказал, что через год должен возвратиться в Калькутту и знакомить своих земляков с американскими строительными методами. Пользуясь каникулами, он приехал в Мемфис, чтобы познакомиться с тем, как производится дренаж реки в Долине Миссисипи, где природные условия во многом сходны с тем, что он имеет у себя на родине.

— Нет ли у вас также произведений моего соотечественника Рабиндраната Тагора? — спросил он. На столик ему, вместе с книгами по инженерному

---

^{*}) Feeman, M. W. «Human interest» in the Public Library. «Library Journal» 1917, II

делу, положили произведения Тагора, и он несколько часов занимался вперемежку дренажем, поэзией и философией.

У прилавка ожидали два молодых американца, один приземистый и толстый, другой высокий и худой. — Скажите, пожалуйста, — спросил приземистый, — какой рост нужно иметь для поступления в национальную гвардию? — И сколько нужно весить для службы в армии? — добавил худой.

Я взяла армейские правила, справочник для рекрутов и вдобавок позвонила капитану расположенного у нас полка, чтобы правильно разрешить эти вопросы. В результате юноши ушли с убеждением, что ни рост, ни толщина, ни недостаток того или иного не могут освободить их от службы для родины.

Звонит телефон. Спрашивают имя немецкого генерального консула в Чикаго, и можно ли такому должностному лицу написать попросту «уважаемый сэръ».

Молодой человек, глухонемой, протягивает смущенно записку. На ней вопрос: «Есть ли у вас любовный письмовник?». Библиотекарша подумала и достала с полки «Руководство к писанию деловых и общественных писем» и указала ему отдел III — «Любовь и брак». С облегченным вздохом влюбленный юноша уселся в уголке, где долго лихорадочно писал, перечеркивал и снова писал. Наконец, он сложил один листок и спрятал в карман. После его ухода в корзине для бумаг осталось много клочков с началами и концами «любовных писем», не лишенных жара, но изложенных несколько вычурным стилем «Руководства к писанию деловых и общественных писем».

Снова телефон. Бюро улучшения фермерства просит указать шесть лучших книг по сельскому хозяйству — в том числе одну обо всех видах хозяйства — для маленькой сельской библиотечки, — их хочет подарить библиотеке один из ее друзей. Кроме того, есть ли в библиотеке новые «Сельские сметы» и «Будущее хлопчатобумажного дела»? Библиотекарша на первый вопрос ответила «сегодня после обеда», а на второй «да» и в душе порадовалась, что своевременно заказала требуемую книгу. Порадовалась также, что не забыла девиза «Хлопчатые фабрики в хлопчатых штатах», когда один читатель потребовал у нее книг для справок о цене машин и обзаведения хлопчатой фабрики.

У прилавка появились три дамы. В городе шла ожесточенная летняя борьба между Бюро здоровья, которое настаивало на пастеризации молока, и Союзом молочных ферм, который доказывал, что его молоко безупречно и в пастеризации не нуждается. Самый крупный из женских клубов в городе принял участие в этом споре и прислал своих представительниц в библиотеку проштудировать вопрос. Вооружившись последними отчетами Американской врачебной комиссии по исследованию молока и молочными бюллетенями не-

утомимого Департамента Земледелия, они уселись за столик. Тем временем библиотекарша позвонила известному детскому врачу, спросила его мнение по данному вопросу и сообщила им в добавление к литературным материалам.

Только библиотекарша положила трубку, как к ней подошел рыжеволосый чужестранец. Он только что приехал из С. Луи. Полицейский на углу направил его в библиотеку и сказал, что «библиотечная барышня» научит его, как найти должность. Он родом из Одессы, пробыл в Америке два года, служил рассыльным, но готов на какую угодно работу. Его открытое лицо внушало доверие, и библиотекарша чувствовала, что и такой просьбы она не может оставить без внимания. Но как поступить? Она обвела взором читальню. За одним из столов, склонившись над новыми книгами по социологии, работал молодой еврей. Библиотекарша обратилась к нему за советом. Через минуту он звонил по телефону в еврейское благотворительное общество. Ему ответили: «Приезжий из Одессы? Хорошо. Пришлите его сюда. Мы уж его устроим...».

Эта страничка из дневника библиотекаря рисует ту «консультативную» работу читального зала библиотеки, важность которой понемногу начинала сознаваться и у нас, особенно в сельских местностях. Подобная работа испробована была в ряде библиотек Уфимской, Вятской, Ставропольской губ., и в земских материалах и отдельных статьях мы встречаем ценные наблюдения библиотекарей и дневники, по которым можно более или менее судить о запросах читателей. Побольше бы таких дневников — тогда мы значительно шагнули бы вперед, имели бы более твердую почву под ногами, чтобы библиотека могла активно помогать читателю. Такая помощь будет вполне действительной лишь тогда, когда она будет основываться на изучении читателя. Без этого условия принцип «все для читателя» не может быть осуществлен в полной мере.

«Чтобы показать, как и какие книги спрашивают крестьяне и как о них отзываются, приведу несколько отрывков из своего дневника», — пишет заведующая сельской библиотекой Ставропольской губ. *)

«Просьбы дать книги «потолще да получше», «чтобы не про одно», «про войну», «про старину», «божественную», «чтобы была полезна», «потешных рассказов», «Толстого в томах».

---

*) *Христолюбова, М. М.* Год работы в земской библиотеке-читальне. В брошюре «Работа в земских библиотеках-читальнях Ставропольского Губернского Земства». Ставр. 1917, стр. 15-16.

Девушка 17 л. — «Про любовь есть?»

Крестьянин 38 л. — «Дай книгу про героев войны».

Вагага хлопцев — «Дай потешную, про сказки, девок веселить».

Крестьянка лет 27 — «Мне листок, что баба на войну уходила».

Новобранцы разобрали все песенники «Посредника» после того, как я прочитала несколько песен.

Крестьянин 32 л. (запасной на очереди) — «Мне дайте что-нибудь, связанное с теперешними событиями». (Выбрал книги Огановского и Маслова).

Девчатам предлагаю Толстого «Упустишь огонь». «Не, не надо, это у нас ребята на кутке читали».

Старик 55 л., неграмотный — «Как книжку читают девки, так все до полуночи сидим, слушаем. Шурка читала, как Христа распинали, — бабы плакали».

Старик 52 лет — (по прочтении книги по географии Европы). «Лучше не нашел книги: на печке сидя, все узнаешь».

Крестьянин 24 л. — «Нету книг, каких надо, Толстой не допущен, а за границей печатают».

Крестьянин лет 36 — «Книги не учат, как лучше жизнь устроить, а в народе — неустройство. Там (в книгах) все про прошлое описывают, как да от кого кто произошел, как в старые времена жили. Чтобы понять, почему все не так, книги не говорят».

Солдатка — «С книжкой-то весело стало, раньше все думки о мужике, да о войне, нареवेशься вволю, а теперь вечер-то и не видишь».

Дедушка лет 60 — «Читайте, ребята, не зря, понимать книгу надо. Книга глаза открывает».

Женщина иногородняя (брала «Митюха — учитель»). «Эта книга очень интересная, если кто умен, да может разбирать».

Раненый солдат, прочитав из книги фразу «Россия борется за правду», отбросил книгу. «И в японскую войну то же говорили».

Десятский 36 л. — Прочитал Рубакина «О великих событиях разных времен и народов» — Вот она государственная-то необходимость, по 100 лет воевали, по 30 лет один город брали. До какого истощения доходили. А теперь что...».

Крестьянин 32 л., всегда посещал читальню, перечитал много книг по истории и социологии, книжку Рубакина «Как и почему появились люди на земле» не взял, говорит: «Мышь, крыса, обезьяна, человек, а произвела природа. Не читал об этом и не буду, чтоб вовсе не заблудился. Если это читать, то ничего, решительно ничего не останется, чему верить. По учению церкви —

солнце ходит, а по астрономам — земля. Чи святые ошибаются, чи наука?» — (Теперь он в тюрьме по обвинению в участии разгрома лавок).

Крестьянин лет 26, в церковь не ходит. Перечитал все мелкие толстовские рассказы. Всегда спрашивает, как я, заведующая, понимаю. Сам толкует иносказательно. Посмотрев книгу «Основы жизни» (биология), не взял: «Если, говорит, проследишь книги такие, то на будущую жизнь и не надейся, бери здесь, что нужно».

Крестьянин 35 л. — Значение книг отрицает, потому что в них больше прошлое описывается. Зато настольный кооперативный календарь оценил: «Календарь правдивая и самая нужная книга для нас: на 1-й случай все можно узнать. Указано, при каком государе что произошло, численность и какие столичные города, сколько фабрик, где и какие доходы, расходы, вывозы, привозы, садоводство, кормление, искусственное дыхание. — Все решительно помещено».

Мастеровой плотник. Много читал. — «Дай эту книгу («Освободители черных рабов») — Долгову — лавочнику, дюже хорошая книжечка, пусть Долгов прочитает, что на том свете перед Ним все равны будем, и бедные и богатые».

Выводов о духовных запросах крестьян делать нельзя. Очень они разнообразны. Громадным спросом, понятно, пользуются книги о войне; брошюру Огановского «Отчего загорелась Европейская война» читают нарасхват. спрашивают часто Гоголя, Достоевского и др. , спрашивают и книги по истории и общественным вопросам. Женская половина населения интересуется законом о воспрещении навсегда водки.

Некоторые из них, солдаток и девчат, только что научившись у меня же грамоте, начав с «Книжки-первинки», «Родных сказок», теперь читают Толстовские рассказы, «Жития Святых», а также беллетристические книжки изд. Слепцовой.

Наиболее сознательные, передовые брали даже «Новый колос», те №№, что я выбирала.

«Гожие» (новобранцы), с которыми я занималась больше других, и которые сами про себя говорили, что «читалки-то мы плохие», начинали читать со сказок Гримма, и лучшие из них дошли постепенно до Рубакинских книжек».

Не лишним будет упомянуть, что авторша этого дневника начала знакомить читателей с собою, принимая деятельное участие в деревенской жизни. Она ходила на молотьбу, просила дать ей работы, во время ужина читала вслух газеты, писала «адреса в плен» и т. д.

Только такими путями можно начинать пионерскую работу библиотеки, чтобы она не была простым складом книг, а сделалась необходимым культур-

ным фактором. Некоторые наблюдения библиотекарей в Вятской, Уфимской и Самарской губерниях напечатаны в гл. I моего «Руководства для небольших библиотек». Все-таки этих наблюдений пока еще немного у нас, и относятся они преимущественно к сельским библиотекам. Вообще же говоря, библиотеки в общей массе еще не дают тех материалов для изучения читателя, которые могли бы давать. И поневоле приходится ограничиться тем, чтобы выявлять лишь «туманный лик своего читателя», как выражается отчет воронежской публичной библиотеки за 50-летие ее существования.

В одном из отчетов азовской общественной библиотеки за последние годы есть указание на беспомощность читателя. «Можно подумать, что читатель *бродил с завязанными глазами*, случайно выхватывая книги то из того, то из другого места каталога». Недалеко ушел современный читатель азовской библиотеки от того, как читал Евгений Онегин:

Томясь душевной пустотой,
Уселся он с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой.
Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а все без толку. (А. С. Пушкин).

Указывая на беспомощность своего читателя, азовская библиотека считает необходимым оказывать ему содействие руководством и предпринять какие-нибудь шаги в этом направлении. И совершенно верно — такова обязанность библиотеки. К сожалению, большинство наших библиотек еще не пришло к этому сознанию и не в силах помочь читателю даже элементарным советом. А между тем как важно выяснить читателю, чтобы он не терял непроизводительно времени и не отчаялся в возможности чего-то достигнуть, хотя бы такие основные положения, которые дает Н. А. Рубакин^{*}).

Чтобы сделаться образованным и интеллигентным человеком, вовсе не требуется изучить десятки разных наук и перечитать многие сотни книг. Изучение многих наук и чтение многих книг еще не делает человека образованным и интеллигентным. Этой цели можно достигнуть гораздо проще, а именно, прочитав и изучив всего лишь 40-50 книг — страниц по 300 каждая — значит, около 12-15 тысяч страниц. Разумеется, таким способом можно положить лишь основной фундамент своему образованию, но уже этот фундамент дает человеку тот необходимый запас знаний, который позволяет считать его образованным. Изучить 12-15 тысяч страниц и к тому же основательно и в течение одного года — это значит читать и изучать лишь по 33-40

---

^{*}) Рубакин, Н. А. Как и с какой целью читать книги. М. «Земля и воля» 1918. 50 к.

страниц в день. Такое число страниц человек способный может одолеть, работая ежедневно часа по два, человек средних способностей — часа по 3–4. Человек же малоспособный может найти для себя книги поменьше и полегче, но по тем же предметам. На русском языке теперь имеется и продается много хороших книг, и из них всякий желающий может выбрать для себя как раз то, что ему нужно и что по силам.

Но самая суть работы над своим образованием заключается вовсе не в том, чтобы прочесть и изучить 12-15 страниц, а в том, как их прочесть и изучить; не в том, чтобы вложить их в свою голову, а в том, чтобы вложить их в свою душу, т. е. во все свое внутреннее существо так, чтобы они вошли и в плоть и в кровь.

Что же именно изучать для того, чтобы сделать из себя действительно образованного и интеллигентного человека? Необходимо, прежде всего, наметить для себя план своих занятий. Не следует смешивать три совершенно различные вещи: изучение наук, изучение книг и изучение жизни — это далеко не одно и то же. Одно дело знание и понимание самой жизни и совсем другое дело — наука и даже хоть целый ряд наук. И опять-таки совсем иное дело — та или иная книга по такой-то науке. Знакомство с научной книгой еще не дает знакомства с наукой, а знакомство с наукой еще не дает знания жизни. Главная и основная цель изучения — изучение жизни. Книга только средство — она вроде как искорка, зажигающая в нашей душе лишь то, что там успело накопиться до этого времени: в чьей душе нечему загораться, на того книга и не подействует. До тех пор, пока жизнь не наполнит душу необходимыми материалами, науки, как и книги — тоже только средства, орудия, инструменты для понимания жизни. Каждая наука старается изучать многостороннюю жизнь всего лишь с какой-нибудь одной стороны или с многих, например: физика — с физической, история — с исторической. Но ведь знание и понимание какой-нибудь одной стороны жизни — неполно и односторонне. Такое знание нередко лишь путает и сбивает тех, кому неизвестны другие стороны жизни и другие науки, их изучающие. Необходимо стремиться к разностороннему пониманию жизни. Читая какую-нибудь научную книгу, надо думать не о ней, а о жизни, о которой там идет речь. Изучая какую-нибудь науку, тоже надо иметь в виду жизнь. Действительно образованным и интеллигентным человеком надо считать не того, кто знает книги и науки, а того, кто знает жизнь и умеет в ней действовать.

Поэтому вести изучение жизни для начинающего гораздо удобнее не по наукам, а по областям жизни, а каждую область освещать светом возможно большого числа наук. Вот, например, наука о небесных светилах — астрономия. Но, чтобы понять небо, еще недостаточно знать одну только астро-

номию. Нужно знать и ее историю, то есть с чего началась эта наука, как она росла и как выросла. А история астрономии связана и с историей человечества, с его стремлениями, исканиями и страданиями, а также с историей суеверий, вероисповеданий, с успехами мореплавания и торговли. А точность астрономических наблюдений зависит от личности того ученого, кто наблюдает, изучает небесные светила, — значит от психологии, т. е. от науки о душе. Нельзя изучать агрономию, не зная физики, химии и множества других наук. А вот еще пример: сельский житель должен знать сельскую жизнь. Но как? Разносторонне, т. е. решительно со всех ее сторон, — не только жизнь растений и животных, но и хозяйственную сторону их разведения. Должен знать и законы государственные и местные, относящиеся к сельской жизни. И историю ее, и свойство души работника-пахаря, и отношения крестьян к помещикам, и к правительству, и к духовенству, и весь уклад в крестьянской жизни. Подобно этому следует изучать со всех сторон и все другие области жизни. Не следует изучать какую-либо одну науку, обходя все другие, потому что ни одну нельзя изучить помимо ее связи с другими. Понимание такой связи необходимо и для специалиста. Даже самый ученый специалист будет тем же неучем, если он, кроме своей специальности, ничего не знает и не понимает.

И, конечно, библиотекарь должен уметь помочь читателю не только руководящими принципами, но также их приложением к выбору книг. А для этого он непременно должен знать и психологию читателя, и книгу.

Наши писатели, публицисты и отчасти библиотекари сравнительно больше внимания всегда уделяли психологии читателя из народа. В литературе мы отчасти видим его эволюцию. Во времена крепостного права появляется такой читатель, как гоголевский Петрушка: «Ему нравилось не то, о чем читал, но больше самое чтение, что вот де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что значит».

Исключительно процессом чтения интересуется и Валентин в «Старых слугах» Гончарова, выбирая для этого мудреные и туманные фразы:

И зримо ей внезапно стало

Незримое с давнишних пор.

Глеб Успенский в рассказе «Голодная смерть» описывает, как бедный крестьянский мальчик Федюшка развивался, читая книги, несмотря на то, что «разбирал слова как Петрушка» и ровно ничего в них не понимал:

«Тайна такого непостижимого умения развиваться книгой, ничего в ней не понимая, заключается в том, что развитие тут идет не помощью ума или пониманья, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подает весть сердцу непонимающего «слова» чтеца. Кто и когда из самых завязтых знатоков писания понимал не только доподлинно, а так, хоть из пятого в десятое,

что такое читается в церкви, какая начетчица понимает, что такое написано в Псалтыре, который она зудит по годам? Что такое написано в Апостоле? Никто, никогда, ни один самый завзятый начетчик и грамотей крестьянского звания не мог и не может рассказать (разве что вызубривши дело дотла), о чем таком ему читают, но всякий знает, в чем дело, потому что сердцем понимает сердце автора, будь то царь Давид, Апостол, сам Христос... Скрытое в глубине и массе слов чувство, руководившее автором книги, только оно и улавливается слушателями или чтецом, и, уловив его, чтец или слушатель продолжают только чувствовать в данном сердцу направлении, думая о себе. Попробуйте спросить вот этого старого старика, всхлипывающего на печке от чтения Псалтыря, такого чтения, в котором никто ничего разобрать не может, потому что тут нет ни остановок, ни связи, тут разделяется пополам одно слово, а другой к последующему, — спросите этого плачущего старика, что такое растрогало его в этих, как разваленный плетень, натыканных его внуком словах? То, что он вам ответит, будет непременно годиться на горбуновский рассказ, непременно выйдет что-нибудь вроде: «наслежу, говорит, следов (плачет), а ты... гов... (плачет) говорит, по ним и ходи (рыдает)». Словом, выйдет непременно какой-нибудь смешной вздор. Сразу обнаруживший, что рыдающий старик глуп как пробка... А между тем, он рыдает теми же слезами, какими рыдал и царь... Сердце его так же мучается своими прегрешениями, как мучилось так же своими прегрешениями и сердце пророка... Оба одинаково страдают, каждый о своем... Старика передалось только направление книги; он только почувял, что мучился человек, который писал, и простое сердце отвечало слезами...».

В восьмидесятых годах впервые у нас применен был экспериментальный метод для изучения читателя из народа — как сельского, так и городского. Сделано это было кружком учительниц харьковской воскресной школы, составивших критический указатель «Что читать народу» и проверявших каждую разбираемую книжку и в городской, и в сельской среде. Цель этого обширного труда была ответить на спорный тогда вопрос, нужна ли народу особая специфическая литература, или он в состоянии воспринимать произведения общей литературы. Теперь этот «вопрос» давно разрешен, и указатель в свое время много содействовал его разрешению. Целого ряда книг, разобранных в «Что читать народу», уже не достать, вышло много других, и как библиографическое пособие он устарел, но для характеристики читателя городского и сельского он все еще дает массу интересного и ценного материала.

Особенности читателя из крестьянской и из рабочей среды следующим образом характеризует С. А. Ан-ский в своем прекрасном, к сожалению, распроданном труде «Народ и книга» (М. 1914).

«Разница в отношении к чтению крестьян и рабочих отчасти объясняется экономическим положением этих обеих категорий слушателей. В то время, когда крестьянин-домохозяин постоянно находится под гнетом мелких и крупных повседневных хозяйственных и общественных забот, — шахтер, в свободное от работы время, не имеет никаких «забот», ни личных, ни (большей частью) семейных, ни хозяйственных, ни общественных. Но этим, если можно так выразиться, экономическим фактором только отчасти объясняется различие в отношении крестьянского читателя и читателя рабочего к книге. Существует между ними еще различие психологическое, различие в характере и настроении.

Крестьянин менее впечатлителен и менее падок на сильные ощущения, чем рабочий. Он не прочь выслушать «занимательный» рассказ, но, как бы сложна и занимательна ни была сама фабула рассказа, она не захватывает деревенского солидного слушателя так сильно, как рабочего, и остается для него развлечением, забавой от нечего делать. Серьезно он начинает относиться к книжке только тогда, когда находит в ней что-нибудь полезное: поучение, указание как жить. В подобном отношении крестьянина к книге соединяется его обычная практичность с издавна сложившимся у него взглядом на книгу как на проповедь» (стр. 73).

Тонкую психологию восприятия книги читателем-рабочим мы встречаем у некоторых беллетристов, особенно у М. Горького. В рассказе «Коновалов» тонко очерчено, как реагирует на книгу герой рассказа, неграмотный солдат, пекарь, горький пьяница. Привожу несколько выдержек:

«Коновалов дремал, растянувшись на ларе с тестом, но шелест перевертываемых мною над его ухом страниц заставил его открыть глаза.

— Про что книжка?

Это были «Подлиповцы».

— Почитай вслух, а? . . . — попросил он.

И вот я стал читать, сидя на подоконнике, а он уселся на ларе и, прислонив свою голову к моим коленям, слушал. . . . Иногда я через книгу заглядывал в его лицо и встречался с его глазами — у меня до сей поры они в памяти — широко открытые, напряженные, полные глубокого внимания. . . . И рот его тоже был полуоткрыт, обнажая два ряда ровных, белых зубов. Поднятые вверх брови, изогнутые морщинки на высоком лбу, руки, которыми он обхватил колени, вся его неподвижная, внимательная поза подогревала меня, и я

старался как можно внятнее и образнее рассказать ему грустную историю Сысойки и Пилы.

Наконец, я устал и закрыл книгу.

– Все уж? — шепотом спросил меня Коновалов.

– Меньше половины...

– Всю вслух прочитаешь?

– Изволь.

– Эх! — Он схватил себя за голову и закачался, сидя на ларе. Ему что-то хотелось сказать, он открывал и закрывал рот, вздыхая, как мехи, и для чего-то защурил глаза. Я не ожидал такого эффекта и не понимал его значения.

– Как ты это читаешь! — шепотом заговорил он. — На разные голоса. Как живые все они... Апроська! Пишшит! Пила... дураки какие! Смешно мне было слушать..., но удержался. ... А дальше что? Куда они поедут? Господи Боже! Ведь это все правда. Ведь это как есть настоящие люди... всамделишные мужики... И совсем как живые и голоса, и рожи... Слушай, Максим! Посадим печь — читай дальше!

Мы посадили печь, приготовили другую, и снова час и сорок минут я читал книгу. Потом опять пауза — печь испекла, вынули хлебы, посадили другие, замесили еще тесто, поставили еще опару... — все это делалось с лихорадочной быстротой и почти молча.

Коновалов, нахмутив брови, изредка кротко бросал мне односложные приказания и торопился, торопился...

К утру мы кончили книгу, и я чувствовал, что язык у меня одеревенел.

Сидя верхом на мешке муки, Коновалов смотрел мне в лицо странными глазами и молчал, упершись руками в колени.

– Хорошо? — спросил я.

Он замотал головой, жмуря глаза, и опять-таки почему-то шопотом заговорил:

– Кто же это сочинил? — В глазах его светилось неизъяснимое словами изумление, и лицо вдруг вспыхнуло горячим чувством.

Я рассказал, кто написал книгу.

– Ну — человек он! Как хватил! А? Даже ужасно. За сердце берет, то есть щиплет душу — вот до чего живо. Что же он, этот сочинитель, что ему за это было?

– То есть как?

– Ну, например, дали ему награду или что там?

– А за что ему нужно дать награду? — спросил я.

— Как за что? Книга... вроде как бы акт полицейский. Сейчас ее читают... судят: Пила, Сысойка, какие же это люди? Жалко их станет всем... Народ темный, невинный. Какая у них жизнь? Ну и...

— И?..

Коновалов смущенно посмотрел на меня и робко заявил:

— Какое-нибудь распоряжение должно выйти. Люди ведь они, и нужно их поддержать...

— Что, у тебя есть книжка? — спросил Коновалов.

— Есть...

— Почитаешь мне?

— Ладно...

— Вот хорошо! Знаешь что? Проживу я месяц, возьму у хозяина деньги и половину — тебе!

— На что?

— Купи книжек... Себе купи, которые по вкусу там, и мне купи... хоть две. Мне, которые про мужиков. Вот вроде Пилы и Сысойки. ... И чтобы, знаешь, с жалостью было написано, а не смеха ради. ... Есть иные — чепуха совсем! Панфилка и Филатка — даже с картинкой на первом месте — дурость. Пошехонцы... сказки разные. ... Не люблю я это все. Я не знал, что есть этикие, вот как у тебя.

— Хочешь про Стеньку Разина?

— Про Стеньку? Хорошо?

— Очень хорошо...

— Тащи!

И вскоре я уже читал ему Н. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Сначала эта талантливая монография, почти эпическая поэма, не понравилась моему бородатому слушателю.

— А почему тут разговоров нет? — спросил он, заглядывая в книгу. И когда я объяснил — почему, он даже зевнул и хотел скрыть зевок, но это ему не удалось, и он сконфуженно и виновато заявил мне:

— Читай... Ничего. Это я так...

Но по мере того, как историк рисовал своей художественной кистью фигуру Степана Тимофеевича, и «князь волжской вольницы» выросал со страниц книги, Коновалов перерождался. Ранее скучный и равнодушный, с глазами, затуманенными ленивой дремотой, — он, постепенно и незаметно для меня, предстал предо мной в поразительно новом виде. Сидя на ларе против меня и обняв свои колени руками, он положил на них подбородок так, что его борода закрыла ему ноги, и смотрел на меня жадными, странно горевшими глазами из-под сурово нахмуренных бровей. В нем не было ни одной черточ-

ки той детской наивности, которой он всегда удивлял меня, и все то простое и женственно-мягкое, что так шло к его голубым, добрым глазам, теперь потемневшим и суженным, — исчезло куда-то. Нечто львиное, огневое было в его сжатой в ком мускулов фигуре. Я замолчал, взглянув на него.

— Читай, — тихо, но внушительно сказал он.

— Ты что?

— Читай! — повторил он, и в тоне его вместе с просьбой звучало раздражение.

Я продолжал, изредка поглядывая на него и видя, что он все более разгорается. От него исходило что-то возбуждавшее и опьянявшее меня — какой-то горячий туман. И вот я дошел до того, как поймали Стеньку.

— Поймали! — рявкнул Коновалов.

Боль, обида, гнев, готовность выручить Степана звучали в его сильном взгляде.

У него выступил пот на лбу, и глаза странно расширились. Он соскочил с ларя, высокий и возбужденный, остановился против меня, положил мне руку на плечо и громко, торопливо заговорил:

— Погоди! Не читай. ... Скажи, что теперь будет? Нет, стой, не говори! Казнят его? Читай скорей, Максим!

Можно было думать, что именно Коновалов, а не Фролка — родной брат Разину. Казалось, что какие-то узы крови, неразрывные и не остывшие за три столетия, до сей поры связывают этого босяка со Стенькой, и босяк со всей силой живого, крепкого тела, со всей страстью тоскующего без «точки» духа, чувствует боль и гнев пойманного триста лет тому назад вольного сокола.

— Да читай, Христа ради!

Я читал, возбужденный и взволнованный, чувствуя, как бьется мое сердце, и вместе с Коноваловым переживая Стенькину тоску. И вот мы дошли до пыток.

Коновалов скрипел зубами, и его голубые глаза сверкали, как угли. Он навалился на меня сзади и тоже не отрывал глаз от книги. Его дыхание шумело над моим ухом и сдувало мне волосы с головы на глаза. Я встряхивал головой для того, чтобы отбросить их. Коновалов увидел это и положил мне на голову свою тяжелую ладонь.

«Тут Разин так скрипнул зубами, что вместе с кровью выплюнул их на пол...».

— Будет!... К черту! — крикнул Коновалов и, вырвав у меня из рук книгу, изо всей силы шлепнул ее об пол и сам опустился за ней.

Он плакал, и так как ему было стыдно слез, он как-то рычал, чтобы не рыдать. Он спрятал голову в колени и плакал, вытирая глаза о свои грязные тиковые штаны.

Я сидел перед ним на ларе и не знал, что сказать ему в утешение.

– Максим! — говорил Коновалов, сидя на полу. — Страшно! Пила... Сысойка. А потом Стенька... а? Какая судьба! Зубы-то как он выплюнул!.. а?

И он весь вздрагивал в своем волнении.

Его особенно поразили эти выплюнутые Стенькой зубы, и он то и дело, болезненно передергивая плечами, говорил о них.

Мы оба с ним были как пьяные, под влиянием вставшей пред нами мучительной и жестокой картины пыток.

– Ты мне еще раз прочитай, слышишь? — уговаривал меня Коновалов, подняв с пола книгу и подавая ее мне. — А ну-ка, покажи, где тут написано насчет зубов?

Я показал ему, и он впился глазами в эти строки.

– Так и написано: «Зубы свои выплюнул с кровью»? А буквы те же самые, как и все другие... Господи! Как ему больно-то было, а? Зубы даже... а в конце там что еще будет? Казнь? Ага! Слава Те, Господи, все-таки казнят человека!

Он выразил эту радость перед казнью с такой страстью, с таким удовлетворением в глазах, что я вздрогнул от этого сострадания, так сильно желавшего смерти измученному Стеньке.

Весь этот день прошел у нас в странном тумане: мы все говорили о Стеньке, вспоминая его жизнь, песни, сложенные о нем, его пытки. Раза два Коновалов запевал звучным баритоном песни и обрывал их.

Мы с ним стали еще ближе друг к другу с этого дня».

Мастерски очерчивает М. Горький стремление очень обездоленных людей уйти от неприглядной жизни в мир фантазии. В рассказе «Болесь» падшая девушка создает себе иллюзию, что ее любит какой-то не существующий молодой человек Болесь, и диктует письма к нему и от него к себе. Такими же фантазиями упивается Настя в пьесе «На дне». Она искренно страдает оттого, что ее этим поддразнивают, и глубоким драматизмом звучит ее фраза: «Что, понял теперь, каково человеку, когда ему не верят».

Эта потребность забыться и унести в другой мир составляет психологическую основу увлечения лубочной литературой. Гл. Успенский рассказывает о том, как он, сидя в захолустье, с увлечением читал длиннейший лубочный роман «Рокамболь».

«Я понял в эти минуты, почему нелепый, ничего живого не заключающий в себе французский роман маленьких газеток с такою жадностью читается

бедным рабочим классом; более ужасное одиночество, в которое поставлен европейский рабочий, трудно себе представить; революция, уверив его, что он — не скот, а человек, все-таки до сей минуты не дала ему уюта, а оставила одного среди пустой площади и сказала: «ну, брат, теперь живи, как знаешь». Кругом него все чужие — и вот почему Рокамболь, сто раз умирающий, сто раз воскресающий, может заставлять грустить и радоваться одинокое сердце... Пожалуйста, господа романисты, берите краски для романов, которые пишете вы рабочему одинокому человеку, еще гуще, еще грубее тех, какие вы до сих пор брали... Одиночество человека становится все ужаснее, судьба загоняет его все в более и более темный угол, откуда не видно света, не слышно звуков жизни... Бейте же в барабаны, колотите что есть мочи в медные тарелки, старайтесь представить любовь необычайно жгучею, чтобы она в самом деле прожгла нервы, так же в самом деле сожженные настоящим, заправским огнем. Не церемоньтесь поэтому, господа дешевые романисты, рисовать все, что есть хорошего в жизни, самыми аляповатыми красками, доводить черты красивого, великого до громадных размеров, чтобы нам было видно их из такой страшной дали... Следуя этому плану, господа нелепые романисты могут быть уверены, что их Рокамболь может воскресать сто тысяч раз и всякий раз его примут с распростертыми объятиями... Он, в этой тьме одиночества — друг и приятель, вокруг которого жизнь кипит ключом, как вода вокруг парового колеса; возможно ли с ним расстаться когда-нибудь?».

В рассказе В. Вересаева «На повороте» рабочий Балугев, выучившийся читать уже взрослым ради того, чтобы самому одолевать «французские романы», так передает свое впечатление от этой книги и сложившееся отношение к ней:

«Помню, читал я «Рокамболя»; два тома прочел, а дальше не мог достать; уж такая меня взяла досада! Что с ним дальше, с этим Рокамболом, случится? Хоть иди на деньги покупай книжку, ей Богу!.. Ну, ладно. Прошло года четыре. Уж Добролюбова прочел, Шелгунова, Глеба Успенского. Вдруг попадаете мне продолжение... Желанный! Забрал я книжку домой, думал уж ночь не посплю, а прочту. Стал читать — пятьдесят страниц прочел и бросил. Такая глупость, такая скучища! А все-таки добром я ее помяну всегда, — она меня читать научила. Эти Рокамболы, вы знаете, они большое дело делают!..

С этим интересно сопоставить следующее наблюдение библиотекаря Бакалинской библиотеки Уфимского уезда:

«Крестьянам скучны рассказы из крестьянского быта, если только они не задевают особо острых вопросов их жизни или написаны, по их мнению, интересно, т. е. быстро развивается действие, отсутствуют длинные рассужде-

ния, и есть сильно драматические эффекты; особенно ценится крестьянами первое и последнее. На основании последних замечаний становится для нас несколько понятным господствовавший до сих пор на рынке спрос крестьянина на все эти «Тайны испанского двора», в которых сложная интрига романа может держать в постоянном напряжении его внимание и в которых резко и выпукло очерчиваются примитивные чувства, близкие и понятные даже бакалинскому мужику, хотя они и приписываются испанскому гранду. Крестьянская жизнь весьма бедна впечатлениями, и на этой-то почве создается у крестьян стремление найти их хотя бы в дурмане всяких тайн. И эту потребность в сильных впечатлениях всегда приходится учитывать при первых выдачах книг начинающим читателям; только вместо различных «тайн» обыкновенно им выдаются вполне приличные романы, сильно бьющие на чувства».

В библиотеках интересно собирать материал не только по индивидуальной, но и по коллективной психологии читательства, изучая нарастание и падение читательских интересов, «моду» на какую-нибудь книгу или какого-нибудь писателя и проч. Для этого можно было бы широко использовать данные библиотечной статистики, конечно, не ограничиваясь только цифрами, а давая им пояснение и освещение. Привожу одну из попыток такой характеристики для периода 1906-1908 гг., сделанную в отчете Екатеринодарской Пушкинской библиотеки:

«1905 и 1906 гг. были расцветом по отношению спроса книг в библиотеке по общественным вопросам, а особенно: по народовластию, конституционному праву и аграрному вопросу.

В 1906 г. книга сочин. А. Лоуэлль «Правительства и политические партии в Европе» требовалась 620 раз; сборник «Мелкая земская единица» — 540, сочин. Б. Чичерина «Вопросы политики» — 590; Ягцов «К освещению социального вопроса» — 603, К. Каутский «Аграрный вопрос» — 570, К. Маркс «Капитал» — 430, В. Железнов «Очерки политической экономии» — 590.

В 1907 г. эти книги имели уже следующий спрос: Лоуэлль — 150, «Земская единица» — 75, Ягцов — 205, Каутский — 340, Маркс — 400, Железнов — 400.

Но зато в этом году вышедшие в свете сочин. Бакунина — 703; Л. Черный — 514, Кенан — 600, Дебогорий-Мокриевич — 530, Дейч, Л. — 605, Тун — 480, Штирнер — 630, Фор — 590.

С 1907 г. в громадном количестве спрашиваются русские классики, их критики и всевозможные пособия по истории и истории литературы, как-то: Овсяннико-Куликовский, Иванов-Разумник, Скабичевский, Писарев, Белин-

ский, Чернышевский, Незеленов, Ключевский, Грушевский, Довнар-Запольский, Милюков, Семевский, Пыпин, Кареев.

Это объясняется тем обстоятельством, что с этого приблизительно времени в местных средне-учебных заведениях расширена программа по истории и истории литературы, и от учащихся потребовали детального знакомства с сочинениями вышеприведенных авторов. До своего апогея спрос как на русских классиков, так и на их критиков дошел к концу 1908 г.

Л. Н. Толстой в 1906 г. был взят из библиотеки — 900 раз, в 1907 г. — 1200, в 1908 г. — 2500; И. С. Тургенев в 1906 г. — 700, в 1907 г. — 1000, в 1908 г. — 1100; И. А. Гончаров в 1906 г. — 750, в 1907 — 1050, в 1908 — 2400; Ф. М. Достоевский в 1906 г. — 500, в 1907 г. — 980, в 1908 г. — 1700. На сочинения Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина» спрос так велик, что, несмотря на то, что эти труды в библиотеке имелись в девяти экземплярах, желающих получать по очереди всегда числилось от 150 до 200 человек.

1907 г. и первая половина 1908 г. вызвали огромный спрос среди детей на сочинения Конан-Дойля «Похождения Шерлока-Холмса». Все дети спрашивали лишь эти книги, хотя в библиотеке они имеются в весьма ограниченном количестве; но во второй половине 1908 г. спрос на эту литературу прошел, и дети опять стали зачитываться сочинениями Майн Рида, Купера, Жюль Верна, Эмара, Вальтер-Скотта, Мамина-Сибиряка, Авенариуса, Желиховской, Алтаева, Анненской.

1908 г на книжный рынок выбросил еще в другом духе литературу, это литература половой этики и половых проблем.

В начале года на книгу Фореля «Половой вопрос» поступало ежедневно до 300 требований, в конце же года на книгу Веннингера «Пол и характер» поступало до 350 требований.

В это же время в громадном количестве поступало требований на сборники: «Шиповник», «Жизнь» и «Земля». Особенно № 1-й «Жизни», благодаря повести Куприна «Морская болезнь», имел большой спрос: до ста в день.

И ранее популярная Вербицкая, с конца 1907 г. принявшаяся в своих романах затрагивать сексуальные вопросы, теперь достигла апогея своей литературной славы. Ее роман «Дух времени» побил рекорд, — ни одна книга в течение пяти лет не имела такого спроса, как этот роман, — 700 требований иногда в день».

К сожалению, обычно у нас ограничиваются в библиотечных отчетах только цифрами, которые при несовершенной постановке статистики далеко не всегда являются надежными. Кроме того, у нас нет единства в системе библиотечных работ, и потому сопоставление и свodka данных довольно за-

труднительны. И с большою осторожностью надо относиться к тем выводам, которые делаются на основании несовершенных, неполных и малочисленных статистических данных. В статистике важно именно количество наблюдений, потому что лишь при массовом наблюдении, на основании «закона больших чисел», устраняются случайности, которые могут исказить действительность и вести к ошибочным заключениям.

На Лейпцигской международной выставке 1914 г. Петроградское общество библиотековедения поместило диаграмму под названием «Духовные запросы в городе и селе». Здесь были цифры, показывающие, что в сельских библиотеках читается значительно больше научных книг, чем в городских. Когда в прессе было отмечено, что это — парадокс, и поставлен вопрос, на основании каких данных сделан такой вывод, общество библиотековедения ответило в «Библиотекарь», что данные взяты по Уфимской губ., но могут быть признаны характеристичными для всей России. Незадолго перед тем вышла брошюра, в которой суммировалась деятельность нескольких десятков сельских библиотек и восьми библиотек для служащих земства по названной губернии. Разумеется, этих данных слишком мало, и библиотеки для «третьего элемента», широкой публике недоступные, не показательны для деятельности городских библиотек, и Уфимская губерния тоже не показательна для всей России. Поэтому диаграмма, выставленная обществом библиотековедения, делавшая выводы для всей России на основании такого материала, который ни по количеству, ни по качеству для этих выводов не был достаточным, без пояснения и освещения, представляет типичный образец неправильной статистики. Взяты несоизмеримые данные: сельские публичные и городские непубличные библиотеки, малое и совершенно случайное число тех и других, и, наконец, не указано, что в сельских библиотеках под научными книгами разумеют популярные брошюры и переходные полубеллетристические сочинения, тогда как в городских состав научных отделов содержит более серьезные и более трудные книги.

Незадолго перед тем г-н Жулев^{*)} в том же вопросе пришел к аналогичному выводу, благодаря той же неправильности метода: он взял данные нескольких сотен сельских библиотек и трех десятков городских библиотек, из которых вдобавок значительная доля упала на петербургские городские библиотеки, которые не могли похвалиться хорошей постановкой. Из этих случайных данных он также сделал вывод, что в сельских библиотеках читатель проявляет больше интереса к научным отделам, чем в городских (опять-таки не указывая, что разумеется под научной книгой в селе).

---

*) Современный читатель из народа. «Русск. Школа». 1912, IX и X.

Такой же произвольностью отличаются выводы г-на Медынского о деятельности сельских библиотек, которые помещены в его книге «Внешкольное образование» 3 и 4 изд. Он сводит в одной табличке данные о библиотеках 18 губерний за 1909-1911 гг. (т. е. одни отчеты на 1909, другие за 1909/10, третьи за 1911), а в другой — данные о библиотеках 15 губерний за 1912-1915 гг. Иные губернии представлены только двумя, тремя уездами, но самое главное, что: 1) данные взяты *не одновременные*, так что сопоставление является искусственным; 2) что в обеих таблицах губернии взяты *не одни и те же*. В первой таблице есть сведения о Вятской, Ярославской, Тамбовской, Владимирской, Воронежской, Вологодской, Полтавской губ., которые совершенно не представлены во второй таблице, зато во второй упомянуты Нижегородская, Ставропольская, Уфимская, Черниговская губ. и некоторые уезды, которых вовсе нет в первой. И все-таки автор считает возможным делать *сопоставления* из несоизмеримых таблиц, напр., «на одну библиотеку приходится 132 читателя против 146 в 1909-1911» и т. д. Разве же есть какое-нибудь основание утверждать, что это — *надежные* числа читателей? Ведь во второй таблице отсутствуют губернии с большим развитием библиотечного дела — вот уже и неминуемая разница. И нет никакого сомнения, что если бы для обследования взята была, как полагается, *единовременная картина*, а не мозаика за разные годы, то результат тоже получился бы иной.

Изучение читателя и психологическое, и статистическое должно лечь в основу библиотечной работы, смысл которой — «все для читателя», но изучение должно вестись научно и правильно, а такая «статистика» далека и от научности, и от правильности.

ХII.

Библиотекарь — душа дела

Для того чтобы библиотека выполняла свою высокую культурно-социальную миссию, необходимо, чтобы она была живым организмом, а организм может быть живым лишь тогда, когда в нем есть душа.

Душой библиотеки, той живой силой, которая приводит в движение все ее органически связанные между собой части, является библиотекарь.

Роль библиотекаря весьма значительна. Помогая чтению, он помогает развитию, формированию мыслей, выработке миросозерцания. Он — руководитель и учитель, но перед ним не однородная группа учащихся и не заранее предопределенная программа, которую он должен выполнять: сфера его влияния простирается на людей самых разнообразных типов, подготовки, воз-

раста, развития, а работа его дает широкий простор для творчества и инициативы.

Всякому, в ком горит огонек энтузиазма, у кого есть общественная жилка, кто сам любит и ценит книгу, и хочет этой любовью «заразить» других людей, кто стремится к созидательной и не шаблонной работе, библиотечная деятельность даст большое удовлетворение. И в свою очередь тот, кто обладает перечисленными особенностями, внесет в библиотеку живую струю, создаст очаг культуры, который принесет большие результаты.

У нас еще не так давно смотрели на библиотекаря как на механического «выдавателя книг» и от него не требовали ничего, кроме грамотности и некоторой аккуратности. Восемь лет тому назад, производя анкету среди русских публичных библиотек, я пыталась определить, между прочим, кто ими руководит. Выяснилось, что среди библиотекарей и в те времена были люди просвещенные и идейные, которые шли работать в библиотеку бесплатно или за грошевое вознаграждение как общественные деятели. Те же, которые поступали в библиотеку ради заработка, в виду ничтожности существовавшего вознаграждения, не могли вербоваться из достаточно образованных и подготовленных людей. Одна из библиотек сетовала, например, что «нельзя за 25 руб. найти человека, который отдавал бы всю душу делу». Наконец, иные библиотеки сознательно довольствовались малокультурной силой. Так в Новороссийске хорошая по составу городская библиотека, в основу которой легла книжная коллекция одного профессора с рядом иностранных сочинений, много лет объединяла в лице малограмотного отставного солдата две должности: сторожа и библиотекаря, с вознаграждением в 25 руб. за обе.

Из одной библиотеки уездного города Черниговской губ. в ответ на свою анкету я получила такое письмо: «Получив вашего благородия письмо, в котором вы просите уставы и обряды нашей библиотеки, я очень ими заинтересовался, принял его во внимание и записал в книгу исходящих и неисходящих бумаг. ... То каждая библиотека должна иметь себе помощника, то я хочу быть вашим помощником в еренной вами библиотеке» (сохранена орфография подлинника). Далее автор письма сообщает, что он получает 10 руб. в месяц...

В Московской губернии для сельских библиотек приглашали девочек, окончивших начальную школу, с оплатою труда 10 руб. в год. Повсеместно в России преобладали сельские библиотеки «пришкольные», и заведовали ими учителя даром или почти даром. Конечно, учитель, обремененный своей текущей работой, занимался библиотекой «между прочим», не мог уделять ей

достаточно времени и сил, а когда он уезжал на каникулы, то библиотека должна была закрываться.

Таково было в общих чертах заведование библиотеками, но в последние годы взгляд стал изменяться, эволюционировать. В общественное мнение начала внедряться мысль, что реформа библиотеки возможна только через библиотекаря. «Библиотекарь — тот рычаг, который может сдвинуть библиотеку с мертвой точки», — провозгласило Оренбургское земство. «Библиотеке нужны библиотекари, а не магазинные барышни», — так формулировала свои требования одна из довольно больших городских библиотек.

А наряду с этим в некоторых библиотеках коллегия идейных и культурных библиотекарей сама показала, как может расцвести библиотечная работа при надлежащих руководителях.

Можно смело утверждать, что лозунг библиотечного движения должен гласить: «к новой библиотеке через библиотекаря».

Сейчас мы видим со всех сторон, что библиотекарям назначают вознаграждение во много раз больше прежнего — 300, 400, 500 руб. в месяц — и потому именно, что стали ценить в библиотекаре культурного руководителя.

Чтобы руководить культурным учреждением, нужно, конечно, обладать солидной общеобразовательной подготовкой и начитанностью. Но еще и этого недостаточно: библиотекарь должен обладать некоторыми специальными знаниями, необходимыми для его профессии. Ему нужно понимание общественного значения библиотеки, знание книг, знание читательской среды и психологии, знакомство с методами и техникой библиотечной работы и с организацией самой библиотеки.

Человек интеллигентный, с общественными стремлениями, сможет приобрести эти знания, изучая специальную библиотечную литературу и практикуясь в какой-нибудь хорошо поставленной библиотеке. В библиотеке он, однако, ознакомится лишь с теми приемами, какие в ней применяются. Для обобщений и выработки более широкого взгляда на библиотеку полезнее прослушать библиотечные курсы.

Первые библиотечные курсы в России возникли в 1913 г. в Москве, в Университете Шанявского. С тех пор ежегодно весной Университет Шанявского устраивает краткосрочные (4-6 недель) курсы по библиотечному делу. В 1917 и 1918 г. библиотечные курсы организованы были также в Одессе и в Харькове.

На многочисленных курсах по внешкольному образованию в последние 2-3 года обыкновенно читается коротенький курс по библиотечному делу. Необходимо, однако, оговориться, что такой эпизодический курс может лишь

дать некоторую ориентировку, познакомить с широтой задач библиотеки и с глубиной библиотечного движения, вдохновить на библиотечную работу. Он может показать, насколько необходима подготовка библиотекаря, и послужить преддверием специально библиотечных курсов. Но, конечно, дать настоящую подготовку библиотекаря несколько лекций и практических занятий не могут.

Даже краткосрочные курсы недостаточны, чтобы дать подготовку более углубленную. За границей для этой цели существуют специальные школы, у нас же таких школ еще нет. Однако потребность в подготовленных работниках на более ответственные должности (инструкторов, преподавателей библиотечного дела и заведующих более крупными библиотеками) очень велика.

Идя навстречу этой потребности, Университет Шаняевского проектирует открыть осенью 1918 г. одногодичные курсы по библиотечному делу. Университет имеет необходимые вспомогательные учреждения — обширный библиотечный музей и показательную библиотеку для практических занятий, и ему, как положившему начало профессиональной подготовке библиотекарей в России, естественно было взяться и за организацию долгосрочных курсов по библиотечной специальности.

Устройство длительных библиотечных курсов в ближайшее время едва ли было бы возможно в разных местах как потому, что лекторских сил в России по этой специальности мало, так и потому, что оборудование годичных курсов требует больших затрат. И было бы рационально, если бы организации, которым нужны подготовленные библиотечные деятели, поступали так, как решил поступить внешкольный отдел Московского Губернского совета (бывшего губернского земства). Он постановил войти в контакт с Университетом Шаняевского и внести в Университет полностью сумму, которая потребуется по смете на обучение 10–12 слушателей (годичные курсы рассчитаны на комплект в 50 слушателей), и, кроме того, взять на себя расходы по командировке этого числа слушателей от Московской губернии^{*}). Участвуя таким образом в организационных расходах по годичным библиотечным курсам, Внешкольный Отдел М. Г. С. обеспечивает себе подготовку деятелей при гораздо меньших затратах, чем если бы пришлось самостоятельно устраивать подобные курсы, а Университету Шаняевского материальное участие организации даст возможность осуществить курсы, для которых нужны специальные средства.

---

^{*}) «Себестоимость» обучения одного слушателя обойдется Университету приблизительно 1000 руб. в год.

Много может достигнуть работник, проникнутый «библиотечным духом», даже в глухом углу, даже тогда, когда ему приходится встречаться с серьезными препятствиями. В виде иллюстрации, приведу доклад о работе в сельской библиотеке Оренбургской губернии, сделанный слушательницей библиотечных курсов Университета Шаняевского Л. Н. С-ой в 1917 г. Это — человеческий документ, в котором вибрирует душа общественного деятеля «Божьей милостью».

«Я начала свою работу с народом в качестве учительницы в глухой деревне Оренбургской губернии. Три года, проведенные мною в деревне, показали мне всю трудность борьбы с темнотой, суевериями, а, главное, глубоким скрытым недоверием к интеллигенции. Эти три года открыли мне глаза на мою неподготовленность, на все убожество знаний, которые принесла я в деревню. А главное — доказали, что можно быть полезным работником в крестьянской среде лишь тогда, когда идешь сознательно и добровольно в их среду. Идешь с полной готовностью разделить их быт, оторванность от культуры и однообразие тяжелого трудового существования; разделить для того, чтобы в атмосфере полного равнодушия (а местами и враждебного отношения к просвещению) открыть новые горизонты, пробудить желание учиться. Надо идти в деревню тогда, когда душа будет на месте, с интересами народа. А когда она полна еще жажды личных переживаний, когда ее тянет в среду культурных людей со всем богатством их духовной жизни, тогда пользы от работы в деревне будет мало. Тоска, оторванность от родных по духу людей, вся серость обстановки, первоначальная замкнутость или, вместо широкого доверия, традиционная неискренняя приветливость крестьян погасят энергию, убьют инициативу, и человек принесет меньшую долю пользы, меньшую, чем принес бы он при других условиях. Именно так бессознательно и недобровольно пришла я учительницей в деревню. И через три года ушла с глухой неудовлетворенностью, с тяжелым сознанием всей микроскопичности принесенной пользы в сравнении с затраченным капиталом энергии и веры в жизнь. Но кроме этого горького осадка, я унесла из деревни и большой плюс: некоторое знание деревенского люда и опыт работы в среде его. Когда через несколько лет, перебродив и успокоившись, а главное уже сознательно и добровольно я вернулась в деревню в качестве библиотекарки в земской библиотеке, мой первоначальный опыт несколько помог мне.

Открытие земской библиотеки в селе, где служу я, совпало с войной, с отрезвлением народа. Освобожденный от пьяного угара, ум русского мужика потребовал пищи, и отношение к работникам умственного труда сделалось лучше. Много способствовали этому новому отношению условия,

связанные с войной. Хотелось перекинуться весточками с близкими на фронте, прочитав о войне, а грамотных мало. Особенно подчеркивалась эта беспомощность присутствием в селах нашей Оренбургской губернии военнообязанных, подданных воюющих с нами держав. Грамотность этих людей, хорошее знание многих ремесел, умение сделаться полезными для крестьян своими разнообразными знаниями невольно импонировало крестьянам и вызывало некоторый дух соревнования. Перед крестьянами был наглядный пример выгоды грамотности, ученья, развития. И крестьяне для себя захотели доли просвещения, хотя бы только грамотности. Явился спрос на школу. Повсеместно по деревням стали просить открытия школ, жаловаться на отсутствие учителей. Крестьяне захотели научиться читать и писать. Но что могла читать деревня, какие книги проникали в нее? Те ужасные издания для народа, которые продаются на базарах, ярмарках сел, деревень и уездных городов: «Монах-вампир», «Чертов лог», «Мир таинственного», «Волшебная книга», «Антонио Порро, грозный мститель», «Как русский мужик у немца отелился» и т. д. Я даю подлинные названия книг, приобретенных мною у крестьян для коллекции макулатуры, которую я собираю. Могли ли эти книги пробудить любовь к чтению и веру в пользу его? Нет, надо было изгнать эти плевелы литературы из круга народного чтения, необходимо было начать борьбу с этим систематическим развращением вкуса народного. Надо было принести в народ другую книгу, заставить читать ее, чтобы эта другая книга защитила крестьян от них самих. До ее появления в деревне оставались неизжитыми духовные силы и порождали только зло. Крестьянство оставалось все той же темной, невежественной массой, которая, по словам Некрасова, «...до смерти работает, до полусмерти пьет». А так как пить до полусмерти было уже нечего, то силы уходили в разврат, кулачество и азарт. Жили, подчиняясь рабски, не раздумывая, преступному государственному устройству страны. Это устройство отнимало у них большую часть материального благосостояния, сажало на их привычные шеи несметное количество тунеядцев, отнимало у них и вело на убой их сыновей, а если возвращало этих сыновей обратно, то не прежними здоровыми деревенскими мужиками, а замученными муштрой, развращенными поверхностным знанием городского быта, извращенными понятиями этого быта и в большинстве зараженными скверными болезнями. Чтобы осветить весь ужас, всю преступность покорности такому порядку вещей, нужна была книга и работник этой книги, пропагандист ее. Школа была уже принята народом. Учитель мог пропагандировать книгу, но перед учителем стояла громадная задача обучить массу крестьян грамоте, втиснуть в трехлетний срок обучения весь запас самых необходимых знаний. Работа, требующая

всех сил, всей энергии, всего огня человеческого духа. А чтобы продолжить начатое, дать пищу уже грамотному мужику, нужны были другие люди, специально посвятившие себя книге, «имеющие особую сноровку в ней». Так пишет Рубакин, и так требует жизнь. И на это требование явились мы, сельские библиотекари. Большинство из нас пришло с горячим желанием работать, с глубокой убежденностью в необходимости этой работы. Но одного желания оказалось мало. Приходится пропагандировать книгу среди народа, не имеющего любви к чтению, считающего его забавой от безделья, оценивающего книгу по степени занимательности ее фабулы. Вот в этом равнодушии к книге, во взгляде на нее, как на развлечение, не заслуживающее уважения, скрывается главная трудность работы библиотекаря в деревне.

Полная лучших намерений и самых горячих надежд на то, что увеличение процента грамотных среди крестьян приведет их толпами в мою библиотеку, явилась я в деревню. Но оказалось, что популярность школы в деревне совсем не является условием такой же популярности библиотеки. А между тем условия открытия ее в местности, где служу я, были более благоприятны, чем где-либо. Дело в том, что идею открытия библиотеки дал крестьянам учитель земской школы, вышедший сам из их среды, сын местного крестьянина. Он был инициатором открытия в селе Кредитного Товарищества и кооперативной лавки. Так как оба эти начинания наглядно показали свою полезность, то из уважения к человеку, устроившему их, так сказать, по доверию к нему, крестьяне согласились просить земство об открытии у них библиотеки. Кроме того, вновь открытая библиотека должна была обслуживать два села, соединенных вместе. Население одного из этих сел составляют сектанты, евангелические христиане. Среди крестьян сектантство всегда носит отпечаток книжности. В пропаганде своих религиозных убеждений они не могут пользоваться словом, ввиду бедности своего языка, поэтому они пользуются книгой, книжными убеждениями, книжными словами. Разумное требование их, чтобы священные книги употреблялись на русском, а не церковно-славянском языке, сделало доступной и привычной для них Библию. Правда, это была лишь одна книга, которую они любили, но для библиотеки являлось благоприятным уж то обстоятельство, что все они грамотны и привыкли читать. Получив все эти сведения о местности, в которой я должна была служить, я была убеждена, что библиотеку и меня примут с распростертыми объятиями. В конце сентября, накануне праздника, приехала я в с. Самарское Орского уезда Оренбургской губернии. Сразу на въездной квартире, где я остановилась, вылили на меня немного холодной воды. Узнав, зачем я приехала, хозяйка квартиры спросила, что значит библиотека. Я объяснила. Она очень спокойно и уверенно сказала: «Может ребятишки будут бегать, а нам

некогда пустяками заниматься. Мужиков мало дома осталось, а работы хватает. Да мы, бабы, неграмотные, а которые грамотные, некогда им в книжку читать. Газеты в праздник про войну еще можно...». Потом она поинтересовалась узнать, сколько жалования я буду получать в месяц. Узнав, что целых 40 рублей в месяц, она покачала головой и сказала: «Это только за то, чтобы книжки выдавать, 40 рублей?! Да у нас их и в школе дают. А тут еще квартиру надо нанимать, сторожа. Вот как деньги-то бросают!» На другой день я попросила сельского старосту известить народ, что будет чтение. Предварительно пришлось испросить у местного священника разрешение воспользоваться для этого единственным удобным зданием в селе церковно-приходской школы. Он милостиво разрешил, даже в церкви после обедни объявил народу о предстоящем чтении. К сектантам я тоже послала извещение. И к вечеру из двух смежных школ пришли ко мне на чтение всего девятнадцать человек, в числе которых большинство были школьники. А по возвращении из школы я услышала от квартирной хозяйки несколько приятных мнений, относительно моей деятельности и личности: «Бабы говорят, кормиться к нам приехала. В городе-то их больно много, вот и едут в деревню читательщики да агрономы разные».

Не буду останавливаться на описании всех моих злоключений. Квартиру я нашла не сразу. За помещение для нового непонятого учреждения ломали крестьяне совсем невозможную цену. В конце концов, квартира все же была снята недурная, но очень холодная. Несколько дней просидела я, тщетно ожидая посетителей. Книжное богатство мое заключалось в 126-ти книгах. Понятия о библиотечной технике у меня были самые примитивные. Я устроила так, как велось у меня в пришкольной библиотеке. Записала все свои 126 книг в одну тетрадь, завела другую, общую для всех читателей, и стала ждать читателя; он не являлся. Мне становилось не по себе. Но пришли доброжелатели. Я уже говорила, что до меня работал в селе учитель, призванный теперь на военную службу. Брошенные им ростки не заглохли. В потребительной лавке и кредитном товариществе нашлись люди, работавшие с ним и понимавшие хоть отчасти цель и значение библиотеки. Их было шесть человек. Один из них, самый деятельный и развитой, пришел ко мне сам. Я откровенно рассказала ему о своем разочаровании и жаловалась на косность и неотзывчивость населения. Но он указал мне, что население переполняет школы, что народные чтения, устраиваемые раньше учителем, собирали массу народа, что многие из грамотных жителей выписывают газеты, а ко мне не приходят потому, что не знают, что такое самостоятельная, не школьная библиотека, и какова я сама, и зачем я им нужна. Книгу они не считают необходимой для себя и сами ко мне не придут. Надо приучить школьников ходить в библиоте-

ку. Мой первый друг и советчик позвал меня к себе пить чай, а одновременно пригласил и остальных пять человек, о которых я уже упомянула. Во время общего чаепития все они советовали начать со школьников. Больше де ходить в библиотеку некому. И тогда мне пришла в голову мысль: привлечь родителей через детей. Я горячо поблагодарила моих новых друзей и просила их взять на себя оповещение народа о собрании в ближайший праздник. Я обещала сообщить на этом чтении последние известия о войне и предложить одно дело, очень важное и нужное. Друзья мою просьбу исполнили. И много народу пришло вечером. Большинство из любопытства, меньшинство из сочувствия ко мне или, наоборот, с враждебным ожиданием моего полного поражения. Представляете ли вы себе мое душевное состояние, когда я, смущенная, жалкая, совсем не представительная, стояла перед собранной мною толпой, перед устремленными на меня со всех сторон недоверчивыми крестьянскими глазами и должна была найти слова, которые победили бы это недоверие хотя бы отчасти, не сделали бы меня смешной и еще более далекой этой массе, собравшейся на мой призыв. Должна еще добавить, что я являлась в селе представительницей земства, а оно, благодаря неудачному составу, тяжелым условиям военного времени и недостатку людей, не оправдало ожиданий крестьянства и вызвало к себе недоброжелательное отношение. Все это недоброжелательство чувствовалось в молчаливом ироническом внимании толпы и должно было обрушиться на мою голову в случае неудачной речи. Прежде всего, я должна была с достоинством ответить на эту скрытую, незаслуженную мною недоброжелательность. Я очень неудачно начала свою речь со слова «господа», но дальше глубокая убежденность, стоящая всегда выше впечатления смешного, спасла меня. Ничего нового я им не сказала, указывая на всеобщую безграмотность, на то, что враги наши нас побеждают, благодаря нашей необразованности. Указала я им на то, что школа может мало дать им в виду краткости учебного курса; что половина этого времени сохранилась бы для обучения, если бы дети приходили в школу не такими дикими, а привыкшими уже немного к обстановке, к правильным занятиям, и учителя могли бы не тратить времени на это приучение и приручение детей, а начать самое обучение; что я, будучи учительницей, от самих крестьян слышала жалобу на их неумение говорить, неумение защитить свои интересы словом, потому что как они говорили: «У господ язык мягкий, а у нас таловый». И вот, чтобы приучить детей к школе, развить их, приучить смело и свободно говорить с самого детства, я прошу всех желающих приводить два раза в неделю ко мне в библиотеку детей от 4-х до 6-ти лет. Я буду учить их, играя. Кроме того, я обращаюсь и к взрослому населению с предложением посильной помощи населению. Ведь

служить им, крестьянам, приехала я. Надо ли письмо написать, прошение какое-нибудь, адрес военнопленным, оказать примитивную медицинскую помощь или просто побеседовать о чем-нибудь, — я все сделаю охотно. А если они не придут ко мне, не нужна будет моя служба им, крестьянам, я уеду из деревни. Мое предложение имело успех, превывсивший самые смелые мои ожидания. В этот же вечер, по окончании чтения газет, записали на мои занятия сорок шесть детей. Приходится опять сознаться в своей неподготовленности. О дошкольных занятиях я имела понятия столь же элементарные, как и о библиотечной технике. Надо было подготовиться к собранию детей. Никогда, будучи ученицей, во время страдной поры экзаменов, я не зубрила так ожесточенно, как зубрила в ожидании этого собрания стихи, сказки, песенки, игры. Детей привели матери и остались сами в библиотеке из любопытства. Был опять праздник. Школьники, привлеченные звуками нашего разноголосого пения, присоединились к нам. Библиотека, сени, моя комната наполнились народом, и перед всей этой толпой я добросовестно выполнила намеченную программу собрания. Она далеко не была удачной. Многие дети скучали, некоторые расплакались, испугавшись многолюдства и шумности собрания. Но матери и старшие дети ушли в восторге. Все присутствующие сидели на полу. У меня не было еще мебели, кроме одного стола, стульев и кровати в моей комнате. Шкафа тоже не было, и все мои 126 книжек лежали на столе. Большая часть из них были книги детские, и школьники все их разобрали. Начала функционировать моя библиотека. Число дошкольников скоро увеличилось, но об этих занятиях я говорить не буду, сообщила о них только потому, что они служили первой мерой привлечения читателей. На собрания детей стали заглядывать матери, братья, отцы, бабушки и дедушки детей. По окончании занятий с детьми я стала читать вслух газеты и выбранные заранее статьи. Так образовалась громкая читальня. Потом возникли еще другие меры привлечения читателей в библиотеку, и, увлеченная работой в этом направлении, я сделала первую важную ошибку, проступок перед библиотекой: я не сумела сделать понятным, привычным, употребительным самое слово «библиотека». Дети называли меня тетей Лидой, библиотеку — школой, взрослые — учительницей маленьких, библиотеку — тоже школой. Понятия «библиотека» и «библиотекарша» были чужды им по-прежнему. Моих книг, разумеется, скоро не хватило, и земство прислало мне новый запас их. Тогда я увидела, как мне трудно справляться с увеличившимся количеством книг при моей системе. Указания я нашла в книге Л. Б. Хавкиной, но нужны были еще практические советы по библиотечному делу и по занятиям с дошкольниками, и по устройству народных чтений. Боже, какой недоучкой и беспомощной почувствовала я

себя среди всей этой работы! На мою слезную просьбу о помощи наш заведующий отделом народного образования ответил, что приедет опытный работник библиотечного дела С. И. Гадимачук. И когда названный товарищ приехал, то библиотеку ему никто не мог указать, а школу, где ребяташки занимаются, указали. Гадимачук мне в вину это не поставил, утешая, что название «библиотека» плохо прививается везде, но я знаю, что это моя вина. Я должна была привить это название. Вот моя первая, еще не самая большая ошибка. Пропагандируя библиотеку, я не внушила народу, не сделала дорогим и привычным имя ее. Для привлечения читателей я устроила один спектакль, тоже не совсем удачный. Играли крестьяне, никогда не видевшие театра, а я выбрала пьесу с массовыми сценами. Потом два более удачных при активном участии учительниц. Работала я в местном благотворительном комитете, пользовалась всяким случаем оказать крестьянам полезной, и читатели пришли. Но привести их было еще недостаточно, надо было удержать их у библиотеки. Надо было сделать их действительно читателями, а не посетителями только. Надо было узнать душу читателя, личные мнения его, и одни из них поддержать, укрепить, а с другими бороться. Это можно было сделать только посредством общих чтений. Я стала часто устраивать народные чтения, а после них нечто вроде бесед. И вот, стараясь пробудить любовь к чтению, пропагандируя книгу, повышая спрос на нее, я забросила ее самое. Я не имела времени работать над ней. То дошкольники, то репетиции крестьянских спектаклей, то народные чтения. Надо готовиться к чтениям, надо выдавать книги, сидеть в читальне, беседовать с крестьянами об их личных делах, я же обещала им свою посильную помощь, — а книги (старые и постоянно прибывающие новые) все также примитивно записаны, формуляры читателей написаны не всем, книжные карточки не готовы, да и хозяйственная часть пострадала от моего широкого разбрасывания. Мне некогда было хорошенько поговорить о ценах на вещи для библиотеки, и в результате вывеска, которая везде обошлась бы не дороже 15 рублей, мне стоила 30. Это преступно по отношению к начинающей библиотеке, имеющей столько нужд. Горьким опытом убедилась я в справедливости слов А. А. Покровского, что все просветительные работы должны вестись библиотекарем, но не в ущерб библиотечному делу.

Строгий порядок, образцовая библиотечная техника прежде всего импонируют самим крестьянам и имеют для них громадное воспитательное значение. Русскому крестьянству надо ежедневно, ежечасно говорить о необходимости порядка, показывать значение и пользу его. Ну а моя библиотека в этом отношении не на высоте положения. Я очень скверно чувствовала себя, когда после разнообразной, но беспорядочной работы с книгой я приехала в

соседнюю библиотеку к товарищу Копонцу и увидела, что он тоже не меньше меня работает, не меньше меня популярен, но его книги в строгом порядке и ему легче выдавать их. Следовательно, во главу угла должна быть поставлена сама библиотека, а остальное уж приложится к ней. Иначе страдают и библиотечное дело, и просветительные начинания.

Я взяла на себя инициативу занятий с взрослыми, написала учительницам конспекты для этих занятий, но сама ни одного раза не была на них, не знала, что нет никакого журнала, никакой записи и представляла в земство отчеты со своей подписью, но с данными, сообщенными учительницами и не проверенными лично. И библиотека моя оставалась неустроенной. Это все громадные ошибки, которые теперь мне приходится исправлять с большим трудом, и я предостерегаю от них товарищей, которым придется, как мне, начинать дело, открывать библиотеку. Велика нужда в широкой просветительной работе библиотекаря в деревне, но там, где нет интеллигенции или мало ее, как у меня, например, — три учительницы, замученные своей работой, — мы одни справиться не можем, и наш долг, обязанность наша кричать о помощи, требовать ее у земства, взывать к товарищам, звать их в деревню. Служба народу теперь насущная необходимость, настойчивое требование момента, выдвинутого историей: «Кто есть жив человек — отзовися!». Надо идти в гущу народа, в деревню, чтобы он видел, что мы с ним, что мы нужны ему. Иначе, получая теперь право на активное строительство своей жизни, он в своей духовной слепоте может сам вырыть себе яму и отказаться от книг, библиотек и других просветительных начинаний. Ведь ему не внушили любви, доверия и знания области духа, в которую его так долго не пускали. Всей работы один библиотекарь теперь не выполнит, силы у него только человеческие, пусть зовет подмогу, кричит о ней. И вот еще вопрос громадной важности для деревенских библиотекарей. Тоже вопрос настоящего. Во многих местах население очень темное еще. Оно может закрыть библиотеку, вообще начать борьбу с библиотекарем. В этой борьбе нельзя оставаться одиноким, надо слиться воедино, надо создать союз сельских библиотекарей и действовать все за одного, один за всех. Этот союз должен организовать и печатный орган, чтобы мы, отделенные друг от друга далеким расстоянием, могли бы все знать, как живет, в чем нуждается, какой опасности подвергается каждый из нас, какую полезную работу он ведет и чему можно научиться друг у друга. Большинство из нас выбрано членами сельских и волостных комитетов, и соединенными усилиями мы можем в устройстве новой сельской жизни отвести почетное место культуре. Но для этого мы должны поддерживать друг друга. Библиотека в жизни крестьян — маяк культуры в полном смысле этого слова. Она должна нести в деревню и

науку, и литературу, и искусство, и эстетику. Один только этот маяк хранит свет, принесенный из малодоступной для крестьян области культурной жизни, и он должен светить ровно, ярко и неустанно. А поддерживаем этот огонь мы, сельские библиотекари. Мы освещаем темную ночь деревни. И для того, чтобы светить продуктивно, мы должны быть образованы всесторонне, мы должны быть уверены в своих знаниях, мы должны любить науку, искусство, красоту, знать их. А как нам сделаться такими, каких требует наше дело, нам, бедным деревенским библиотекарям, когда и первоначальные наши знания расплываются, уничтожаются временем, когда окружающая нас грубая среда кладет на нас неизбежный отпечаток, когда в окружающей нас обстановке мы можем только тосковать об искусстве? Для этого необходимо хоть ненадолго нас вырывать из нашей скучной обстановки, хоть ненадолго приобщать нас к шумной разносторонней жизни большого города, полного самых разнообразных проявлений человеческого духа. Вот почему великое спасибо инициаторам наших библиотечных курсов, что они каждый год собирают нас из глухих медвежьих углов, дают знание нашего дела, освежают наш запас впечатлений, снимают с нас хоть ненадолго паутину серости, сплетенную грубо материальной жизнью, окружающей нас.

Было необычайно первое появление нас, оренбуржцев, на московском вокзале. Мы стояли беспорядочной кучкой, растерянные, ошеломленные неприветливостью чужого большого города. Мы, вероятно, смешны окружающим своим резким отпечатком провинциализма, своей растерянностью. А между тем многие из нас, до службы в деревне, жили в больших городах, не терялись раньше в суете. Но теперь мы отдали весь свой опыт, все свои лучшие силы крестьянскому люду, разделили с ним его оторванность от города и пришли в город уже другими, чужими людьми. Это не смешно, а трогательно. Но внешняя растерянность не беда, страшна растерянность внутренняя, недостаточность культурного багажа. Вот освежение, пополнение его и необходимо для сельских библиотекарей. Мы должны и картины видеть, и в театре быть, и ораторов послушать — одним словом, как губка, впитать в себя все впечатления культурной жизни и отнести их на службу родному народу. Мы должны выпрямить свою душу, как выпрямил ее герой рассказа Глеба Успенского, увидев Венеру Милосскую, чтобы там, на местах, не бояться страшного одиночества среди людей, чтобы мириться с тем, что столичные газеты приходят на десятый день, что ближайший уездный город в 100 верстах, так же далека станция железной дороги, а кругом невежественные крестьяне или еще более темное инородческое население, серая некрасивая обстановка. Там, на местах, опять придется нам быть постоянно на страже, чтобы не потерять доверия народного, не сделаться вра-

гами его, пропагандируя новое, спасительное, но непонятное и непривычное для него. Ведь, при всем своем уважении к нам, этот народ все еще та же слепая стихийная сила, которая избивала врачей во время эпидемии, шла за сумасшедшим монахом, преследовала первых вестников светлой политической жизни, проповедников ее в деревне. Мы должны направлять эту силу, руководить ею через книгу, быть часовыми истинного просвещения, поставленными на одиноких постах.

Запросы крестьянства, требования его становятся все шире, а в своих исканиях оно глубоко одиноко. Наша обязанность прийти ему на помощь. Мы должны приготовить его к строительству новой, лучшей жизни. Война, вместе со всеми ужасами ее, принесла и ценное для народа сознание, что мир не ограничивается его неблагоустроенной деревней, что можно жить иначе и принадлежит к крестьянскому сословию. Солдаты, вернувшиеся из действующей армии и побывавшие в стране врагов, рассказывают о широких удобных дорогах, огромных хозяйственных запасах, здоровых домашних животных, виденных ими у других крестьян, и они уже не хотят мириться с грязной и тяжелой своей жизнью, они увидели корень зла и требуют света. За ним они придут к нам. Сельская женщина, освободившись от подавляющего влияния мужчины, увидев, что в трудные годы войны она сумела сама, без помощи мужа, жить своим умом и своим трудом, захотела иных, лучших условий существования, признания своей ценности. Она захотела быть грамотной. Самый большой и трогательный элемент читателей моей библиотеки в данное время составляют женщины. Едва научившись читать на занятиях со взрослыми, они уже идут в библиотеку за книжкой, они аккуратно приходят на все народные чтения; так дорого и ново было для них сознание, что они могут и ум свой развивать, как мужчины, и рассуждать с таким же правом, как они. Задача библиотеки — поднять в сельской женщине сознание собственного достоинства, воспитать женщину, а через нее действовать на мужа и детей. Влияние женщины везде, в городе и в деревне, велико, — надо только сделать его разумным. Я ужасно жалею, что не взяла коллективного письма ко мне женщин-солдаток. Письмо это уже было проникнуто новым для деревни благодетельным веянием и представляет собой как бы декларацию прав деревенской женщины. Я упомянула об этих новых запросах деревни, чтобы указать, какая большая и ответственная подготовительная работа лежит сейчас на нас, сельских библиотекарях. Именно подготовительная, черная работа. Мы готовим в деревне материал для фундамента светлого здания будущего. Мы, маленькие искорки культуры, разбросанные в огромном, мрачном царстве невежества, должны зажечь большой пожар, уничтожающий с корнем всю гниль, все скверные остатки прошлого.

И, как ни малы отдельные усилия каждого из нас, как ни скромна доля в общей работе, все же мы делаем ее во имя великой идеи, и не бесплодно пройдет наша жизнь. Когда придут на смену нам, чернорабочим культуры, другие люди, люди творцы, и создадут разумную, просвещенную жизнь многомиллионному русскому крестьянству, — мы, сельские библиотекари, удовлетворенно скажем: «И нашего меду здесь есть хоть капля». С таким сознанием хорошо жить!».

В этом докладе, между прочим, затронут вопрос о необходимости объединения библиотекарей, чтобы они не чувствовали себя «культурными одиночками». Едва ли нужно доказывать всю важность такого объединения, которое могло бы служить взаимной поддержкой. Вместо доказательств приведу воззвание самой крупной из наших библиотечных организаций — Русского Библиотечного Общества, разосланное по библиотекам в начале октября 1917 г.

«Мы не знаем, как развернутся дальше события и какие судьбы ожидают Россию, мы можем различно смотреть на задачи общественной деятельности и на обязанности гражданина в наши трудные дни; но во всяком случае мы знаем, что и в будущем, как и теперь, насущно нужно России просвещение народных масс, культурное воспитание нации.

И если теперь обязанностью каждого — независимо от его политических взглядов — является усиление производительности своей нормальной, профессиональной работы, если рабочий должен удвоить производительность своего труда в мастерской, а земледелец — на пашне, то и культурный работник, учитель — в школе, библиотекарь — в библиотеке, должен удвоить напряженность своей работы над просвещением и воспитанием народа, над подготовкой нации для демократии.

Трудна теперь эта работа. И чтобы не падала бодрость, чтобы не опускались руки, нужно, чтобы каждый работник библиотечного дела знал и чувствовал, что он не один стоит за библиотечным прилавком, что вместе с ним работают тысячи товарищей, рассыпавшихся по всей России. Нужна взаимопомощь в работе или хотя взаимосведомленность, переключка, обмен дружеским словом, приветом.

Этот листок — такой товарищеский привет всем библиотекарям городским и сельским от Русского Библиотечного Общества и от библиотекарей Москвы.

Вместе с тем это — призыв к объединению. Дайте адрес для присылки сообщений. Обращайтесь к нам за справками. Пишите о своей работе, делитесь опытом и соображениями. Примыкайте к нашему Обществу или к иной библиотечарской организации. Устраивайте филиальные отделения — или

просто кружки библиотекарей с представителем для сношений. Так будет подготовляться объединение всей армии библиотечных работников — создание Всероссийского союза библиотекарей*).

Правление Р. Б. О.

И не только для взаимной поддержки нужно присоединяться к существующим библиотечным организациям и устраивать новые, а также для того, чтобы создать истинную профессию библиотекаря, чтобы показать русскому обществу, как много может сделать библиотека и библиотекарь, и чтобы общими дружными усилиями двигать библиотечное дело в России. В единении сила!

ХIII.

Ближайшие задачи библиотечного дела в России

Что же стоит теперь на очереди для того, чтобы развить и поднять библиотечное дело, которое в переживаемую нашей страной трудную пору могло бы оказать серьезнейшую поддержку насаждению культуры, столь недостающей и столь необходимой у нас?

Мне думается, что, прежде всего, нужно усиленное распространение понятия о «новой библиотеке», ее задачах, возможностях и достижениях. Нужно достигнуть того, чтобы «новая библиотека» насаждалась, где только возможно, и чтобы по ее типу реформировались старые безжизненные библиотеки. Нужно словом и делом распространять «библиотечный энтузиазм», «библиотечный дух». Много может сделать искра библиотечного знания, подхваченная, воспринятая общественным деятелем.

---

*) Русское Библиотечное Общество ставит себе задачей — «содействовать развитию библиотечного дела и улучшению подготовки, быта и условий труда библиотекарей в России». Правление Общества в Москве — Большая Кисловка, 1, кв. 4, тел. 1-36-27. Деятельность Общества распространяется на всю Россию; оно имеет в нескольких городах филиальные отделения. При Правлении — бюро труда, справочное бюро, которое дает справки по всем вопросам библиотечного дела (на ответ нужно прилагать марку), имеет в продаже все существующие книги по библиографии и библиотечковедению. Р. Б. О. издает серию брошюр по вопросам библиотечного дела, а также инвентарные листы, карточки для каталога и для абонементной системы. Членский взнос — 3 руб. Справочное бюро открыто по вторникам, четвергам и субботам от 6 до 8 часов.

Укажу на один пример. В уездном городе Богодухове один общественный деятель под влиянием доклада о библиотеках, слышанного им на одном съезде, затеял устроить Общественную библиотеку. Одушевленный идеей, которая ему пришла по сердцу, он сплотил около себя кружок интеллигенции. Устроен был фургонный сбор книг, добыты кое-какие пожертвования. Библиотека открылась и сразу сделалась культурным центром городка, бедного умственной жизнью. Вокруг библиотеки возникла оживленная деятельность — по воскресеньям материнский клуб и детские собрания; периодически — публичные лекции, концерты и спектакли. К Общественной библиотеке стянулись все местные интеллектуальные силы. Она стала чем-то близким для каждого члена ее.

Мне случайно довелось присутствовать на первом годовичном собрании членов этой библиотеки, где был прочитан первый ее отчет, — отчет настолько оригинальный тем, что он весь пронизан литературными впечатлениями, что я позволю себе привести выдержку из него (он не был напечатан, правление Богодуховской библиотеки любезно предоставило мне его в рукописи).

«Большое внимание уже уделяется и будет уделяться еще более отделу детской литературы, так как Совет не может не согласиться с великими словами В. Гюго:

Ребенка обучи — дашь миру человека.
Среди преступников, сынов позорных века,
Нашел я семьдесят неграмотных из ста:
Они не знают букв, их подпись знак креста.
Да, школа — вот алтарь, как Божий храм священный!
Там азбуку уча, смысл жизни сокровенный
Ребенок учится впоследствии понять.
Ученья светлый луч сердца идет смягчать.
Так дайте же каждому малютке книгу в руки,
Зажгите свет пред ним, чтоб не познал он муки,
Которая томит блуждающих во тьме,
Которая ведет заблудшего к тюрьме.

Детская книга, детский журнал да послужат той путеводной звездой, тем ярким огоньком, который приведет к нашей библиотеке и ее читальне детей и их родителей, безусловно, больше всего дорожащих интересами детей.

Совет высказывает глубокую уверенность, что, вступив в благоприятные условия, библиотека расширит свою деятельность на пользу местного населения и сыграет свою скромную роль в вековой борьбе света с тьмою. Невольно вспоминается аллегория испанского романиста-философа Армандо

Паласио Вальдеса. В своих «Записках доктора Анджелико» он создал красивую аллгорию человеческой беспомощности перед вековыми тайнами мироздания и вечных попыток человечества разгадать эту тайну. Смелые исследователи, вероломно брошенные проводником в Ливийской пустыне, напрягают последние силы, чтобы найти оазис. Задыхаясь от палящего зноя, уже гибнут несчастные один за другим. Вдруг радостные восклицания: «Оазис! Оазис!». В самом деле, перед ними был оазис: пальмы, голубые очертания гор. Путешественники обнимались и плакали от радости. Но выступил с биноклем ученый и рассеял преждевременную радость: это мираж, отражение гор, оставленных позади. Объяснение вызвало общий упадок духа. Только молодой философ не потерял бодрости. «Мы видим впереди не оазис, а мираж, так доказывает наука. Но почему же падать духом? Пойдем вперед, как будто впереди есть что-нибудь. Эта надежда поддержит нас еще некоторое время. А потом, кто знает?.. Быть может, идя вперед, мы случайно набредем на родник?» Так, по аллгории Вальдеса, точное знание разрушило мираж старого полужнания с его мраком, суевериями и темнотой, но оставило человечество в неведомой пустыне с ее палящим зноем. Человечество ищет источник, из которого оно могло бы утолить страшную жажду, вызываемую этим палящим зноем пустыни. И этим источником является книга: только она, по преимуществу, дает людям знание, только она утоляет духовную жажду; книга влечет нас в царство мира, тишины, она рассеивает царящий вокруг нас мрак, она облегчает борьбу с препятствиями. Она же увлекает нас далеко от земной суеты сует в царство спокойствия, nirваны, царство горного цветка эдельвейса, этого олицетворения невыплаканных человеческих слез и страданий.

В произведениях М. Горького есть прекрасное место, посвященное этому цветку, горячо любимому горными жителями:

«Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот. Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин. У подножия гор, там на тесных равнинах земли, жизнь, тревожно волнуясь, растет, и страдает усталый владыка равнин — человек. В темных ямах земли стон и смех, крики ярости, шепот любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной! Но безмолвия горных вершин и бесстрастия звезд не смущают тяжелые вздохи людей. Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот. Но как будто затем, чтоб кому-то сказать о несчастьях земли и о муках усталых людей — у подножия льдов, в царстве вечной немой тишины одиноко растет грустный горный цветок — эдельвейс. ... А

над ним в бесконечной пустыне небес молча гордое солнце плывет, грустно светит немая луна и безмолвно и трепетно звезды горят... И холодный покров тишины, опускаясь с небес, обнимает и ночью и днем — одинокий цветок — эдельвейс».

Если необходимо распространять понятие о «новой библиотеке» среди широкой публики, то тем более необходимо распространение библиотечных знаний, или библиотекведения, готовить кадры библиотечных работников, которые могли бы проводить в жизнь современные библиотечные идеалы.

Наличность таких работников особенно необходима потому, что первой стадией библиотечной реформы должно быть усиление и углубление работы каждой библиотеки в отдельности, переход на новые методы (библиотечные выставки, чтения, кружки самообразования, улучшенная техника и т. д.) там, где они еще не применяются. Такая интенсификация работы неизменно во много раз повышает деятельность библиотеки, кроме того, фактически уясняет населению значение библиотеки. Это один из лучших способов привлечь население к библиотеке, заинтересовать ее делами, пробудить самостоятельность населения в библиотечном вопросе.

Наряду с интенсификацией деятельности отдельных библиотек, необходимо объединение мелких ячеек в более крупные, образование библиотечных сетей, кооперация библиотек между собою и согласованная деятельность их с другими просветительными учреждениями и организациями. Объединение также содействует росту библиотечного дела.

Оба эти условия — интенсификация и объединение — готовят почву для увеличения масштаба, для более широкого размаха.

Из недавних фактов в области объединения библиотек укажу на проект Серпуховской Общественной библиотеки, в которую войдут библиотеки десятка организаций, имеющих в этом уездном городе, напр., большая библиотека земской управы, которая прежде доступна была только земским служащим, библиотека Благотворительного общества, клуба, медицинского общества и др. Городское управление по случаю открытия учредительного собрания ассигновало на эту соединенную библиотеку 10 тыс. рублей, поступили также частные пожертвования, и кооперативные организации обещали оказать материальное содействие. Общественная библиотека будет иметь филиальные отделения и выдачные пункты и в городе и в уезде, и Центральная библиотека будет обслуживать и городскую и сельскую сеть.

Объединение работы должно выражаться также в устройстве совещаний и съездов по библиотечному делу. Необходимы частные совещания местных работников, но периодически нужны и объединенные совещания в более

крупных центрах, например, совещания уездные, затем губернские и, наконец, областные там, где это возможно организовать при нынешних условиях. Если нельзя устроить отдельного библиотечного совещания, то желательно хотя бы организовать библиотечную секцию на совещании по внешкольному образованию.

Когда только явится возможность, необходимо созвать всероссийский съезд по библиотечному делу. До сих пор был только один съезд в 1911 г., и жизнь выдвинула множество настоятельных вопросов, но второй съезд, предложенный в 1913 г., все еще не мог быть осуществлен вследствие различных неблагоприятных причин.

Съезд по библиотечному делу важен еще и для того, чтобы координировать работу различных организаций (городов, земств, кооперативов и проч.) в специальной области. Большое значение может иметь в настоящее время и личная встреча деятелей различных местностей, и взаимное осведомление.

Переходя от маленьких объединений к более крупным, мы не только будем улучшать работу и двигать вперед библиотечное дело в России, но также будем чувствовать взаимную поддержку. Взаимная поддержка — очень большая опора, и при этом условии работа идет во много раз лучше и успешнее.

Русские библиотечные деятели должны также знать, что кроме взаимной поддержки, они имеют поддержку от своих заатлантических сотоварищей по работе. На съезде Американского Библиотечного Общества в 1917 г. один из основателей этого общества Р. Р. Баукер, дважды побывавший в России — последний раз во время объявления войны в 1914 г. — сделал доклад о России. В живой, увлекательной форме передал он и краткие исторические, бытовые, экономические и политические сведения о нашей стране, и свои личные впечатления. Разумеется, говорил он и о библиотеках:

«Всего сто лет, как существует Публичная библиотека в Петрограде, но за это время она успела занять третье по величине место среди библиотек земного шара: ее опережают только Национальная библиотека в Париже и библиотека Британского Музея. Это — центр библиотечной России, но центр не в нашем смысле, так как от нее мало что исходит в смысле национального стимула. Не исходит этот стимул также и от академических библиотек, ни от крупных городских библиотек, как в Одессе и Киеве. Зато исходит он от молодого Университета в Москве, устроенного по завещанию А. Л. Шанявского. Около него сгруппировались прогрессивные элементы, преподаватели и слушатели, изгнанные из государственного университета благодаря тирании правительства. И в этом университете возникли библиотечные курсы, которые являются центром библиотечного прогресса для России...».

Далее докладчик говорил о библиотеках-вагонах Сибирской железной дороги, о сельских библиотеках и т. д. и особенно останавливался на значении русской литературы и русского искусства для всего цивилизованного мира. «В прежние времена», — закончил он, — «Америка была в дружбе с Россией, несмотря на ее самодержавный строй. Теперь при свете новой свободы великие демократии запада и востока, Америка и Россия, должны жить в еще более тесной дружбе не только ввиду войны, которая рано или поздно кончится, но и в том прочном мире, который должен наступить».

После этого доклада единогласно принята была следующая резолюция: «Американское Библиотечное Общество на съезде в Луизвилле постановило принести искренние приветствия всем в молодой Российской республике, кто исповедовал демократическую веру и теперь видит первое осуществление своих надежд на новую будущность своей великой страны. Организация Национальной библиотеки, третьей по величине в мире, в течение одного столетия была выдающимся достижением при старых условиях. Пионерская работа библиотечных курсов в Москве и организация вагонов-библиотек Великой Сибирской железной дороги служат залогом, что публичная библиотека в России делается одним из могучих факторов народного просвещения. Америка и Россия в этом большом деле должны идти рука об руку, и Американское Библиотечное Общество, с признательностью вспоминая значение русской литературы для нашей страны и для всего мира как вдохновительницы демократических идей, готово оказать содействие (*pledges its aid*) своим русским собратьям в деле развития в России библиотечного движения, которое принесло такие большие результаты в Америке за последние полвека^{*}».

Пусть этот привет будет путеводной звездой в нашей работе на поприще библиотечного дела в родной стране!

---

^{*}) Library Journal. 1917. VIII, pp. 604-605, 629.

О г л а в л е н и е

«Библиотекведение: изучая прошлое — создаем будущее». Серия книг по истории отечественной библиотечной мысли	3
<i>С. А. Басов, И. Н. Качковская. «Книга и Библиотека»</i> Л. Б. Хавкиной	4
I. Культура как фундамент современной жизни	14
II. Внешкольное образование	20
III. Знание и книга	25
IV. Из эволюции книги	32
V. Тернистый путь	39
VI. Зачем нужны библиотеки	53
VII. Библиотечные идеалы и их осуществление	66
VIII. Библиотека и дети	75
IX. Библиотека — социальная сила	88
X. Библиотечная политика	97
XI. «Все для читателя»	112
XII. Библиотекарь — душа дела	130
XIII. Ближайшие задачи библиотечного дела в России	145

